

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Слово о семейномъ счастіи, произнесенное въ день Срѣ-
генія Господня Преподобнаго Амвросія

Постепенное отпаденіе христіанскаго Запада отъ правосла-
вія. (Продолженіе). Д-ръ православнаго богословія Владиміра
Гете (съ франц.) Н. Истомина.

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ (Біографическій очеркъ).
(Продолженіе) Священ. Т. Буткевича.

Проповѣдническая дѣятельность Василія Михайловича Дроз-
дова (въ послѣдствіи Филарета, митрополита Московскаго)
1803—1808 гг. И. Корсунскаго.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Возможна-ли философія? Профессора Московской духовной
академіи В. Кудрявцева.

Критическое обозрѣніе обычныхъ взглядовъ и сужденій о
различныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ об-
щественнаго благоустройства (продолженіе). Профессора Кі-
евской духовной академіи П. Линицкаго.

Письма философа Сенени (Продолженіе) * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе листка: Опреждленія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—
Вѣдомость о колпчествѣ свѣчей, забранныхъ для Харьковской епархіи и для церквей
1-го Волчанскаго округа въ Харьковскомъ епархіальномъ заводѣ за 1863 г.—Извѣстія и
замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, нѣмецкая, № 26.

1884

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзъясненіе церковныхъ канонѡвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоѡка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ себѡаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 руб.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Авддея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ въ редакціи новаго журнала по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковь, Февраля 15 дня 1884 года.

Цензоръ Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

ВЪ ДЕНЬ СРѢТЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

О СЕМЕЙНОМЪ СЧАСТІИ.

*И взя Богъ чловѣка, еѡ же созда,
и введе еѡ въ рай сладости дѣлати еѡ
и хранити. (Быт. 2. 15).*

Охраненіе въ родѣ чловѣческомъ правильнаго порядка семейной жизни и семейнаго счастья составляетъ предметъ особаго попеченія и промышленія Божія. Начиная отъ перваго сказанія Моисеева о благословеніи Божиємъ на новосозданную чету нашихъ прародителей: *раститесь и множитесь и наполните землю и обладайте еѡ* (Быт. 1, 28)—чрезъ всю Библию проходитъ непрерывный рядъ наставленій о семейной жизни и покровствованій объ особенныхъ опытахъ милостей Божіихъ къ благочестивымъ семействамъ. Непрестанно встрѣчаемъ мы правила и указанія относительно взаимныхъ обязанностей супруговъ, родителей и дѣтей, родоначальниковъ и потомковъ. Поучительны и трогательны сказанія о дарованіи дѣтей безчаднымъ родителямъ по молитвамъ и обѣтамъ ихъ, объ избраніи изъ добродѣтельныхъ семействъ *отъ чрева матери* (Лук. 1, 15), нарочитыхъ служителей въ дѣлѣ домостроительства Божія о спасеніи людей, о благословеніи потомковъ за

вѣру родоначальниковъ; но съ другой стороны встрѣчаемъ и поразительныя повѣствованія о бѣдствіяхъ, посылаемыхъ на дѣтей за грѣхи родителей ихъ, и за непочтеніе къ нимъ. Самая семейная жизнь, проводимая въ духѣ благочестія, въ книгахъ Ветхаго Завѣта изображается въ чертахъ привлекательныхъ (Притч. 31, и Пс. 127). Въ законоположеніяхъ и дѣйствіяхъ Церкви новозавѣтной семья такъ-же составляетъ предметъ особаго попеченія: на жениха и невѣсту, при первомъ изъявленіи взаимнаго ихъ согласія, особымъ молитвословіемъ призывается Божіе благословеніе; совершеніе брака составляетъ таинство, въ которомъ запечатлѣвается обѣтъ вѣчной вѣрности и освящается супружескій союзъ; дѣти съ самой минуты появленія на свѣтъ на все время воспитанія поставляются подъ покровительство и руководство Церкви. Отцы и учителя Церкви часто внушаютъ христіанамъ заботливость о благоустроеніи семействъ и охраненіи семейнаго счастія. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ, —самъ дѣвственникъ,—преподаетъ глубокія наставленія и совѣты о благоразумномъ выборѣ невѣсть, объ охраненіи взаимной любви между супругами, о воспитаніи дѣтей и т. п.

Съ этими указаніями Божественнаго откровенія и Церкви на великое значеніе семьи для блага человѣчества согласны были и мнѣнія ученыхъ всѣхъ вѣковъ до послѣдняго времени. Лучшіе мыслители всегда почитали семейства основою человѣческихъ обществъ и государствъ, расадниками дарованій и добрыхъ задатковъ въ молодыхъ поколѣніяхъ, началомъ человѣческаго благосостоянія, утѣшеніемъ трудящихся, прибѣжищемъ сиротствующимъ и одинокимъ, пріютомъ, гдѣ живетъ и хранится тихое и безмятежное счастіе человѣческаго сердца. Но въ наше время семейство подверглось ожесточеннымъ нападєніямъ ложныхъ воззрѣній и ученій

и взволновавшихся подъ вліяніемъ ихъ страстей чело-
вѣческихъ. Жизнь семейная на глазахъ нашихъ па-
даетъ, семейное счастье рушится, и самая возможность
этого счастья подвергается сомнѣніямъ. Заключение су-
пружескихъ союзовъ становится страшнымъ по множе-
ству несчастныхъ браковъ; счастливый выборъ жениха
и невѣсты сравнивается съ случайнымъ выигрышемъ
по жребію; незаконныя сожитія, какъ легко расторжи-
мыя, предпочитаютъ законнымъ супружествамъ, заклю-
чаемымъ съ обѣтами вѣчной вѣрности. Положеніе пе-
чальное. Если семейство есть основаніе силы и благо-
состоянія народовъ и государствъ (чего никто не мо-
жетъ оспаривать): то разложеніе семьи должно быть
началомъ паденія государствъ и народовъ. Если пра-
вильная семейная жизнь есть источникъ дарованій и
благовоспитанности молодыхъ поколѣній: то съ разру-
шеніемъ семьи надо ожидать упадка народныхъ силъ и
доблестей. Если семья есть хранилище прочно ограж-
даемаго счастья: то за уничтоженіемъ правильнаго по-
рядка семейной жизни непременно должно послѣдовать
устремленіе бездомныхъ людей къ наслажденіямъ без-
порядочнымъ и для общества разрушительнымъ. На-
добно принимать мѣры и ставить преграды разливаю-
щемуся злу, если мы хотимъ спасти отъ упадка и ис-
тощенія нашъ народъ и отъ разложенія наше великое
государство.

Искать этихъ спасительныхъ мѣръ намъ негдѣ кро-
мѣ Божественнаго откровенія и Церкви. Призовемъ на
помощь ихъ спасительныя наставленія для огражденія
нашихъ семействъ отъ тлетворнаго вліянія ложныхъ
воззрѣній и вредныхъ обычаевъ нашего времени.

Главное заблужденіе относительно семейной жизни
нынѣ состоитъ въ томъ, что всѣ ищутъ и ждутъ отъ
семейной жизни счастья, какъ чего-то готоваго, что не-

премѣнно они должны найти безъ трудовъ и усилій. Но такого готоваго счастья ни въ какомъ родѣ и нигдѣ нѣтъ на нашей землѣ: все здѣсь трудомъ добывается. Въ приведенномъ нами изрѣченіи бытописателя о поселеніи въ рай нашихъ прародителей есть знаменательная черта, которую мы можемъ взять въ руководство при нашемъ размышленіи о семейномъ счастьи. Земной рай, изображенный въ Библии, всѣми признается за первообразъ земнаго благополучія. Красота мѣстности, первобытная сила растительности, готовые плоды для пищи, отсутствіе опасностей и болѣзней, миръ и чистая радость сердца, созерцаніе Создателя и бесѣда съ Нимъ,—все это возноситъ наше воображеніе въ иной вождельный міръ, который превышаетъ всѣ наши обычные понятія о земномъ счастьи. Но не для праздныхъ наслажденій поселилъ Богъ первозданныхъ людей въ рай сладости, а далъ имъ упражненія для перваго развитія ихъ силъ, повелѣвъ имъ „воздѣлывать рай и хранить его“. И такъ, если и самый рай, для полноты счастья его невинныхъ обитателей, имѣлъ нужду въ воздѣлываніи и охраненіи: то какое земное состояніе и какое мѣсто на землѣ можетъ быть всегда готовымъ для нашего благополучія безъ воздѣлыванія и охраненія? Если и рай безъ наблюденія могъ терять свою красоту отъ излишняго и неумѣстнаго размноженія хотя и прекрасныхъ растений: то на нашей грѣшной землѣ какое наше убѣжище безъ воздѣлыванія не заростетъ крапивою и бурьяномъ? Если и рай могли повреждать первозданные, хотя и сытые и кроткія, но все же неразумныя животныя: то какое наше насажденіе останется безъ наблюденія цѣлымъ отъ настоящихъ хищныхъ и голодныхъ птицъ и животныхъ? Богатство требуетъ труда для накопленія и сохраненія отъ растраты и расхищенія; самыя прочныя и великолѣпныя зданія—поддержки и испра-

вленій отъ ветхости и поврежденій; человѣческое общество—охраны отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; родство и дружба—отъ недоразумѣній и столкновеній: очевидно, что и семейная жизнь и счастье не могутъ въ этомъ отношеніи составлять исключенія; и ихъ надобно воздѣлывать и охранять.

Нынѣ два условія признаются прочнымъ обезпеченіемъ семейнаго счастья: счастливый выборъ жениха и невесты и предварительно установившаяся крѣпкая взаимная склонность, обѣщающая нерасторжимый союзъ въ будущемъ. Никто не отрицаетъ великой важности этихъ условій, но никто изъ людей, знакомыхъ съ опытомъ, не рѣшится сказать, что счастливымъ выборомъ и взаимною склонностію все будущее счастье супруговъ обезпечено. Это рай, который надобно еще воздѣлывать и хранить. Прежде всего, подъ это доброе начинаніе нужно подвести основаніе, на которомъ зиждется истинное, т. е. разумное, сознательное, духовное счастье человѣка. Всѣ увлеченія нашего сердца проходятъ вмѣстѣ съ переменами, неизбежно происходящими въ предметахъ, къ которымъ они направлены, и въ насъ самихъ. Красота тѣлесная вянетъ, къ богатству привыкаютъ, вкусъ къ удовольствіямъ по времени притупляется; не измѣняются и не слабѣютъ только связи, составляемыя на общемъ направленіи супруговъ къ разумнымъ цѣлямъ, на постоянной потребности другъ въ другѣ, какъ въ необходимой силѣ, содѣйствующей достиженію этихъ цѣлей, на взаимномъ уваженіи другъ къ другу, какъ къ силѣ дѣйствительной и надежной, и на взаимномъ утѣшеніи отъ сознанія достигаемаго успѣха. Апостоль Павелъ говоритъ, что невеста „свободна выдти за кого хочетъ“,—какъ и женихъ воленъ жениться на комъ хочетъ,—„только въ Господѣ“ (I Кор. 7. 39). Что это значитъ? Значитъ,—чтобы при заклю-

ченіи брачныхъ союзовъ не были опускаемы изъ виду цѣли, указанныя для супружества Господомъ: взаимное попеченіе супруговъ другъ о другѣ во всѣхъ отношеніяхъ, но преимущественно въ нравственномъ; умноженіе, согласно съ Божиимъ благословеніемъ, рода человѣческаго людьми, способными силою дарованій, познаній и дѣятельности господствовать надъ природою, а не смотрѣть на нее тупымъ взглядомъ, и не жить въ ней безъ сознанія подобно существамъ неразумнымъ (Быт. 1, 28); наконецъ, восполненіе человѣческихъ обществъ членами, способными служить благу человечества и славѣ Божіей. Только при согласіи супруговъ во взглядахъ на эти главнѣйшія ихъ обязанности и при дружномъ ихъ исполненіи получаютъ настоящее значеніе и красота, и образованность, и достатокъ, и взаимная любовь, какъ средства для достиженія цѣлей, или какъ утѣшенія въ трудахъ. Безъ этого единства убѣжденій является у супруговъ разлагающая разность во вкусахъ и взглядахъ, направленіе склонностей въ разныя стороны, а главное, — безсодержательность и пустота семейной жизни, которой нельзя наполнить никакими чувственными удовольствіями. Если эта пустота и отсутствіе высшихъ цѣлей и благородныхъ трудовъ, предлежащихъ супругамъ, обнимаетъ обѣ половины, то семейное счастье сгибло, и домъ становится жилищемъ праздности, ссоръ и пороковъ какъ въ родителяхъ, такъ и въ дѣтяхъ; если же эта неспособность къ труду семейной жизни является въ одной половинѣ, то эта половина становится бременемъ для другой, и ея участь — иногда затаенное, но всегда неизбѣжное охлажденіе и даже пренебреженіе отъ другой стороны, какъ къ мертвой силѣ, задерживающей общее дѣло и вредящей ему. Таково чувство, сопровождающее печальный взглядъ разумнаго мужа на жену, бросающую безъ

призора дѣтей для свѣтскихъ удовольствій; таковы мысли жены о мужѣ праздномъ и лѣнивомъ, или разоряющемъ домъ расточительностію и другими пороками. Когда равно пусты и разсѣянны и мужъ и жена, то ихъ неизбѣжно постигаетъ и другая, заслуженная кара—потеря уваженія и любви со стороны дѣтей ихъ.

Воображая, что счастливымъ выборомъ партіи обезпечивается навсегда семейное счастье и что оно упрочивается первою склонностію, многіе супруги нынѣ опускаютъ изъ виду и то, что въ первое время супружества они еще не знаютъ ни другъ друга какъ должно, ни даже самихъ себя въ новомъ своемъ положеніи. Только стоя близко другъ къ другу, какъ стоятъ супруги, и только по времени они могутъ изучить образъ мыслей, вкусы, склонности, привычки другъ друга, причемъ, къ удивленію многихъ, въ избранникахъ сердца, вмѣстѣ съ достоинствами, привлеками любовь, открываются и значительные недостатки. Обнаруженіе недостатковъ, неожиданныя мысли, желанія и требованія поражаютъ иногда обоихъ супруговъ, какъ нѣчто необычайное, для счастья опасное и доказывающее ошибку, сдѣланную въ выборѣ. При дальнѣйшемъ обнаруженіи недостатковъ эта мысль подтверждается, и умножающіяся столкновенія, споры и размолвки, при недостаткѣ наблюденія за собою и снисходительности другъ къ другу, принимаются за доказательство, что счастье улетаетъ, что бракъ не удался, что вмѣстѣ жить невозможно, что нужно разойтись. Между тѣмъ какъ правила христіанской жизни требовали отъ обоихъ супруговъ, при благодарности къ Богу за найденныя другъ въ другѣ достоинства, быть на сторожѣ и ждать обнаруженія недостатковъ, какъ неизбѣжной принадлежности каждаго человѣка; изучить ихъ, отнестись къ нимъ со всею снисходительностію, какой требуетъ взаимная

любовь, и приниматься съ кротостью и терпѣніемъ за исправленіе другъ друга. Нынѣ въ супругахъ, знакомыхъ съ современными ложными взглядами на взаимныя отношенія людей между собою, все направлено противъ этого основнаго правила семейной жизни:— и признаніе за каждымъ безусловной свободы имѣть во всемъ и отстаивать свои взгляды и убѣжденія, каковы бы они ни были; и самолюбіе, недозволяющее смириться предъ другимъ, хотя бы для собственнаго блага; и, наконецъ, ложныя понятія о душѣ человѣческой, по которымъ всѣ внутреннія качества признаются неизбѣжнымъ проявленіемъ организма и физическихъ отправленій, а обнаруживающіеся въ человѣкѣ важныя недостатки приписываются средѣ, въ которой онъ воспитанъ, а не ему самому, такъ что его можно только лечить, а не исправлять, и въ случаѣ неудачи въ леченіи остается только бросить. Прибавьте къ этому, что такой судъ произносится новыми людьми только о другихъ, а сознаніе собственныхъ недостатковъ не допускается, какъ малодушная измѣна собственнымъ убѣжденіямъ и складу своей природы, къ которому другіе должны приспособляться и относиться съ уваженіемъ. И вотъ супруги бѣгутъ другъ отъ друга... Почему? Сначала они такъ любили другъ друга, такъ вѣрили въ прочность и неизмѣнность любви? Потому, что не имѣли смиренія, чтобы сознаваться въ своихъ недостаткахъ, лишающихъ другаго счастія и спокойствія, и по любви къ нему не хотѣли поработать надъ собою и исправиться; потому, что не имѣли умѣнья посоветовать и спутнику жизни наблюдать за собою и постепенно исправляться, и—терпѣнія подождать исправленія съ лѣтами; наконецъ, потому, что забыли, или вовсе не знали различія между недостатками *исправимыми* и *неисправимыми*, и не умѣли примириться съ послѣдними-

ми и уживаться съ ними, какъ приходится въ подобныхъ случаяхъ уживаться съ чужими людьми. Но къ мужу и женѣ новые люди требовательнѣе, чѣмъ къ чужимъ; чужіе могутъ имѣть неисправимые недостатки, намъ до нихъ дѣла нѣтъ; а свой человекъ, котораго мы любимъ, которому клялись въ вѣчной вѣрности, *обязанъ не имѣть ихъ*; онъ долженъ быть совершенствомъ; онъ обязанъ дать намъ полнѣйшее счастье, и если этого мы не находимъ, то въ правѣ оставить его и искать счастья съ другимъ, въ которомъ нѣтъ этихъ недостатковъ, хотя, конечно, найдутся другіе. Но трудъ перенесенія въ супругахъ недостатковъ другъ друга есть право на благодарность отъ стороны, имѣющей недостатки, къ другой, терпящей ихъ. Это укрѣпляетъ любовь, такъ какъ имѣющій недостатокъ старается утѣшить снисходительнаго друга другими лучшими свойствами своей души. Вниманіе къ слабости и недостатку такого близкаго человека, какъ мужъ или жена, возбуждаетъ жалость къ нему и утверждаетъ въ терпѣніи, которое само по себѣ есть добродѣтель; въ этой добродѣтели человекъ, имѣющій христіанскія убѣжденія, и для собственнаго усовершенствованія обязанъ упражняться съ ревностію и постоянствомъ. Онъ не можетъ бросить того, съ кѣмъ сжился сначала первою живою и ясною любовію, потомъ любовію, по слову Апостола, „милосердствующей“, потомъ любовію „долготерпящею“, наконецъ—любовію „вѣрующею“ въ плоды терпѣнія и въ возможность исправленія человека,—которое иногда бываетъ и сверхъ ожиданія, при особой помощи благодати Божіей. (I Кор. 13, 4—8). По этимъ воззрѣніямъ истинно, честно любящіе другъ друга супруги не могутъ бросить другъ друга за недостатки (если они не обращаются въ преступленія); иначе для нихъ потеряется главная цѣль супружеской жизни—любить другъ

друга не съ увлеченіемъ для однихъ наслажденій, а съ самоотверженіемъ для общаго блага временнаго и вѣчнаго. Въ этомъ случаѣ полезно вспоминать наставленіе св. Іоанна Златоуста: „въ супружествѣ надо всеѣмъ жертвовать и все терпѣть для сохраненія взаимной любви; если она утрачена—все пропало“. А любовь и радующаяся о любимомъ, и скорбящая, и терпящая,—все любовь, т. е. единственно прочное чувство, улаждающее нашу земную жизнь, и подвижники любви знаютъ, что любовь *жертвующая* доставляетъ духу несравненно высшее утѣшеніе, чѣмъ *наслаждающая*. Это любовь христіанская, о которой сказано: „мы, сильные, должны сносить немощи безсильныхъ, и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію; ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ“ (Рим. 15, 1—3). Эта именно любовь и заповѣдана христіанамъ, какъ высшая добродѣтель, созидающая благо человечества. Если она изсякаетъ у насъ въ супружествахъ, гдѣ ея жертвы сопровождаются и многими утѣшеніями: то можемъ ли мы надѣяться сохранить ее въ общественной жизни нашей? Упадая въ семействахъ, она и въ обществѣ замѣняется отношеніями своекорыстными, себялюбивыми, а затѣмъ и пороками, разрушающими порядокъ общественной жизни.

Не мало вредятъ въ наше время семейному счастью разные обычаи и предрасудки, несогласные съ христіанскими понятіями о супружеской жизни. Сюда мы относимъ: позднюю женитьбу мужчинъ, особенности воспитанія женщинъ, стремленіе къ *уличной жизни* и крайнюю свободу супруговъ въ отношеніяхъ къ чужимъ лицамъ другаго пола.

Продолжительная холостая жизнь развиваетъ въ мужчинахъ не только крайнюю разборчивость въ выборѣ себѣ жены, но ихъ избалованному, а иногда и испор-

ченному вкусу и по излишнимъ требованіямъ, но и разныя эгоистическія привычки, не соотвѣтствующія основному закону семейной жизни, по которому супруги обязаны заботиться больше объ угожденіи другъ другу, чѣмъ личнымъ склонностямъ. Мужъ, привыкшій до брака проводить свободное время въ веселыхъ собраніяхъ, дѣлать издержки изъ своего состоянія только для себя, располагать время по своему,—съ трудомъ мирится съ строемъ жизни семейной, гдѣ онъ обязанъ больше тратить для жены и дѣтей, чѣмъ для себя самого, посвящать имъ свое свободное время и заботиться больше о благоустройствѣ своего дома, чѣмъ о своихъ личныхъ удовольствіяхъ. Все это для избалованнаго свободаго человѣка становится стѣснительнымъ; онъ рвется изъ дому вонъ, и тѣмъ даетъ семьѣ испытывать оскорбительное чувство, что она для него бремя, и переносить одиночество и какъ-бы сиротство при живомъ мужѣ и отцѣ.

Въ современномъ воспитаніи дѣвицъ много крайностей, вредящихъ цѣлости и сосредоточенности семейной жизни. Нынѣ каждая образованная дѣвица, забывая свое главное назначеніе быть женою и матерью, непременно задается какою-нибудь особою возвышенною цѣлію, для достиженія которой не только отдаетъ всѣ свои силы, но и изнуряетъ себя: быть общественною дѣятельницею и служилымъ человѣкомъ, врачомъ, литераторомъ, художникомъ, поступить на сцену,—вотъ любимыя мечты современныхъ молодыхъ дѣвицъ. Выходя замужъ, какъ онѣ часто любятъ говорить, *вопреки своему призванію*, онѣ бредятъ этимъ призваніемъ до старости и убиваютъ время на бесполезное для ихъ семейныхъ обязанностей чтеніе и другія занятія, безъ которыхъ не только можно бы, но и должно бы обойтись. Онѣ говорятъ: не всѣ могутъ выходить замужъ, а всѣмъ,

не имѣющимъ наслѣдственнаго состоянія, нужно умѣть добывать себѣ пропитаніе,—это правда. Но въ этомъ самомъ приготовленіи себя къ самостоятельной жизни своимъ трудомъ не нужно забывать, что все, лишающее дѣвицу свойственныхъ ея полу качествъ—скромности, кротости, склонности къ тихой домашней жизни и ея благоустройству, —нигдѣ не сдѣлаетъ ее ни истинно полезною, ни счастливою.

Подъ именемъ привычки *къ уличной жизни* мы разумѣемъ обычай нашего времени, порождаемые новымъ ученіемъ о необходимости всѣми средствами развивать *жизнь общественную*, разумѣя подъ этимъ не совокупные труды для блага общества, а главнымъ образомъ общественныя удовольствія. Не рѣдко мы встрѣчаемъ въ печати сожалѣніе о томъ, что мы отстали отъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ, не умѣя привыкнуть пить и ѣсть на улицахъ, и жить на площадяхъ. Конечно, это крайность, хотя также заслуживающая вниманія, —но сколько нынѣ выѣздовъ, собраній, вечеровъ, гуляній и тому подобныхъ отлучекъ изъ семьи, отрывающихъ супруговъ другъ отъ друга и отъ дѣтей,—которыя можно бы оставить безъ ущерба общественному и государственному благу. Мы много на эту мысль встрѣтимъ возраженій со стороны требованій благотворительности, процвѣтанія искусствъ, общественныхъ приличій и т. п. Но если всѣ успѣхи, по всѣмъ этимъ отраслямъ общественной дѣятельности, достигаемые женами, положить на одну чашку вѣсовъ, а на другую разстройство въ отношеніяхъ къ мужьямъ и опущеніе въ воспитаніи дѣтей,—то всѣ эти благодѣянія просвѣщенія окажутся легковѣсными сравнительно съ великими благами, которыя пріобрѣли бы семейства, если бы мужъ и жена, все свободное отъ истинно обязательныхъ выѣздовъ время сидѣли дома и занимались своимъ дѣломъ. И вся-

кая полезная общественная дѣятельность потеряетъ и душу, и силу, и истинный смыслъ при упадкѣ семейныхъ добродѣтелей.

Но едвали не самый опасный врагъ семейнаго счастья—это крайняя свобода, позволяемая нынѣ въ отношеніяхъ супруговъ къ стороннимъ лицамъ другаго пола. Стѣснять мужа или жену въ этомъ отношеніи почитается нынѣ и неблагороднымъ, и несоотвѣтствующимъ истиннымъ понятіямъ объ уваженіи къ человѣческой личности, и признакомъ грубой ревности, и обиднымъ недостаткомъ взаимнаго довѣрія и проч. и проч. Но между всѣми этими правами на свободу мужа и жены отъ взаимнаго надзора недостаетъ самаго законнаго—и не только права,—но и обязанности мужа и жены заботиться о нравственной безопасности другъ друга. Христіанское ученіе о человѣческой слабости и о силѣ соблазна не теряетъ своего значенія при всѣхъ здравыхъ понятіяхъ объ уваженіи и довѣрїи другъ къ другу. При нынѣшнихъ герояхъ и героиняхъ, почитающихъ для себя честью побѣды извѣстнаго рода и искусство соблазнять супруговъ и расторгать наилучшія супружескія отношенія; при современномъ ученіи о свободѣ чувства; при разнообразіи раздражающихъ чувственность общественныхъ удовольствій,—со стороны супруговъ оставлять другъ друга на произволь случая,—*безъ молчаливаго, кроткаго и любовнаго попеченія и взаимнаго охраненія отъ соблазновъ*—и несправедливо, и жестоко. Точно также неблагоразумно и допускать въ свой домъ въ слишкомъ близкія отношенія къ семьѣ друзей, подъ предлогомъ свободы и полнѣйшаго довѣрія мужа къ женѣ—и обратно. У многихъ такихъ простодушныхъ супруговъ была выкрадываема этими мнимыми друзьями супружеская любовь, а всѣ мы безпрестанно видимъ растор-

женія нѣкогда счастливыхъ браковъ, подготовленныя этими дружескими отношеніями. А что касается до насъ, то много разъ мы видѣли горькія слезы и отчаяніе обкраденныхъ въ этомъ отношеніи мужей и женъ—честныхъ и благородныхъ, но безразборчиво-довѣрчивыхъ.

Но общая причина современныхъ несчастій въ жизни семейной (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ) есть уклоненіе отъ уставовъ и правилъ, предлагаемыхъ намъ, для сохраненія семейнаго счастья, нашею руководительницею православною Церковію. Молодые люди, воспитанные подъ руководствомъ Церкви, при наступленіи поры супружества, въ глубинѣ сердца молятся Богу объ устроеніи ихъ будущности и ввѣряютъ судьбу свою всеблагому Промыслу Божію. Совѣты родителей и старшихъ, внушаемые опытомъ, не отвергаются ими съ такою гордостію, какъ часто мы видимъ нынѣ у молодыхъ людей, надменныхъ своимъ научнымъ образованіемъ. Молодые христіанскіе супруги смотрятъ другъ на друга, какъ на неизмѣнныхъ и неразлучныхъ товарищей и сотрудниковъ на пути жизни, которымъ Самъ Господь судилъ дѣлить пополамъ все—и радость, и горе. Мысль о перемѣнѣ, или правильнѣе, объ измѣнѣ далека отъ нихъ, охраняемыхъ страхомъ Божіимъ и чувствомъ долга, углубляемымъ въ сердцѣ взаимною любовію. Соблюденіе священныхъ временъ и уставовъ Церкви, относительно блѣнія надъ собою, спасаетъ ихъ отъ развитія страстей, ведущихъ къ нарушенію взаимной вѣрности. На дѣтей они смотрятъ, какъ на даръ Божій какъ на чистыя существа, окружаемыя Ангелами-хранителями, и берегутъ ихъ невинность и сердечную простоту. Дни церковныхъ празднествъ и у нихъ въ домѣ составляютъ праздники, восполняющіе духовною радостію семейную любовь и доступныя по состоянію удоволь-

ствія. Кто воспитался въ такой семьѣ, тотъ помнитъ, съ какимъ благоговѣніемъ проводимо было утро, когда семья возвращается домой изъ храма послѣ пріобщенія Св. Таинъ,—помнитъ радость праздниковъ Рѣждества Христова и Пасхи, или именинъ отца и матери,—тотъ помнитъ и наставленія, и наказанія за проступки, какъ за грѣхи, оскорбляющіе Господа, Который отъемлетъ отъ грѣшниковъ Свое благословеніе. Питомцы такой семьи отъ дѣтства до старости помнятъ любовь и слезы родителей, ихъ благословенія и молитвы, съ какими они отпускали ихъ въ школы, или на службу и тѣмъ оставляли въ сердцахъ ихъ сколько благодарности къ родителямъ за любовь ихъ, столько же и поучительную память объ ихъ благочестіи. Въ такихъ семьяхъ двойной союзъ—родственный и духовный связуетъ мужей и женъ, дѣтей и родителей двойною силою и ограждаетъ ихъ отъ всякихъ вредныхъ вліяній и соблазновъ, приражающихся со стороны. И въ такихъ семьяхъ, какъ и вездѣ между людьми, бываютъ и недостатки, и несчастія, и грѣхи; но все встрѣчается съ покорностію волѣ Божіей, оплакивается съ чувствомъ сокрушенія, и переносится съ терпѣніемъ и упованіемъ на милость и помощь Божію. Такое семейство и называется у св. Апостола Павла *домашнею Церковію* (Рим. 16, 4) въ той мысли, что и христіанской семьѣ, какъ самой Церкви, Глава и покровитель—Господь; что и она, какъ Церковь, живетъ подъ осѣненіемъ благодати Св. Духа; что и ей, вмѣстѣ съ Церковію, принадлежитъ обѣтованіе о продолженіи рода изъ вѣка въ вѣкъ и о неотступномъ пребываніи съ нею Божія благословенія.

Благодареніе Господу, еще есть у насъ такіа семейства во всѣхъ сословіяхъ, есть и память о благочестіи предковъ даже въ семействахъ, сбившихся съ прямаго

пути; но что думать о тѣхъ очень многочисленныхъ семьяхъ, которыя отвергли всѣ эти преданія, какъ бесполезную старину? Онѣ сами отъ того страдаютъ, онѣ возбуждаютъ и въ насъ жалость и состраданіе; объ нихъ мы должны молиться, но должны и думать, крѣпко думать о пресѣченіи зла путемъ воспитанія, наблюденія за проповѣдниками ложныхъ ученій и за новыми обычаями и удовольствіями, развращающими и убивающими нашу нравственную жизнь. Надо умѣрять и легкомысленные восторги по поводу распространенія у насъ просвѣщенія всякаго рода, и увѣренность въ несомнѣнно предстоящей намъ свѣтлой будущности, помня грозное слово Апостола Павла: „когда будутъ говорить: миръ и безопасность; тогда внезапно постигнетъ ихъ пагуба (1 Солун. 5, 3). Аминь.

ПОСТЕПЕННОЕ ОТПАДЕНІЕ

ХРИСТИАНСКАГО ЗАПАДА ОТЪ ПРАВОСЛАВІЯ.

(Продолженіе *)

V.

Папство во время своихъ захватовъ встрѣчало отпоръ. Мы уже представили нѣсколько доказательствъ этого. Можемъ представить еще другія доказательства, несомнѣнно убѣждающія въ томъ, что всѣ западныя церкви подчинились папскому игу только съ большимъ огорченіемъ.

Во главѣ этихъ церквей надобно поставить церковь французскую. Энергичнѣе другихъ она вела борьбу съ папствомъ, и только въ наше время видимъ ее подчинившеюся папству окончательно.

Церковь французская заимствовала церковную дисциплину отъ древней церкви африканской. Такъ какъ эта послѣдняя церковь была разрушена варварами прежде возникновенія папства, то она не была знакома съ захватами этого папства, появившимися уже съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ. Ея дисциплина, обнародованная на славныхъ Карфагенскихъ соборахъ, была совершенно чистою; вся церковь уважала эту дисциплину, и западныя церкви тоже одушевлялись ею, преимущественно - же одушевлялась церковь французская, принявшая африканскіе каноны въ составъ своего каноническаго права.

Въ своихъ сношеніяхъ съ римскимъ епископомъ, африканская церковь всегда держалась на правахъ равенства съ церковію римскою; она соглашалась признавать за римскимъ епископомъ цер-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 2.

венство чести, согласно съ рѣшеніемъ первыхъ вселенскихъ соборовъ; но она не признавала за нимъ никакой власти внѣ его собственной церкви или церквей пригородныхъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ его патриаршей власти. Такимъ образомъ, она управлялась сама собою чрезъ своихъ епископовъ, собиравшихся на соборы; ея епископы были утверждаемы и посвящаемы митрополитами, безъ всякаго участія римскаго епископа; она открывала новыя епархіи, когда признавала это полезнымъ; во всѣхъ отношеніяхъ она управлялась, какъ церковь автономная и независимая, и признавала соборъ помѣстный или митрополичій высшею властію, которой каждый долженъ подчиняться, за исключеніемъ лишь дѣлъ, касавшихся всей церкви и подлежащихъ обсужденію собора вселенскаго.

Этой церковной дисциплинѣ слѣдовали во Франціи въ первые вѣка, и надобно было-бы изложить всю исторію этой церкви, если-бы пришлось указать всѣ факты, при которыхъ были допущены или приняты въ руководство африканскіе каноны, какъ правила церковной дисциплины.

Даже въ половинѣ среднихъ вѣковъ, французскіе епископы признавали себя облеченными правомъ *обсуждать* вопросы, касавшіеся вѣроученія, не сносаясь по этому поводу съ папою. Ихъ рѣшенія по дѣламъ Готшалка, Беренгарія и Абеяра убѣждаютъ въ этомъ. Они одни постановляли вѣроисповѣдныя рѣшенія и во время споровъ съ протестантами.

И только, когда происходили янсенистскія дѣла, французскіе епископы впервые стали обращаться къ папамъ за вѣроисповѣдными рѣшеніями. Но извѣстно, что епископы рѣшились на этотъ поступокъ изъ угожденія Людовику XIV, и при этомъ предусмотрительно упоминали о томъ, что епископамъ принадлежитъ право обсужденія предметовъ вѣры, хотя въ настоящемъ случаѣ они отказывались отъ этого права въ пользу папы.

Эта твердость въ дѣлѣ отстаиванія, наперекоръ папству, епископскихъ правъ во время вѣроисповѣдныхъ споровъ, заслуживаетъ упоминанія, какъ доказательство сопротивленія французской

церкви захватамъ Рима; и замѣчательно, что только въ XVII вѣкѣ придворные епископы дѣлаютъ въ этомъ отношеніи первую уступку папѣ.

Особенно-же достойно замѣчанія, что французская церковь всегда сохраняла право апелляціи противъ рѣшеній Рима. Папы Пій II, Юлій II, Григорій VIII и Павелъ V запрещали эти апелляціи торжественными буллами, но французская церковь всегда сохраняла свое право и даже одинъ французскій епископъ писалъ Григорію XIII, что скорѣе можно вырвать Апеннины изъ Италіи, чѣмъ отнять право апелляціи отъ церкви французской. Если французское право апелляціи не сопровождалось важными послѣдствіями, то во всякомъ случаѣ оно было протестомъ противъ посягательствъ незаконной власти. Самые великіе и самые святые французскіе епископы, даже въ половинѣ среднихъ вѣковъ, говорили вмѣстѣ съ Ивою Шартрскимъ: „мы не хотимъ, мы не можемъ уступить самыхъ малѣйшихъ правъ, принадлежащихъ нашей церкви“ (Vv. Epist. 65). Когда Григорій IV, виновникъ возмущенія дѣтей Людовика Благочестиваго, угрожалъ прибыть во Францію для отлученія приверженцевъ этого короля, то епископы отвѣтили ему, что если папа пріѣдетъ во Францію для ихъ отлученія, то онъ самъ возвратится изъ ней отлученнымъ.

Если-бы епископы всегда и со всею рѣшительностію обнаруживали подобную благородную независимость, то православіе было бы спасено на Западѣ. Но къ несчастію, среди епископовъ много было людей честолюбивыхъ или чистѣйшихъ лакеевъ, пожертвовавшихъ своими правами и истиною для пріобрѣтенія какихъ-нибудь милостей; таковы напр., были епископы, которые въ 1625 году вышли на встрѣчу кардиналу Барберини, совершавшему, въ качествѣ папскаго легата, торжественный вѣздъ въ Парижъ. Чтобы встрѣтить этого 25-лѣтняго кардинала - легата, французскіе епископы сняли съ себя свое епископское облаченіе и облеклись въ одежду зеленаго цвѣта. Очевидно, смѣясь говорили одни, церемонія совершается въ маѣ мѣсяцѣ; другіе-же пожимали плечами при подобной нелѣпности. Чего можно было ожидать отъ по-

добныхъ епископовъ для защиты православія противъ папской власти?

Французская церковь долго сохраняла древнее право поставленія епископовъ митрополитами, и надобно было, чтобы уже королевское правительство вошло въ соглашеніе съ папами для введенія во Францію того, что Римъ, безъ сомнѣнія, въ насмѣшку называетъ *поставленіемъ каноническимъ*, и что на самомъ дѣлѣ надобно было-бы назвать *поставленіемъ антиканоническимъ*. Тоже самое произошло и въ отношеніи въ назначенію во епископы. Епископы твердо отстаивали его до XVII столѣтія, пока наконецъ и оно было отнято у нихъ въ пользу короля и папы посредствомъ конкордата.

Но если одни французскіе короли входили въ соглашеніе съ папами для уничтоженія церковныхъ православныхъ законовъ, то другіе, болѣе благочестивые, защищали ихъ съ силою. Можно указать въ этомъ отношеніи на Людовика IX, извѣстнаго на Западѣ подъ именемъ Людовика Святаго. Его *Прагматическая санкція* для сохраненія древнихъ правъ отъ папскихъ притязаній есть замѣчательный документъ для этой эпохи. Паписты пытались отвергнуть подлинность его; но ихъ совершенно опровергли. Въ концѣ концовъ, была-ли или не была обнародована Людовикомъ Святымъ эта *Прагматическая санкція*, во всякомъ случаѣ она была живымъ протестомъ въ эту эпоху противъ римскихъ захватовъ. И она сохраняетъ всю силу въ глазахъ каждаго, кто хочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что сдѣлано было въ разныя эпохи для защиты православія.

Противодѣйствіе такимъ захватамъ, переходившее по преданію, всегда было особенно сильно во Франціи; и во Франціи особенно парижскій университетъ проявилъ наибольшую силу въ дѣлѣ сопротивленія папству. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ университетъ игралъ славную роль въ XIV столѣтіи, когда на Западѣ существовалъ великій расколъ, т. е., когда многіе папы оспаривали другъ у друга римскій престолъ. Тогда можно было видѣть въ парижскомъ университетѣ людей замѣчательныхъ по сво-

имъ знаніямъ и по своимъ добродѣтелямъ, каковы: Клеманжи, Іоаннъ Курціусъ, епископъ парижскій, Петръ д-Эйли, ставшій позже кардиналомъ-архіепископомъ Камбрійскимъ, Жерсонъ, Альменъ, Мажоръ, Тома Курсель, Людовикъ Аламанъ, сдѣлавшійся потомъ кардиналомъ-архіепископомъ Арльскимъ. Онъ-то, не смотря на молніеносные громы Евгенія IV, предсѣдательствовалъ на Базельскомъ соборѣ, и онъ-то обнародовалъ противъ этого папы опредѣленіе о низложеніи.

Это была эпоха ученаго галликанизма; и когда вы читаете творенія этихъ великихъ богослововъ, то невольно чувствуете себя въ атмосферѣ православія, за исключеніемъ лишь двухъ или трехъ вопросовъ, принадлежащихъ собственно къ области вѣры.

Цѣлю Константскаго и Базельскаго соборовъ, на которые галликанскіе доктора имѣли самое сильное вліяніе, было возстановленіе древней церковной дисциплины во всей ея чистотѣ. На рѣшеніяхъ, именно, этихъ соборовъ основывается *Прагматическая санкція* 1438 года. Этотъ актъ, всегда столь ненавистный папамъ, охранялъ, по крайней мѣрѣ частію, древнюю дисциплину; удерживалъ раздѣленіе между мірскимъ и духовнымъ, ставилъ папѣ внѣ государства, признавалъ ограниченное значеніе ихъ въ церкви и дѣлалъ невозможною полноту ихъ власти.

Французскіе короли тоже не очень-то любили эту *Прагматическую санкцію*, потому что она ограничивала вмѣшательство ихъ власти въ дѣла духовныя. Папы знали такое отношеніе къ ней королей. И вотъ они измыслили проектъ соглашенія съ королями для уничтоженія этого акта, равнымъ образомъ непріятнаго и имъ. Съ 1472 года Сикстъ IV входилъ въ переговоры по этому поводу съ Людовикомъ XI; но только въ 1516 году *Прагматическая санкція* была замѣнена конкордатомъ, заключеннымъ между Львомъ X и Францискомъ I.

Только со временъ этого конкордата галликанизмъ пришелъ въ упадокъ и православіе стало подвергаться во Франціи частымъ нападеніямъ со стороны папъ.

Духовенство и городскія власти открыто объявили себя противъ

конкордата. И конкордаты никогда не были признаваемы законными. Но короли, пытавшие къ нему расположеніе, постарались исподоволь вводить его въ жизнь и, по истеченіи одного столѣтія, онъ введенъ былъ во всеобщую практику. Епископы, назначаемые непосредственно королями, стали теперь придворными, мало-по-малу потеряли свою энергію, усвоили себѣ систему приспособленій и кончили тѣмъ, что подчинились двойной господствующей надъ ними власти. Конечно, во Франціи сохранились еще нѣкоторыя воспоминанія о прежнемъ православіи, преимущественно же среди богослововъ и среди городскихъ властей; но ихъ усилія были ничтожны.

VI.

Послѣдніе галликанцы обнаружилась въ борьбѣ съ іезуитами и въ борьбѣ съ папистическими сочиненіями, которыми іезуиты наводнили западныя церкви.

Эти нечестивые люди не останавливались ни предъ каемъ заблужденіемъ, ни предъ какою ложью для распространенія ученія, бывшаго для нихъ только средствомъ захватить въ свои руки управленіе церковію. Въ самомъ дѣлѣ, они возвышали папу и поддерживали ученіе о его непогрѣшимости только для того, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ личность всемогущую, которою они располагали-бы по своему произволу для управленія и распоряженія всѣмъ. Папская непогрѣшимость всегда была для іезуитовъ *только непрямою* непогрѣшимостію ихъ общества и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ подчиненію себѣ всѣхъ защитниковъ независимой церковной власти, и чрезъ нихъ—къ подчиненію себѣ всего христіанскаго общества.

12 декабря 1661 года, парижскіе іезуиты защищали тезисъ тѣмъ болѣе возмутительный, что онъ усвоилъ папѣ такую-же непогрѣшимость, какая принадлежитъ Іисусу Христу, и усвоилъ эту непогрѣшимость какъ въ вопросахъ, касавшихся факта, такъ и въ вопросахъ, касавшихся ученія, а также тезисъ выставилъ, въ формѣ католическихъ догматовъ, положенія парадоксальныя, вызвавшія шумныя толки въ литературѣ. Возникшіе теперь безконеч-

ные споры вынудили, наконецъ, въ 1663 году парижскій богословскій факультетъ обнародовать заявленіе, существенно тождественное съ заявленіемъ духовенства въ 1682 году, и послужившее поводомъ къ диспуту о царскомъ правѣ, диспуту, который Людовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать извѣстнымъ во всей Франціи. Среди этихъ-то обстоятельствъ Франція была наводнена высокоумными папскими грамотами Иннокентія XI, принявшими очень повелительный тонъ. Одна изъ этихъ грамотъ присуждала на сожженіе парламентское опредѣленіе отъ 24 сентября 1680 года, въ которомъ парижскій парламентъ излагалъ постановленія и законы Франціи по церковнымъ дѣламъ. Другая грамота утверждала избраніе новопоставленнаго великаго викарія, избраннаго капитуломъ Намьерскимъ, съ повелѣніемъ признавать избирательныя права капитула и съ угрозою папскаго гнѣва противъ каждаго, кто сталъ-бы отвергать ихъ. Папа отрицалъ этимъ каноническое поставленіе на церковныя должности королемъ и епископами; третья грамота отлучала отъ церкви архіепископа Тулузскаго безъ всякаго соблюденія какихъ-либо формальностей, необходимыхъ при обнародованіи законныхъ актовъ подобнаго рода; четвертая грамота заподозривала въ ереси, и подъ угрозою отлученія отъ церкви запрещала чтеніе сочиненія Жербе: *de Causis majoribus*,—сочиненія составленнаго по приказанію собранія духовенства въ 1665 г. и напечатаннаго только въ 1679 году. Цѣлію этого сочиненія было доказать: 1) что епископы, судьи въ дѣлахъ вѣры и церковной дисциплины, имѣютъ право возставать противъ новшествъ, опасныхъ для принятой непосредственно отъ Іисуса Христа епископамъ власти, и 2) что епископы должны быть судимы въ первой инстанціи на соборахъ, въ своихъ провинціяхъ. Собраніе духовенства въ 1681 году, превознесши похвалами это сочиненіе, вмѣстѣ съ этимъ объявило свое порицаніе доктору Давиду, который, за десять лѣтъ предъ этимъ, обнародовалъ сочиненіе *О каноническомъ судѣ надъ епископами*, въ каковомъ сочиненіи многія положенія дѣйствительно достойны были осужденія. Доктора заставили дать точныя объясненія для устраненія возникшихъ недо-

разумѣній; между прочимъ, его обвиняли въ томъ, что онъ усвоилъ папѣ непогрѣшимость, даже въ отношеніи къ фактамъ. Давидъ вынужденъ былъ заявить, что „невозможно, чтобы человѣкъ съ здравымъ смысломъ могъ приписать папѣ непогрѣшимость, принадлежащую одной лишь Церкви вселенской“.

Духовенство, принявшее въ 1681 г. подъ свою защиту Жербе и отвергнувъ самовольныя дѣянія римскаго двора, обнаружило еще большую энергію въ слѣдующемъ году. 6 мая 1682 года, оно обнародовало торжественный протестъ противъ всѣхъ папскихъ грамотъ, которыми „свобода церкви порабощается, формы церковной дисциплины разрушаются, епископская честь унижается, и священные предѣлы, начертанные уже давно нашими предками, совершенно разрушаются.“

Этому документу предшествовалъ другой болѣе торжественный и болѣе важный. Королевская привиллегія поставленія на церковныя должности, по необходимости, возбудила вопросъ о предѣлахъ двухъ властей. Она послужила предметомъ весьма замѣчательной докладной записки королю, составленной Жильберомъ Шоазелемъ, епископомъ Дорникскимъ.

Эмери утверждаетъ, что по поводу этой записки существовало разногласіе между Боссюэтомъ и епископомъ Дорникскимъ, потому что этотъ послѣдній думалъ, что святой престолъ, равно какъ и папа, можетъ впасть въ ересь; между тѣмъ какъ этого не допускалъ епископъ Москій. Епископъ Дорникскій говорилъ Боссюэту: если вы признаете непогрѣшимость святаго престола, то должны также признать и непогрѣшимость папы. Боссюэтъ отвергалъ этотъ выводъ, такъ какъ онъ различалъ непогрѣшимость „сужденій о вѣрѣ отъ непогрѣшимости святаго престола въ сохраненіи вѣры, и утверждалъ, что если-бы этотъ престолъ ошибался, то ошибался-бы не по упорству и, конечно, немедленно обратился-бы къ истинѣ“. *)

Эмери увѣряетъ, что объ этомъ спорѣ упоминается въ неизданномъ сочиненіи Фенелона *О непогрѣшимости папы*; онъ присо-

*) См. Nouveaux opuscules de Fleury, p. 155 и слѣд.

вокупляетъ, что Боссюэтъ сначала отказывался трактовать объ этомъ предметѣ по его неблаговременности; но уступая желанію Людовика XIV, занялся имъ и взялъ на себя трудъ передѣлать четыре члена французской церкви вслѣдствіе разногласія съ епископомъ Дорниескимъ, изложившимъ ихъ въ *редакціи нѣсколь-ко схоластической*. *) Однако-же этой *схоластической сухости* нельзя видѣть въ шести положеніяхъ прелата Дорниескаго, составляющихъ собою часть его докладной записки. Въ сущности его положенія почти такія-же, какъ и четыре члена французской церкви.

Что-же касается Боссюэта, то уже въ своемъ *Изложеніи вѣры*, одобренномъ Иннокентіемъ XI и кардиналами, онъ говоритъ, п. 21, что достаточно вѣрить въ первенство папы и что всѣ другія точки зрѣнія на этотъ предметъ, о которомъ существуетъ разногласіе: мнѣній, совершенно не относятся къ католической вѣрѣ. Боссюэтъ, очевидно, защищаетъ четыре члена; въ этомъ нельзя сомнѣваться, въ особенности послѣ обнародованія *Мемуаровъ аббата Ледье*.

Надобно однако-же признаться, что среди весьма важныхъ обстоятельствъ, при которыхъ духовенство обязано было высказаться противъ папскихъ притязаній, оно боялось разойтись съ Римомъ и этимъ провозгласить то, что тогда называли *схизмою*. Оно приняло средство вѣрнов, но слишкомъ смягчило ученіе епископа Дорниескаго, и постаралось своимъ величественнымъ разсужденіемъ *О единствѣ церкви* польстить, какъ говорили тогда, *нужному слуху Римлянъ*, чтобы этимъ заставить его принять французскіе четыре члена. Но оно ошиблось въ своихъ расчетахъ въ отношеніи къ Риму и, такимъ образомъ, первое стало вводить въ ущербъ галликанизму систему смягченія, которая постепенно падала, начиная съ Боссюэта и переходя къ другимъ французскимъ епископамъ: къ Эмери, Боссе и Фрейспну, чтобы еще глубже пасть въ Леке, Маре и Дюпанлу.

Уже тогда надобно было предвидѣть полное уничтоженіе пра-

*) См. *ibid.* p. 140 и слѣд.

вославія во Франціи. Дѣло, наконецъ, въ этомъ направленіи дошло до того, что сдѣлалось невозможнымъ болѣе оставаться галликанцемъ въ странѣ галликанизма, чтобы въ тоже время не быть признаннымъ еретикомъ и схизматикомъ.

Но возвратимся къ докладной запискѣ или деклараціи духовенства 1682 года.

Декларация была разслана вмѣстѣ съ циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ французскимъ прелатамъ. 25 марта король обнародовалъ эдиктъ, запрещающій учить или писать что-либо вопреки этой деклараціи; профессора богословія въ каждомъ университетѣ должны были подписаться подъ ней: одинъ изъ профессоровъ (если ихъ было много) обязанъ былъ каждый годъ подписываться подъ ней; а если на лицо былъ всего только одинъ профессоръ, то и онъ долженъ былъ исполнять эту обязанность послѣдовательно чрезъ каждые три года своихъ курсовъ. Ученыя степени по каноническому праву и по богословію давались только тѣмъ, которые защищали тезисы деклараціи. Архіепископы и епископы тоже должны были подписать ее въ своихъ епархіяхъ.

Парламентъ, скрѣпивши декларацію, отослалъ ее къ своему предсѣдателю, а также генераль-прокурору и шести совѣтникамъ для внесенія въ реестръ парижскихъ факультетовъ каноническаго права и богословія. Къ этому послѣднему факультету генераль-прокуроръ Ахиль Гарле; обратился съ воззваніемъ о томъ, что декларация духовенства есть, нѣкоторымъ образомъ, дѣло всей Сорбонны, потому что она вполне согласна съ заявленіемъ, представленнымъ Сорбоною королю, въ 1663 году. Внесеніе въ реестръ совершилось безъ всякаго затрудненія въ факультетѣ по каноническому праву; только богословскій факультетъ, въ этомъ случаѣ обязанный, согласно съ обычаемъ, назначать для этого комиссаровъ, нѣсколько замедлилъ исполненіемъ этой формальности: быть можетъ, парламентъ не зналъ этого; оскорбленный этою медлительностію, протеставшею, впрочемъ, не изъ сопротивленія, онъ издалъ постановленіе, запрещающее собранія этого факультета. Тогда сто шестьдесятъ три доктора заявили отъ имени своихъ собратій протестъ

о томъ, что никогда они не имѣли намѣренія уклониться отъ должнаго уваженія какъ въ отношеніи къ деклараціи духовенства, такъ и въ отношеніи къ королевскому эдикту, предписывавшему исполненіе ея. Затрудненіе-же встрѣтилось только въ выполненіи формальностей и не было отверженіемъ деклараціи по существу. Всякъствіе этого объясненія запрещеніе было снято; и факультетъ, усвоенный относительно сохраненія своихъ правъ, исполнилъ волю гражданскихъ властей.

Въ декабрѣ 1681 года, отецъ Бихи, монахъ изъ ордена Кармелитовъ, защищалъ въ Парижѣ тезисъ, согласный съ началами, обнародованными годъ спустя въ четырехъ французскихъ членахъ. Главный надзиратель ордена, по приказанію папы, объявилъ отца Бихи лишеннымъ преимуществъ, усвоенныхъ святымъ престоломъ монахамъ и призналъ его неспособнымъ къ исполненію всѣхъ церковнослужительскихъ обязанностей. Настоятель, которому было прислано это приказаніе, имѣлъ неблагоразуміе объявить его, вопреки запрещенію короля, подъ страхомъ отвѣтственности, и за это подвергся выговору въ полномъ собраніи парламента.

Декларація духовенства была ударомъ молніи, на которую римскій дворъ постарался отвѣтить Ватиканскимъ громомъ. Съ захватомъ въ свои руки исключительнаго права поставленія епископовъ, Римъ въ своемъ отказѣ епископскаго поставленія всегда имѣлъ оружіе, помощію котораго успѣшно могъ парализовать всѣ стремленія, направленные къ пораженію или ограниченію его притязаній. Климентъ VIII, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, заставлялъ вдовствовать церкви въ Труа, отказывая въ ставленной буллѣ Рене Бенедикту, нареченному епископомъ Генрихомъ IV. Все преступленіе Бенедикта состояло лишь въ томъ, что онъ думалъ, что можно разрѣшить короля отъ ереси, безъ всякаго посредства со стороны Рима. Съ 1642 по 1648 годъ, Римъ отказывалъ въ подобной же буллѣ де-Марка, епископу Консеранскому, потому что въ сочиненіи своемъ подъ названіемъ: *Союзъ священства съ государствомъ*, онъ защищалъ свободу галлицанцевъ.

Двѣнадцать церковнослужителей, засѣдавшихъ въ собраніяхъ

1682 года, избрали епископовъ на вакантныя епископскія мѣста и нетерпѣливо дожидали каноническаго поставленія ихъ со стороны папы; только этого Риму и нужно было. Онъ отказалъ имъ въ ставленныхъ буллахъ, потому что они не хотѣли, подобно правительству, отречься отъ четырехъ членовъ. Король, посредствомъ парламентскаго органа генераль-прокурорской власти, въ 1688 г. подалъ апелляціонное прошеніе вселенскому собору; въ этой апелляціи поспѣшили присоединиться университетъ, парижское духовенство, архіепископы и епископы, собранные тогда въ Парижѣ. Велѣдъ затѣмъ разослано было окружное посланіе ко всеѣмъ французскимъ прелатамъ. Конечно, вмѣсто всеѣхъ этихъ шумныхъ дѣяній и этой апелляціи, было бы гораздо проще и гораздо благоразумнѣе возвратиться къ началамъ первенствующей церкви, такъ ясно возвѣщеннымъ четвертымъ правиломъ Никейскаго собора и выраженнымъ въ слѣдующихъ словахъ: „епископа поставляти прилично всеѣмъ тоя области епископамъ. Аще же сіе не удобно, или по надлежащей нуждѣ, или по дальности пути: по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберутся, а отсутствующіе да изъявятъ согласіе посредствомъ грамотъ: и тогда совершати рукоположеніе. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаетъ ея митрополиту“.

Иннокентій XI, обнародовавшій 11 апрѣля 1682 года грамоту, касавшуюся королевскихъ привилегій въ дѣлѣ назначенія епископовъ, упорно отказывалъ въ буллахъ каноническаго епископскаго поставленія. Этотъ папа умеръ въ 1689 году, и сношенія были возобновлены уже съ Александромъ VIII, который, подобно своимъ предшественникамъ, желалъ, чтобы все подписавшіеся подъ деклараціею предварительно отказались отъ своихъ подписей. Король отвѣчалъ, что не можетъ допустить, чтобы приведеніе въ дѣйствіе какаго-либо изъ четырехъ членовъ конкордата зависѣло отъ этого условія; что папа долженъ быть доволенъ исповѣданіемъ вѣры нареченныхъ во епископы, согласно съ древними примѣрами церковной практики.

Король писалъ также:

Что собраніе 1682 года составило не какой-либо новый декретъ, а лишь простое изложеніе вѣры французскаго духовенства, а потому нѣсколько частныхъ просителей ставленныхъ буллъ не могутъ уничтожить торжественнаго акта четырехъ членовъ французской церкви.

Что вопросы, по поводу этихъ членовъ, будучи во всякомъ случаѣ проблематическими, не могутъ дѣлать подозрительными французскихъ вѣрованій, потому что соборы Константскій и Базельскій утвердили подобныя же постановленія, да и на Тридентскомъ соборѣ не было рѣшено ничего имъ противоположнаго.

Что множество прелатовъ получило ставленныя буллы, хотя прелаты эти защищали тождественныя съ членами положенія относительно папской власти.

Что все это можетъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ, такъ какъ папы самовольно вводятъ новые члены вѣры.

Что если папа будетъ упорствовать, то Франція будетъ вынуждена принять свои мѣры для поставленія пастырей на вакантныя церковныя мѣста; что духовенство, парламенты, университеты просятъ короля возстановить теченіе этого рода дѣлъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они совершались до конкордата.

Видя эту настойчивость, папа ограничился требованіемъ, чтобы новонареченные епископы, для возстановленія чести римскаго двора, написали письмо, которое можно было бы считать достаточнымъ удовлетвореніемъ для Рима и увѣрили бы его въ томъ, что они не имѣли намѣренія что-либо опредѣлить или что-либо совершить, что не было бы угодно святому престолу; папа требовалъ также, чтобы Людовикъ XIV равнымъ образомъ написалъ ему собственноручное письмо, съ заявленіемъ, что онъ не требуетъ приведенія въ исполненіе своего декрета. Король принялъ эти требованія очень равнодушно; но онъ полагалъ большую важность въ томъ, чтобы требуемыхъ папою писемъ не сочли за отказъ отъ древнихъ галликанскихъ правилъ; между тѣмъ какъ папа настаивалъ именно на томъ, чтобы этотъ поступокъ былъ истолкованъ всѣми какъ удовлетвореніе ему за мнимое оскорбленіе.

Видя, что не можетъ положить конца препирательствамъ, папа 4 августа 1690 года, издалъ противъ деклараціи духовенства слѣдующую буллу: „Возсылая, говоритъ онъ, стенанія свои къ небу и проливая слезы предъ Господомъ, онъ уничтожаетъ эту декларацію, равно какъ и всѣ повелѣнія, законы, распоряженія, опредѣленія, изданныя по ея поводу; освобождаетъ отъ клятвы тѣхъ, которые клялись сохранять ее и постановляетъ на будущее время, что никто не можетъ ссылаться на права, даруемыя четырьмя членами, или на ихъ повелѣнія, не смотря ни на какую давность“.

Опасаясь однакоже неудовольствія со стороны Людовика XIV, онъ не осмѣлился обнародовать свою буллу, которая осталась по этому въ секретѣ, и продолжалъ свои текущія сношенія съ королемъ; но въ январѣ 1691 года, видя, что ему остается уже не долго жить и что лично онъ не подвергается никакому риску чрезъ обнародованіе своей буллы, онъ передалъ ее кардиналамъ и приказалъ объявить ее съ обычными формальностями.

Эта новость, а также новость объ освобожденіи мѣста на святомъ престолѣ стали извѣстны Людовику XIV одновременно, и Людовикъ, начавшій въ то время уже слабѣть, пожелалъ поумѣрить ревность парламента въ отношеніи ко всѣмъ подобнаго рода дѣламъ,—ревность столько-же живую, сколько и законную. Призвавши къ себѣ президента парламента, король сказалъ ему, что такъ какъ онъ получилъ послѣднюю папскую буллу непрямымъ путемъ, то ничто не гарантируетъ въ его глазахъ ея подлинности; но если она подлинна, то при новомъ собраніи конклава, онъ надѣется на избраніе папы болѣе миролюбиваго. Король однако же обманывался.

Иннокентій XII не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы подавать мысль о подтвержденіи буллъ двухъ его предшественниковъ; но онъ и не отмѣнилъ прежнихъ буллъ.

Людовикъ XIV, утомленный медленностію и отказомъ со стороны папы въ ставленныхъ буллахъ, которыхъ сильно домогались церковнослужители, назначенные имъ быть епископами, согласил-

ся, наконецъ, чтобы эти послѣдніе написали папѣ письмо, съ цѣлю смягчить папскій гнѣвъ; послѣ многихъ принимаемыхъ и отвергаемыхъ проектовъ этого письма, рѣшились, наконецъ, въ 1693 году принять слѣдующую формулу его, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ новонареченныхъ отправилъ его къ папѣ въ видѣ отдѣльнаго письма. Необходимо привести это письмо какъ историческій документъ, потому что оно составляло собою предметъ столькихъ разногласій.

„Поверженные предъ стопами вашего святѣйшества, мы съ протестомъ заявляемъ, что все обнародованное въ *упомянутомъ* году и въ *упомянутомъ* собраніи относительно церковнаго авторитета, не заключаетъ въ себѣ никакого духа превозношенія предъ вашимъ святымъ престоломъ и предъ вашей преосвященнической властію; заявляемъ также, что намѣреніемъ нашимъ, равно какъ и всего французскаго духовенства, не было постановленіе какого-либо новаго рѣшенія въ отношеніи къ вѣрѣ, или установленіе новаго догмата, касающагося вѣры; потому что мы не исповѣдуемъ другой вѣры, кромѣ вѣры католической, апостольской, римской. Но въ отношеніи къ предметамъ, не относящимся къ вѣрѣ, мы думали, что намъ вовсе не запрещено откровенно и прямо излагать свои мнѣнія; мы думали, что каждый воленъ это дѣлать, не будучи обязанъ въ тоже время упоминать о противоположныхъ мнѣніяхъ.“

„Въ заключеніе заявляемъ, что такъ какъ во всѣхъ дѣлахъ, о которыхъ происходили сужденія въ *упомянутомъ* собраніи, мы не имѣли никакого намѣренія, по страсти къ нововведеніямъ или по своеволію, сдѣлать что-либо непріятное вашему святѣйшеству и апостольскому престолу, то отъ всего сердца нашего желаемъ, чтобы все, представляющееся съ подобнымъ характеромъ, было признаваемо какъ бы несуществовавшимъ“.

Это письмо, написанное кандидатами во епископовъ, рѣшительно не было отреченіемъ отъ прежней деклараціи. Воссюать, подавшій проектъ письма, доказываетъ въ сочиненіи своемъ *Православная Галлія*, что никогда папа не требовалъ отъ депутатовъ

отреченія и никогда эти послѣдніе не отрекались отъ ученія четырехъ членовъ, бывшаго ученіемъ древней парижской школы, оставшагося неизмѣннымъ и свободнымъ отъ какихъ-либо порицаній.

При томъ же, письмо это не было дѣломъ всего духовенства, но только двѣнадцати церковнослужителей второстепенныхъ, писавшихъ его по молчаливому согласію двора. Если бы требовалось отреченіе, то не должны-ли были обратиться ко всѣмъ французскимъ прелатамъ и преимущественно къ епископу Москову, чего однакоже не позаботились сдѣлать?

Людовикъ XIV тоже писалъ папѣ по поводу этого заявленія новоизбранныхъ епископовъ.

Вотъ его письмо:

„Святѣйшій нашъ отецъ! Съ возшествіемъ вашимъ на папскій престолъ, я всегда очень много надѣялся на ваше святѣйшество, какъ въ отношеніи къ пользамъ церкви, такъ и въ отношеніи къ распространенію нашей святой религіи. Теперь я испытываю чувства истинной радости отъ всѣхъ великихъ и знаменитыхъ дѣяній вашего блаженства въ отношеніи и къ той и другой. Это удворяетъ мое сыновнее уваженіе къ вашему блаженству; по этому-то я и стараюсь доказать это самыми сильными доказательствами, какія только могу представить на этотъ счетъ, и очень радъ, что имѣю возможность увѣдомить ваше святѣйшество о сдѣланныхъ мною необходимыхъ распоряженіяхъ относительно предметовъ, содержащихся въ моемъ эдиктѣ отъ 2 марта 1682 года и касающихся деклараціи французскаго духовенства,—распоряженіяхъ о томъ, чтобы эдиктъ этотъ не былъ приводимъ въ исполненіе, къ чему побуждаютъ меня прошедшія обстоятельства, а также желаніе, чтобы не только ваше святѣйшество были извѣщены о моихъ чувствахъ въ отношеніи къ вамъ, но и весь міръ зналъ, при посредствѣ какого-либо особеннаго заявленія съ моей стороны, о моемъ глубокомъ уваженіи къ вашему великимъ и святымъ качествамъ. Я не сомнѣваюсь, что вы отвѣтите на мои чувства всѣми доказательствами и заявлені-

„ніями въ отношеніи ко мнѣ вашей отеческой расположенности. Молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ вамъ святѣйшество на многія лѣта для царствованія и управленія своею церковію“. Письмо написано въ Версалѣ, 14 сентября 1693 года.

Безъ сомнѣнія, изъ этого письма нельзя видѣть ни отреченія, ни обѣщанія отречься отъ четырехъ членовъ. Король объявляетъ только, что онъ сдѣлать распоряженія о томъ, чтобы эдиктъ отъ 2 марта не былъ болѣе обязательнымъ ни для кого. Это письмо, переданное канцлеру д'Ажессо, было поэтому лишь печатью примиренія; король отмѣнялъ только обязательную силу эдикта, т. е. обязательство держаться четырехъ членовъ всѣми возводимыми въ епископскія степени; но и послѣ примиренія 1693 года сохранялась прежняя свобода держаться или не держаться ихъ, хотя и не было болѣе къ этому обязательства. Фенелонъ увѣряетъ, что король въ 1705 году хотѣлъ сохранить эту свободу за аббатомъ Сенъ-Аньяномъ, назначеннымъ на епископскую кафедру въ Бове. Когда папа изъ-за этой свободы отказалъ въ ставленной буллѣ аббату Сенъ-Аньяну, Людовикъ XIV писалъ по этому поводу кардиналу Тремуиллю письмо, которое должно было быть сообщено папѣ, и которое д'Ажессо сохранилъ для насъ. Вотъ текстъ этого письма:

„Папа Иннокентій XII не требовалъ отъ меня нарушенія церковныхъ правилъ, принимаемыхъ французскимъ духовенствомъ. Папа (Климентъ XI), бывший тогда однимъ изъ главныхъ министровъ, знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, что данное мною тогда обязательство сводится только къ отмѣнѣ дѣйствія эдикта, изданнаго мною въ 1682 году. Совершенно несправедливо поэтому предполагаютъ, будто я нарушилъ обѣщаніе, данное мною въ письмѣ къ его предшественнику; ибо я не обязываю болѣе никого, вопреки его убѣжденію, держаться правилъ, принятыхъ французскимъ духовенствомъ; но столько-же несправедливо и то, будто я запрещаю моимъ подданнымъ заявлять и сохранять свои чувства въ отношеніи этихъ правилъ, о которыхъ свободно можно разсуждать такъ или иначе, какъ и о мно-

„гихъ другихъ богословскихъ вопросахъ, не опасаясь малѣйшаго нарушенія какаго-либо члена вѣры.“

Это фактъ достовѣрный; но столько-же достовѣрно и то, что уступка Боссюэта и Людовика XIV нанесла смертельный ударъ галликанизму, и что декларация 1682 года, вмѣсто того чтобы быть, какъ утверждаютъ люди малосмысленные, палладіумомъ галликанизма, была только выраженіемъ его слабости и вырожденія.

Конечно, происходили еще нѣкоторыя сопротивленія папству со стороны французскаго духовенства въ теченіе XVIII вѣка; но Римъ уже былъ увѣренъ, что можетъ не обращать на нихъ никакого вниманія, и онъ прошелъ мимо ихъ такъ побѣдоносно, что въ настоящее время галликанская церковь не существуетъ болѣе. Справедливо также и то, что вмѣстѣ съ нею погибла почти и вся христіанская церковь во Франціи. И такъ, повидимому, папство выиграло все, чего домогалось въ отношеніи къ своимъ захватамъ; но въ дѣйствительности оно потеряло ту церковь, которая на пространствѣ девяти вѣковъ составляла самую блестящую отрасль церкви западной.

VII.

Неоспоримо, Франція есть страна, наиболѣе энергично возставшая противъ папства, этого кореннаго источника западнаго неправославія (*hétérodoxie*).

Тѣмъ не менѣе и другія страны на Западѣ тоже оказывали сопротивленіе папству. Въ этомъ отношеніи особенно выдается Германія, такъ какъ именно въ этой странѣ происходила страстная борьба между *священствомъ и имперією*, т. е. между извѣстными папами и извѣстными германскими императорами.

Въ разгарѣ этой борьбы, цѣлая толпа писателей, побуждаемая религіозною ревностію, составила произведенія, которыя, дошедши до насъ, свидѣтельствуютъ объ обширности зла и о мужествѣ, съ которымъ эти писатели старались остановить распространеніе его. Часть подобнаго рода памятниковъ собрана въ изданіи Ортуэна Граціуса, дополнена потомъ Броуномъ, и извѣстна подъ наз-

ваніемъ: *Fasciculus rerum expetendarum et fugiendarum*; а также собрана Гольдастомъ въ его изданіи: *Монархія священной имперіи*.

Георгъ Вицеліусъ составилъ каталогъ писателей и соборовъ, которые въ эти плачевныя времена старались положить конецъ беспорядкамъ, извѣстнымъ подъ именемъ церковной грязи (*squalores Ecclesiae*); перечень этого каталога простирается болѣе, чѣмъ до двухсотъ пятидесяти названій. Въ томъ числѣ Германія доставила обширный контингентъ писателей, среди которыхъ особенно выдаются: Конрадъ Лихтенау, аббатъ Уршиергскій, Тьерри Ніемскій, Генрихъ Гассія, Іаковъ Парадисъ, Вильгельмъ Оккамъ, Григорій Геймбургъ, котораго отецъ Фабръ однако-же очень не одобряетъ. Впрочемъ, Тритемъ приводитъ превосходную аннелю Геймбурга къ Сигизмунду противъ папы во время собора.

Мейеръ, канцлеръ Майнцкой церкви, привѣтствуя друга своего Энія Сильвія съ возведеніемъ въ кардинальское достоинство въ 1457 году, горько сѣтуетъ на то, что Римъ не приводитъ въ исполненіе опредѣленій Констанскаго и Базельскаго соборовъ; по прежнему собираетъ аннаты (годичныя налоги на церкви), требуетъ денегъ и пр. Эній Сильвій, на сколько могъ, опровергалъ эти жалобы, и въ концѣ письма говоритъ, что подобно тому какъ Ромуль и Ремъ основали земную римскую имперію, святой Петръ и святой Павелъ основали царство небесное.

Кардиналь Николай де-Буза, въ своемъ *Католическомъ союзѣ*, подчиняетъ папу вселенскимъ соборамъ и доказываетъ, что эти соборы не находились въ зависимости отъ своего предсѣдателя; потому что могли судить и низлагать его, такъ какъ представляли собою церковь вселенскую.

Благочестіе, мужество и таланты составили собою внушительное и величественное единство на соборахъ Констанскомъ въ 1414 г., и Базельскомъ въ 1431 г.; истина не была на нихъ плѣнницей, она безъ всякой боязни поражала крайности самыя отвратительныя. *)

*) Въ общемъ сужденіи почтеннаго автора объ этихъ соборахъ совершенно вѣрны; но славянская исторія не можетъ простить имъ несправедливаго и жестокаго отношенія къ гусситами. *Ред.*

Хотя засѣданія этихъ двухъ соборовъ доставляютъ утѣшеніе душамъ истинно христіанскимъ, но чувство это быстро смѣняется скорбію при видѣ неисполненія значительной части принятыхъ на нихъ рѣшеній. Еще въ началѣ XI вѣка можно было встрѣтить папу Сильвестра II, очень рьянаго въ дѣлѣ утвержденія папскихъ преимуществъ, на которыя онъ однако-же съ такою силою напалъ, когда былъ только Гербертомъ, епископомъ Реймскимъ. Въ XV столѣтіи повторился подобный-же скандалъ; человекъ, возведенный на папскій престолъ, торжественно отрекся отъ прежде защищаемыхъ имъ началъ; и въ Піѣ II никто не узнаетъ Энія Сильвія, бывшаго некогда апологетомъ Базельскаго собора.

Тѣмъ не менѣе соборы сопровождались важными послѣдствіями. Съ опредѣленій этихъ соборовъ была скопирована французская прагматическая санкція въ Буржѣ въ 1438 году, а также германская прагматическая санкція на Майнцкомъ сеймѣ въ 1439 году, принявшая опредѣленія Базельскаго собора. Оригиналъ послѣдней грамоты былъ напечатанъ въ первый разъ въ 1763 году. Со времени изданія оригинала германскіе канонисты очень много занимались этимъ достопамятнымъ документомъ, который, возстановляя свободу германской церкви, долженъ былъ прекратить юрисдикцію папскихъ нунціатуръ и возстановить обсужденіе на мѣстѣ дѣлъ, переносившихся до того времени въ Римъ. Въ 1789 году Кохъ сдѣлалъ прекрасное изданіе этой прагматической санкціи, которую онъ ставитъ гораздо выше санкціи Буржской, и свое изданіе сопровождаетъ ученымъ комментариемъ. Французская санкція, подвергшаяся немедленнымъ нападеніямъ со стороны римскаго двора, не сопровождалась особенно важными послѣдствіями; между тѣмъ какъ германская прагматическая санкція, заслужившая одобреніе папы, императора и другихъ князей германскихъ, вошла въ составъ германскаго права. Конкордатъ 1446 г. основывается на ея началахъ; но конкордатъ Ашафенбургскій, заключенный въ Вѣнѣ въ 1448 году съ кардиналомъ-легатомъ Каржавалемъ, наноситъ уже ей смертельный ударъ, хотя и со-

храняетъ еще за капитулами право избранія епископовъ. Когда Майнцкѣй курфюрстъ подчинился конкордату, и когда другіе князья послѣдовали примѣру курфюрста, то церковь германская пала въ рабскую зависимость, и ультрамонтанскія начала, настойчиво распространяемая, нашли эмиссаровъ, всегда готовыхъ ронять въ глазахъ публики всѣ изысканія ученыхъ канонистовъ. Прагматическая санкція и первый конкордатъ положили конецъ не одному злу; но другаго рода злоупотребленія были тѣмъ болѣе живучи, что имѣли свои корни въ испорченности человѣческаго сердца. И вотъ злоупотребленія снова разрослись и притомъ съ поразительною быстротою; а это и вызвало церковный раздоръ въ XVI столѣтіи.

Въ теченіе цѣлаго столѣтія христіанскіе народы настойчиво стремились къ уничтоженію злоупотребленій, но никто болѣе нѣмцевъ не проявилъ энергіи и силы въ этомъ отношеніи. Довладная записка по этому предмету, представленная Мартину V въ 1418 году, есть памятникъ, дѣлающій величайшую честь этому народу; нѣмцы требовали свободы для своей церкви, основанной на древнихъ канонахъ. Въ 1522 году они вручили императору на Нюрембергскомъ сеймѣ знаменитый документъ подъ названіемъ: *Сто жалобъ (Centum Gravamina)* на римскій дворъ и на духовенство вообще. Императоры помогали усиліямъ германскаго народа. Еще Максимилианъ, государство котораго было долго возмущено римскими интригами, послалъ нѣкогда посла во Францію съ цѣлію ознакомиться съ церковными началами, принимаемыми галликанскимъ духовенствомъ. Посолъ составилъ перечень этихъ началъ и вручилъ Максимилиану. Этотъ послѣдній сообщилъ ихъ епископамъ своихъ наслѣдственныхъ земель и епископы постарались принять ихъ. Преемникъ Максимилиана, Карлъ V предложилъ планъ реформы монашескихъ орденовъ на Аугсбургскомъ сеймѣ; равнымъ образомъ и Фердинандъ I представилъ на Тридентскій соборъ предложенія, имѣвшія въ виду эту-же цѣль.

Замѣчательно, что многія жалобы, исчисленныя въ *Centum*

Gravamina, повторены въ запискѣ о предполагавшихся реформахъ римской церкви, — запискѣ, составленной двадцать пять лѣтъ позже, по приказанію Павла III, въ собраніи кардиналовъ. Паллавичини сознается, что если-бы папа взялся смѣлою рукою за это дѣло и призналъ-бы справедливость германскихъ жалобъ, то укрѣпилъ-бы связи этой націи съ святымъ престоломъ и примирилъ-бы еретиковъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ уничтожилъ-бы и свою чрезмѣрную власть надъ германскими епископами. На основаніи этого признанія Паллавичини, Бароній, авторъ *Рационовыхъ писемъ*, строго осуждаетъ отказъ Рима, не соглашавшагося допустить какія-либо реформы. Закрывая слухъ свой къ всеобщему воплю, Римъ подалъ Лютеру случай предаться полной горячности своего характера, не знавшей никакихъ границъ; вооружившись противъ злоупотребленій, Лютеръ вооружился и противъ догмата; уничтожая солому, онъ уничтожилъ и добрыя зерна.

Возбужденіе умовъ, необходимо слѣдовавшее за религіознымъ недовольствомъ, наводнило Германію множествомъ католическихъ и протестантскихъ сочиненій объ отношеніяхъ церкви къ государству. Въ числѣ протестантскихъ писателей объ этомъ предметѣ былъ Шильтеръ, авторъ большаго сочиненія *О свободѣ германскихъ церквей*, въ которомъ онъ ссылается на подобныя-же сочиненія галликанской церкви. Онъ припоминаетъ и доказываетъ, на основаніи современныхъ писателей, что въ 1006 году, императоръ Генрихъ II основалъ епископство Бамбергское безъ посредства папской власти, единственно по рѣшенію германскаго собора и безъ всякаго сопротивленія епископа Вюрцбургскаго. Многіе писатели, какъ напр. Штегъ, рассуждали о правѣ совершать измѣненія въ *іерархіи*. Понятно само собою, что самый предметъ рассужденія указываетъ на протестантское перо, и что подобные труды должны быть чужды католической доктринѣ. Другой протестантскій писатель, столѣтіемъ позже старался доказать, что право аннелировать на папу въ соборъ непримиримо съ ученіемъ о единствѣ церкви; отсюда отрывается, что предубѣжденіе потемняетъ разумъ и сводитъ съ прямого пути да-

же умы разсудительные; по крайней мѣрѣ такимъ характеромъ отличается это произведеніе знаменитаго Мосгейма.

Хотя Майнцкая прагматическая санція и конкордаты составляли собою ограду германской церкви, но они были почти забыты до половины XVIII вѣка. Викарій Вормскій, епископъ Геліопольскій, Вюрдтвейнъ, признавалъ опредѣленія Констанскаго и Базельскаго собора основными законами германской церкви. Его изслѣдованія обратили вниманіе на этотъ предметъ и послужили началомъ къ подобнаго-же рода трудамъ Горикса, который, въ 1763 г., извлеки документы изъ цыли, обнародовалъ ихъ и затѣмъ снова издалъ ихъ спустя восемь лѣтъ. Ученый миноритъ Геддерихъ, присоединилъ къ нимъ еще четыре тома, подъ общимъ названіемъ *Fascicules*. Гориксъ, совѣтникъ Майнцаго курфюрста, умеръ въ 1792 году. Его біографію можно читать въ *Некрологъ* ученаго Шлигтегролля, по словамъ котораго обнародованіе этихъ конкордатовъ и этой прагматической санціи составило собою новую эру для германскихъ церквей. Документы эти послужили текстомъ, надъ которымъ работали столько ученыхъ германскихъ канонистовъ

Самое-же знаменитое изъ твореній подобнаго рода есть, безспорно, *Трактатъ о церковномъ управленіи и о папскомъ муществѣ*, изданный въ 1764 году, сначала на латинскомъ языкѣ, съ подписью *Иустинъ Феброній*, псевдонимъ Гонтгейма, епископа Миріофитскаго и викарія Трирскаго. Эта книга вызвала неслыханную бурю. Со всѣхъ сторонъ, въ Германіи и Италиі, ее опровергали и защищали. Чтобы опровергнуть *Фебронія*, Георгъ прелать Рокембургскій, назвался *Фробеніемъ*. Гориксъ, въ свою очередь, опровергалъ Фробенія подъ именемъ *Германа Пампфика*. Кромѣ французскаго перевода Фебронія, прекрасный очеркъ этого труда былъ сдѣланъ въ 1766 году Лиссоаромъ, Премонстрантскимъ аббатомъ Вальдье, умершимъ въ Парижѣ въ 1806 году. Надобно замѣтить, что большая часть противниковъ Гонтгейма, и преимущественно Баллерини и Жердиль, объявили себя столько-же противъ Боссюэта и галликанскихъ церковныхъ вольностей, какъ и противъ Фебронія.

Князь Клеманъ, архієпископъ Трирскій, въ письмѣ своемъ къ папѣ, хвалилъ образъ жизни и таланты своего викарія; но порицалъ его сочиненіе. Этотъ послѣдній, осажденный со всѣхъ сторонъ, обратился въ 1779 году къ Трирской епархіи съ окружающимъ посланіемъ, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что допустилъ ошибки въ сочиненіи, потому что часто случается, говорить онъ, что занимающіеся древностями уклоняются отъ прямого пути. Объявляетъ затѣмъ, что въ новомъ сочиненіи своемъ онъ изложитъ права святаго престола безошибочно, и исправитъ все, что въ его Феброніѣ попадаетъ *жесткаго и извращеннаго (durum et distortum)*. Кратко, онъ отрекся отъ своего сочиненія. Было-ли отреченіе его искреннимъ? Можно сомнѣваться въ этомъ, если только вѣрно то, что въ данномъ случаѣ онъ лишь уступалъ настойчивому желанію членовъ своей фамиліи. Онъ говорилъ аббату Лисоару, составившему краткое изложеніе его сочиненія: „Могу-ли я отречься отъ Св. Писанія и отъ отцевъ Церкви?“ Впрочемъ, каково-бы ни было это отреченіе, оно было провозглашено совершенно искреннимъ іезуитомъ Захаріемъ, въ сочиненіи послѣдняго подъ названіемъ: *Отреченія*, — сочиненіи противъ изданія котораго возставали многіе посланники, и, между прочимъ, кардиналъ Берни, такъ какъ оно было оскорбительно для церкви галликанской.

Въ срединѣ XVIII вѣка, германская церковная литература обогатилась множествомъ произведеній, касавшихся взаимныхъ границъ двухъ властей; и даже протестантскіе писатели, какъ напр. Баумгартенъ, *ex professo* (по обязанности), писали о галликанскихъ вольностяхъ; другіе, въ подражаніе Шильтеру, занимались этимъ вопросомъ и въ его отвлеченіи, и въ приложеніи ко всѣмъ церквамъ. Большая книга д'Эстора объ этомъ-же предметѣ была только тяжелою и неудобоваримою компиляціею. Могъ ли Эсторъ рассчитывать, что ему повѣрятъ на слово; когда увѣрялъ, что пзвѣстныя мнѣнія Боссюэта были подчинены различнымъ фантазіямъ *м-те де-Ментенонъ*?

Сочиненія, изданныя католическими писателями о вольностяхъ

германской церкви, слишкомъ многочисленны для того, чтобы перечислять ихъ; надобно ограничиться упоминаніемъ только нѣкоторыхъ. Послѣдовательно хорошія книги по каноническому праву, исключительно для германской церкви, появились изъ-подъ пера Бартеля, Вурдтвейна, Цальвейнъ-Шрама, Обергаузера, Раутенштрауха, Риггера, Нехема, Рехбергера, Шенкеля, Шнитца, Геддериха, Заутера, Куральта и пр. и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій, содержащія положенія неточныя и опасныя, подверглись строгимъ порицаніямъ, заслужившимъ вообще одобреніе, если только эти порицанія одновременно не поражали аяеюмою превосходныхъ книгъ, направленныхъ противъ ультрамонтанскихъ притязаній. При посредствѣ этого-то смѣшенія правды и неправды, порицаемыя сочиненія производили иногда дѣйствіе, совершенно противоположное цѣли своихъ порицателей.

УШ.

Со времени папы Николая I, Германия, подобно другимъ странамъ и, можетъ быть, болѣе чѣмъ другія страны, стонала отъ дѣяній нунціевъ, безпрестанно стѣснявшихъ проявленія епископской власти. Множество бесполезныхъ протестовъ по этому поводу было сдѣлано тремя архіепископами-курфюрстами. Это-же послужило предметомъ замѣчательныхъ писемъ, писанныхъ ими къ папѣ въ 1673, потомъ въ 1709, 1764 и 1769 году.—эпоха, когда ихъ жалобы съ новою силою были изложены въ письмѣ къ императору.

Въ 1786 году, нунціемъ въ Кельнѣ былъ прелатъ Пакка, ставшій потомъ кардиналомъ; онъ обратился ко всѣмъ приходскимъ священникамъ епархій Майнцкой, Трирской и Кельнской съ пастырскимъ посланіемъ, отмѣнявшимъ всѣ *разрѣшенія* трехъ архіепископовъ; немедленно эти послѣдніе приказали своему приходскому духовенству отослать нунцію въ конвертѣ его пастырское посланіе, и переслать его по почтѣ на имя епархіальныхъ секретарей. Распоряженіе это наполнило шумомъ всю Европу. Кардиналъ Берни, въ письмѣ своемъ къ Верженю, говоритъ о новой

грамотѣ папы, который желая оправдать распоряженіе своего нунція „въ Кельнѣ, усвояетъ уже себѣ исключительное, какъ-бы *ему одному принадлежащее* право давать извѣстныя разрѣшенія. Многіе архіепископы въ Германіи и въ другихъ странахъ только выжидали этого случая, чтобы доказать и свою правоспособность сообщать разрѣшенія.—правоспособность, вытекающую изъ ихъ епископскаго характера“.

„Святой Петръ, возсѣдающій на подводной скалѣ, непрестанно обуреваемой морскими волнами, остается совершенно спокойнымъ касательно вѣры богослововъ и рѣшительно не боится послѣдствій неблагоприятнаго поступка своего нунція. Къ этимъ богословамъ - докторамъ можно примѣнить пародію *исходная* псалма и пр. Имѣютъ глаза и не видятъ, имѣютъ уши и не слышать; но въ замѣнъ этого они имѣютъ руки, всегда готовые взяться за перо и писать, не взирая на неудобное время и на неблагопріятныя обстоятельства; они всегда отуманены властію древняго римскаго двора, не замѣчая того, что миѣніе,—главная основа этой власти,—почти совершенно перемѣнилось. Фанатики дожидаются чуда, а эгоисты, народъ очень многочисленный въ наше время, надѣются, что паденіе папства будетъ очень полезнымъ для ихъ личныхъ интересовъ. Что касается меня, милостивый государь, который думаетъ, что никогда нельзя предугадать и высчитать всѣхъ послѣдствій всякихъ нововведеній, то, не осмѣливаясь совершенно запрещать ихъ, признаюсь, что я ихъ очень боюсь въ этомъ отношеніи“. Другое письмо того же кардинала, писанное шесть дней спустя, удостовѣряетъ, что онъ не одобряетъ поступка ни архіепископовъ-курфюрстовъ, ни папы.

Нунцій Накка домогался только помутить митрополитовъ, какъ вдругъ они узнаютъ, что въ Мюнхенѣ учреждается новая нунциатура, которой юрисдикція простирается на часть ихъ митрополій. Три курфюрста-священнослужителя и архіепископъ Зальцбургскій носѣвшили обратиться къ Іосифу II, какъ покровителю германской церкви, съ своими представленіями. Они не признаютъ за папой права посылать нунціевъ и легатовъ, а единственно

усвояютъ ему только право посылать пословъ, какъ это дѣлаютъ и другіе князья. Императоръ принялъ ихъ прошеніе, и однакоже, вопреки императору и бурфюрстамъ, въ Мюнхенъ прибылъ нунцій.

Тогда четыре митрополита избираютъ четырехъ канонистовъ для совмѣстнаго обсужденія средствъ, помощію которыхъ можно было бы сохранить за епископами права ихъ неизмѣнными.

Эти четыре депутата собрались въ Эмсѣ, діоцезіи Трирской, и, послѣ глубокихъ изслѣдованій, составили въ двадцати трехъ членахъ проектъ, касавшійся самаго большаго мѣста папскихъ злоупотребленій. 20-й членъ проекта порицаетъ епископскую присягу, измышленную Григоріемъ VII и введенную въ декреталии Григоріемъ IX,—присягу, имѣющую предметомъ своимъ скорѣе вассальныя обязанности, чѣмъ каноническое повиновеніе, и заставляющую епископовъ клясться въ томъ, что для нихъ невозможно исполнить. Депутаты зывали къ собору вселенскому, или по крайней мѣрѣ—къ собору національному, или наконецъ—къ имперскому сейму. Митрополиты представили этотъ проектъ императору, который его одобрилъ; немедленно послѣ этого они обнародовали пастырское посланіе, сообщавшее дѣйствительность проекту, запрещая въ тоже время въ своихъ діоцезіяхъ обращаться къ суду нунціатуръ, и заявляя, что отнынѣ они вступаютъ въ полное отправление обязанностей, соединенныхъ съ ихъ званіемъ по праву Божественному и апостольскому преданію. Письмо архіепископа Зальцбургскаго къ своимъ викаріямъ написано 12 апрѣля 1787 года. Кардиналъ Берни, писавшій 23 мая къ министру иностранныхъ дѣлъ, перевозитъ похвалами это зальцбургское письмо. „Вотъ, говоритъ онъ, самый прекрасный примѣръ, какой только могла представить эта провинція. Только такимъ образомъ церковь галликанская отстояла во всей обширности „епископское право“. Эти мѣры произвели страшную тревогу въ ультрамонтанскомъ лагерѣ. Нунціи кричали изо всѣхъ своихъ силъ. Въ это же время появилось папское посланіе *super soliditate*, осуждавшее сочиненіе Эйбеля, подъ названіемъ: *Что такое папа?*—и по этому поводу возводившее въ догму правила, проти-

воположныя основнымъ правамъ епископата. Кардиналь Жердиль истощилъ все средства своей эрудиціи въ дѣлѣ защиты папскаго посланія противъ страшныхъ враговъ. Оно было запрещено верховнымъ совѣтомъ Брабантскимъ и великимъ совѣтомъ Мехельнскимъ, но это не помѣшало ультрамонтанамъ превозносить его, какъ произведеніе догматическое и обязательное для всей церкви. Люксембургскій газетчикъ Фелеръ, выставляя Эмскій конгрессъ въ формѣ ненавистной, утверждалъ, что на этомъ конгрессѣ хотѣли уничтожить самую католическую религію. Книжонки сыпались дождемъ, т. е. со всехъ сторонъ раздавались ругательства въ ущербъ здравому разуму. Повѣрять ли, что изъ желанія уронить документы Эмскаго собранія указывали даже на то, что собраніе состоялось въ деревушкѣ, заселенной преимущественно протестантами?

Другою, пущенною въ ходъ ультрамонтанами, хитростію было внесеніе раздора въ епископское общество, при посредствѣ распространенія мнѣнія о томъ, что митрополиты имѣютъ цѣлію возвысить свою власть въ ущербъ епископамъ. Эта клевета имѣла нѣкоторый успѣхъ, потому что епископъ Шнейерскій объявилъ себя противъ мѣръ Эмскаго собранія; но мѣры нашли себѣ защитниковъ, преимущественно-же въ Боннскомъ университетѣ, котораго профессора были люди очень свѣдущіе; одинъ изъ нихъ, отецъ Геддерихъ, обнародовалъ въ томъ же самомъ 1786 году латинскую диссертацию о правахъ германской церкви, въ защиту Эмскаго собранія. Онъ доказываетъ, что епископы облечены властію непосредственно отъ самого Іисуса Христа; что папа не имѣетъ права ни на какую юрисдикцію въ ихъ епархіяхъ ни самъ по себѣ, ни при посредствѣ своихъ легатовъ безъ согласія должностныхъ епархіальныхъ лицъ. Только во время мрака среднихъ вѣковъ Римъ присвоилъ себѣ эту юрисдикцію; до этой-же эпохи обращеніе со стороны духовенства къ Риму было совершенно свободно, а обращеніе частныхъ лицъ не имѣло никакого значенія, если только оно не было авторизовано епископами.

Два года спустя послѣ этого Каспаръ Фрейтцгеймъ, священ-

никъ Кельнской епархіи, вслѣдствіе защищаемаго имъ въ Боннѣ тезиса на докторскую степень, тоже напечаталъ диссертацию объ источникахъ церковнаго права этой митрополіи, и первымъ изъ этихъ источниковъ призналъ каноны галликанской церкви.

Въ томъ же году появилось историческое сочиненіе Линдена, кононика св. Петра, о ревности, которую архіепископы этого города постоянно проявляли въ дѣлѣ охраненія правъ германской церкви. Онъ ссылается на эпоху 1372 года, достопамятную по усиліямъ Майнцкой церкви уничтожить римское взяточничество.

Императоръ Іосифъ II рѣшился, наконецъ, помочь усиліямъ нѣмецкаго духовенства; въ 1783 году онъ отмѣнилъ нунціатуру въ Нидерландахъ, а два года спустя послѣ этого распространилъ эту мѣру и на всю германскую имперію.

Среди множества сочиненій, касающихся учрежденія и юрисдикціи нунціатуръ, надобно указать на превосходную диссертацию, напечатанную въ Страсбургѣ, въ 1785 году, и принадлежавшую надворному совѣтнику Іакову Абелю. Абель разсматриваетъ первоначальный характеръ нунціевъ и легатовъ, ихъ отношенія къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ въ мѣстахъ ихъ миссіи, возрастаніе ихъ могущества, допущенныя ими злоупотребленія, жалобы германскаго народа по поводу нарушенія ими прагматической санкціи; и, наконецъ, говоритъ объ уничтоженіи нунціатуръ императорскимъ рескриптомъ отъ 12 октября 1785 года. „0 если бы, заключаетъ онъ, это было навсегда“!

Обязательство имѣть правительственное разрѣшеніе (или *placet*, или *exequatur*) до обнародованія рескриптовъ, папскихъ грамотъ или буллъ, введенное въ Германіи и Богеміи въ 1588 году императоромъ Рудольфомъ II, по поводу буллы *in coena Domini*, теперь возобновлено Іосифомъ II. Его эдикты, касавшіеся доходовъ, поступавшихъ въ римскій дворъ, ограничивавшіе права на эти доходы, а также эдикты, касавшіеся распоряженій папъ, постановленій Григорія VII, пользованія церковными имуществами, реформы монаховъ, ихъ зависяности отъ чужестранныхъ суперіоровъ, гарантіи епископскихъ правъ, и множество другихъ эдик-

товъ по предмету церковной дисциплины,—произвели въ Германіи и во всей Европѣ глубокое впечатлѣніе, и имѣли вліяніе на заключеніе договора Леопольдомъ II въ 1790 году, и Францискомъ II въ 1792 году. Впрочемъ XIV членъ договора, излагавшій сношенія съ римскимъ дворомъ, получилъ уже дополнительную поправку, возлагавшую на главу имперіи обязанность крѣпко придерживаться конкордатовъ, подавлять домогательства, противорѣчащія римскому двору, его нунціатурамъ, и непрестанно предлагать германскому сейму полезныя мѣры въ отношеніи къ этому предмету.

Эти реформы были порицаемы и защищаемы съ большимъ талантомъ. Хотя нѣкоторыя злоупотребленія, обнаруженныя во время этой борьбы, продолжались и послѣ этого, но многія изъ нихъ были и уничтожены.

Но въ Германіи, равно какъ и въ другихъ западныхъ церквяхъ,—наука и католическая истина подчинились самой позорной тираніи ума—тираніи ультрамонтанства.

Въ наши дни мы были свидѣтелями усилій свергнуть съ себя это тираническое иго и возвратиться къ первоначальному католицизму. Но наука указала ошибки основателей *старо-католицизма*. И вотъ почему старо-католики встрѣтили мало симпатій среди духовенства и народа. Ихъ приходы незначительны; протестантское государство оставило ихъ. Римъ снова возвысился надъ ними. Все движеніе не имѣло серьезныхъ послѣдствій.

Если бы люди, вызвавшіе это движеніе, были болѣе ученые и болѣе свѣдущи, и если бы они не подчинились смѣшнымъ предразсудкамъ, то своею инициативою могли бы осуществить великія надежды, теперь только лишь частію приведенныя въ исполненіе. Но они не захотѣли сообщить движенію его истиннаго направленія; они измыслили лишь маленькія системы, могущія имѣть одинъ лишь отрицательный результатъ.

И такъ, православіе умерло въ Германіи и Франціи.

(Продолженіе будетъ).

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ).

(Продолженіе *)

Преподаваніе філософіи въ Кіевской духовной академіи Иннокентій также поставилъ на небывалую до тѣхъ поръ въ ней высоту и совершенство. Значительно расширившись въ объемѣ, философская наука при немъ обновилась и въ своемъ направленіи. Это направленіе, говоритъ профессоръ И. И. Малышевскій **), начатое, по возбужденію Иннокентія, Новицкимъ и Михневичемъ, читавшимъ свою стройную систему исторіи філософіи, особенно выразилось въ Авсеевѣ, въ его обширной психологіи и другихъ частяхъ філософіи, читанныхъ имъ во время его профессорства въ Кіевской духовной академіи. Это направленіе—*историко-систематическое*, по преимуществу, *созерцательное*. Усвоивъ простые элементы здоровой філософіи, опредѣлившіеся въ направленіи прежнемъ—догматико-логическомъ, философская наука въ Кіевской духовной академіи со временъ Иннокентія стала обнаруживать стремленіе къ болѣе свободному и самостоятельному философствованію въ собственномъ смыслѣ, опиравшемуся на болѣе глубокое и многостороннее знакомствѣ съ міромъ философской мысли. Историческое развитіе філософіи стало изучаться и прилагаться къ обширной и строгой системѣ, которая должна была, повидимому, придти къ послѣднему слову науки, къ конечному рѣшенію ея вѣковыхъ вопросовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ сильно возбужденная собственная созерцательность у кіевскихъ профессоровъ этой науки стала выражаться въ стремленіи къ смѣлымъ тео-

*) См. „Вѣра и Разумъ“. 1884 г. № 2, книга 2-я

**) Юбилей Кіевской духовной академіи, стр. 103—105.

ретическимъ построениямъ и всеобщимъ мысленнымъ обзорамъ, къ нѣкоторой высшей идеальной философіи. Это было время юношескаго увлеченія философскимъ духомъ, вѣры въ могущество умственного творчества, когда думалось иногда не только о возможности, но и дѣйствительности созерцанія абсолютной истины, о проникновеніи силою не столько анализа, сколько цѣлостнаго созерцанія въ тайны духа, въ сущность бытія и жизни всего сущаго. Это была олушевленная, поэтическая философія, какою только она могла и быть при руководствѣ такого выпренняго генія, каковъ былъ геній Иннокентія! Самый языкъ ея былъ уже не латинскій, а живой и свободный языкъ русскій. Правда, иногда онъ былъ не чуждъ нѣкоторой угловатости и тяжелой терминологіи; но за то нерѣдко онъ отличался также и тонкимъ изяществомъ, поэтическою образностью и выразительностью, ясно говорившихъ о силѣ внутренняго одушевленія философствовавшаго профессора. Отсюда — сильное увлеченіе философіею и въ студентахъ, вызываемыхъ не столько къ почтительному вниманію, какъ прежде, сколько къ взаимному сочувствію къ общему стремленію въ міръ идеальный. Изъ философскихъ системъ въ это время въ Киевской академіи пользовались большимъ сочувствіемъ системы, составленныя по идеямъ сперва Шеллинговой, а потомъ Гегелевой философіи, которыя своимъ выпреннымъ, созерцательнымъ характеромъ, широтою и глубиною воззрѣній, художественною стройностію, симметричностію общаго плана и рельефностію своихъ частныхъ формъ въ то время довольно сильно дѣйствовали на живую мысль, плѣняли воображеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ *видимымъ* уваженіемъ къ христіанству и стремленіемъ сблизиться съ нимъ во всемъ успокоительно дѣйствовали и на самое религиозное чувство и умъ, обѣщая ему открыть возможность заглянуть черезъ нихъ глубже и въ самыя основанія христіанской вѣры. Впрочемъ, эти смѣлые порывы и стремленія у кievскихъ профессоровъ умѣрялись благоговѣніемъ предъ тайнами вѣры, открытыми въ словѣ Божіемъ и ученіи Церкви.

Однако же, надлежащая постановка той или другой академической науки Иннокентію стоила иногда немалыхъ трудовъ и не всегда обходилась безъ столкновенія съ наставниками, безъ

нѣкоторыхъ непріятностей. Вотъ что произошло, напр., между Иннокентіемъ и профессоромъ философіи Авсеневымъ на первыхъ порахъ профессорства послѣдняго въ Кіевской духовной академіи *). Первые три года, по окончаніи своего академическаго образованія (1833—1836 гг.), Петръ Семеновичъ Авсенева читалъ въ академіи нѣмецкій языкъ; но уже готовился къ преподаванію философіи. Иннокентій, всегда умѣвшій удачно подбирать себѣ людей и сослуживцевъ, замѣчая въ немъ философское призваніе и образованіе, сочувствовалъ его переходу на кафедру философскую, а по переходѣ счелъ нужнымъ поощрить его къ своему дѣлу. Это поощреніе имѣло однако же вначалѣ видъ тяжелаго испытанія для Авсенева. Пришедши на одну изъ его лекцій, Иннокентій, по окончаніи лекціи, обратился къ студентамъ съ похвалою наставнику, совѣтуя имъ слушать его усердно. Но въ тотъ-же день онъ позвалъ Авсенева къ себѣ и высказалъ ему самое рѣзкое порицаніе за читанную имъ въ тотъ день лекцію, присоединивъ будто-бы даже угрозу увольненія. Пораженный такою неожиданностію, Авсенева подалъ прошеніе объ увольненіи. Иннокентій почувствовалъ свою ошибку, поводомъ къ которой была, вѣроятно, обычная робость молодаго философа, вслѣдствіе которой онъ, читая лекцію въ присутствіи ректора, не имѣлъ достаточно развязности и, быть можетъ, говорилъ ее не такъ, какъ приготовилъ дома. Не принявъ прошенія, Иннокентій поспѣшилъ устроить домашнее собраніе у себя изъ нѣкоторыхъ профессоровъ академіи, болѣе близкихъ къ Авсенева, пригласилъ также и самого Авсенева къ себѣ и въ этомъ товарищескомъ кругу постарался успокоить всегда, впрочемъ, кроткаго Авсенева. Впо-

*) Петръ Семеновичъ Авсенева, вполнѣдствіи архимандритъ Теофанъ, былъ присланъ въ Кіевскую академію изъ Воронежской семинаріи; окончилъ курсъ въ академіи въ 1833 году восьмью магистромъ. По окончаніи курса былъ оставленъ при академіи бакалавромъ нѣмецкаго языка; съ 3-го марта 1836 г. перешелъ на кафедру философскихъ наукъ; съ 22-го октября 1839 г. экстраординарный профессоръ; съ 1845 г.—ординарный профессоръ; съ 1836 года состоялъ адъюнктомъ по кафедрѣ философіи въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ продолжалъ преподаваніе и по поступленіи въ 1844 году въ монашество; 16-го іюля 1846 года возведенъ въ санъ архимандрита; съ 31-го декабря 1846 года—инспекторъ академіи; въ мартѣ 1850 года, по прошенію, уволенъ отъ академической службы и опредѣленъ настоятелемъ при посольской церкви въ Римѣ, гдѣ и скончался 31 марта 1852 г.

слѣдствіи, когда Авсенева написалъ для студентовъ вторую часть своей психологіи (*исторіи души*), Иннокентій, прочитавъ ее, отозвался о ней съ большою похвалою среди наставниковъ; думалъ даже представить ее высшему начальству и ходатайствовать о наградѣ автору. Ни ходатайство, ни представленіе это однако не состоялись, кажется, по скромности самого Авсенева, считавшаго всякіе труды свои далеко еще не совершенными и требовавшими новой обработки *).

Ближе всѣхъ тогдашнихъ профессоровъ стоялъ къ Иннокентію знаменитый профессоръ Кіевской духовной академіи по кафедрѣ теоріи церковнаго проповѣдничества—Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ **), по мѣсту родины—землякъ, а по духу научныхъ занятій—самый любимый сослуживецъ Иннокентія, лучший осуществитель его благихъ начинаній. Обыкновенно объ Амфитеатровѣ Иннокентій отзывался такъ: „у меня золотой гомилетикъ Амфитеатровъ и отличный проповѣдникъ“. И дѣйствительно, Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ сдѣлалъ весьма много для усовершенствованія и развитія науки, которую онъ преподавалъ, т. е. гомилетики. Наукѣ этой, пріостановленной на старомъ учебникѣ, онъ далъ, при посредствѣ и тепломъ участіи Иннокентія, совершенно новый и вполнѣ самостоятельный характеръ. Въ ней онъ обнялъ содержаніе, постигъ духъ церковной проповѣди такъ, какъ они открываются въ Библии, у великихъ учителей и отцевъ и въ непрестающемъ учительствѣ православной Церкви, заключенномъ особенно въ ея богослужебныхъ книгахъ. Идеальныя требованія, возникающія отсюда для церковной проповѣди, онъ соединилъ съ одной сто-

*) См. Юбилей Кіевской духовной академіи, стр. 103—104.

**) Я. К. Амфитеатровъ былъ присланъ для полученія высшаго богословскаго образованія въ Кіевскую духовную академію изъ Орловской-же семинаріи; окончилъ курсъ въ академіи въ 1829 году *первымъ* магистромъ; съ 26-го сентября 1829 года бакалавръ, съ 1-го августа 1835 года—экстраординарный профессоръ, а съ 4-го мая 1837 года—ординарный профессоръ; авторъ „Гомилетики“, „Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ“, многихъ рассказовъ изъ простонароднаго быта, помѣщавшихся въ „Маякѣ“ („Простоволосые“, „Лева Дална“, „О кіяпахъ“), „Бесѣды священника къ поселянамъ“ (напечатанныхъ въ „Воскр. Чтеніи“) и мн. др. статей. Скончался 8-го іюля 1848 года. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Амфитеатровѣ можно найти у В. Аскочепскаго: „Амфитеатровъ Яковъ Косьмичъ, ординарный профессоръ Кіевской духовной академіи. Кіевъ. 1857“.

роны съ требованіями высоко-развитаго, христіанскаго эстетическаго чувства, съ другой—съ требованіями общенародности и жизненной приспособимости, постигнутыми его поэтическимъ чутьемъ и народолюбивою душою. Строгій систематикъ, онъ былъ увлекателемъ какъ поэтъ. Главнымъ и существеннымъ результатомъ понесенныхъ Амфітеатровымъ трудовъ въ этомъ отношеніи было увлеченіе студентовъ, до тѣхъ поръ совершенно не пользовавшихся среди нихъ популярностію, предметомъ. Студенты полюбили теорію церковнаго проповѣдничества, увлеклись ею, соревновали между собою въ составленіи проповѣдей. Отсюда—процвѣтаніе проповѣдничества даже и между студентами... Этимъ начинающимъ проповѣдникамъ тогда выяснялась однако-же болѣе всего та основная мысль, что сила проповѣди заключается не въ красной фразѣ, не въ тонкомъ умствованіи, а въ силѣ убѣжденія, въ силѣ внутренняго проникновенія проповѣдника своимъ предметомъ и своимъ священнымъ призваніемъ, требующимъ благоговѣйнаго и молитвеннаго настроенія, искренней ревности о славѣ Божіей и благѣ ближняго.

Иннокентій, этотъ геніальный проповѣдникъ, такъ сказать, по самой своей природѣ, не могъ не быть въ этомъ дѣлѣ не только лучшимъ руководителемъ, но и лучшимъ пособникомъ Амфітеатрова. И если Амфітеатровъ былъ отличнымъ профессоромъ теоріи церковнаго проповѣдничества въ стѣнахъ академической аудиторіи, то за стѣнами аудиторій такимъ профессоромъ этого предмета всегда былъ самъ Иннокентій. Онъ научалъ и наставлялъ студентовъ въ дѣлѣ церковнаго проповѣдничества не только своимъ собственнымъ *личнымъ* примѣромъ, о чемъ мы будемъ говорить въ свое время, но и своими совѣтами въ частныхъ бесѣдахъ. „Разъ какъ-то сошлись мы въ кружокъ,—разсказываетъ одинъ изъ учениковъ Иннокентія *), и начали толковать о томъ, какъ-бы научиться писать хорошо проповѣди и произносить ихъ хотя не такъ, какъ, напримѣръ, нашъ о. ректоръ, но по крайней мѣрѣ—порядочно. Желаніе было похвальное. Толковали, толковали, судили—рядили,—и кончили однако-же ничѣмъ, т. е. никто не могъ сказать изъ насъ ничего дѣльнаго. Случилось-же такъ,—и это вскорѣ послѣ на-

*) Вънокъ, стр. 79—80.

шихъ разговоровъ и сужденій на счетъ проповѣдей,—что самъ покойный преосвященный (т. е. ректоръ Иннокентій) помогъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Разбирая проповѣдь одного изъ студентовъ и находя въ ней недостатки, онъ предложилъ намъ слѣдующее наставленіе: „Чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ, для этого требуется немного. (Вотъ что? подумала я,—замѣчаетъ расказчикъ,—а мы требовали, помнится, чего-то многого). Пишите, во-первыхъ, просто, безъ всякихъ умствованій: это не въ духѣ евангельскихъ истинъ. Видите, какъ онѣ просты и доступны для каждаго, и какъ обильны мыслями! Читаешь и не начитаешься! Пишите, во-вторыхъ, не съ тѣмъ, чтобы показать себя или—такъ сказать—блеснуть: этой мысли вы опасайтесь, иначе далеко уклонитесь отъ цѣли. Намъ нужно убѣдить, наставить, вразумить. Вотъ цѣль проповѣдника! Но главное—вы сами должны быть прежде всего убѣжденными въ той истинѣ, какую хотите передать другимъ; а для этого нужны твердая вѣра и доброе сердце. Третье—касательно слушателей: принимайте ихъ, кто-бы они ни были, не болѣе, какъ за вашихъ учениковъ, и вы будете говорить смѣло и свободно; говорите, а не читайте; старайтесь говорить наизусть,—и слушатели всегда останутся довольными. Наконецъ, въ четвертыхъ, помните, что, исходя на среду Церкви для проповѣдыванія, вы выходите какъ-бы на всемірную апостольскую проповѣдь,—что вы—то-же, что посланники Божіи. Представивъ все это, вы невольно возблагодарите предъ своимъ высокимъ назначеніемъ — и произнесете проповѣдь прекрасно“...

Въ дѣлѣ управленія академіею въ качествѣ ректора много помогало Иннокентію то рѣдкое свойство души человѣческой, которымъ такъ полновластно обладалъ Иннокентій и благодаря которому онъ всегда имѣлъ возможность скрѣплять въ сердцѣ сослуживцевъ товарищескую общительность и повсюду вносилъ жизнь и успокоеніе. По своей природѣ, по своему характеру, Иннокентій былъ человѣкъ живой и веселый; его душа была открыта для каждаго и ничего въ ней не было скрытнаго, затаеннаго,—никакихъ заднихъ мыслей. Правда, онъ былъ человѣкъ довольно вспыльчиваго характера, горячій и слишкомъ

впечатлительный. Но его гнѣвъ, его вспышки никогда не оставляли по себѣ въ его душѣ никакихъ слѣдовъ. Былились наружу и—исчезли безслѣдно. Онъ говорилъ всегда только то, что было у него на душѣ,—ни больше, ни меньше; радовался всегда всею своею радостію, гнѣвался всѣмъ своимъ гнѣвомъ. Каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, таковъ онъ былъ и для другихъ. Свойственную ему веселость онъ, впрочемъ, умѣрялъ всегда своими серьезными и учеными трудами, отчего былъ болѣе задумчивъ, нежели веселъ; онъ постоянно, такъ сказать, вращался въ своемъ умственномъ, идеальномъ мірѣ. Но въ дружескихъ бесѣдахъ онъ былъ любезенъ до чрезвычайности. Рассказать какую-либо исторію или анекдотъ, который-бы могъ заинтересовать всѣхъ присутствующихъ, доставить невинное, но пріятное удовольствіе обществу друзей и сотоварищей, скрѣпить, сплотить ихъ въ одну душу и одинъ духъ,—это было, если можно такъ выразиться, его страстію, нравственною для него необходимостію. Неудивительно поэтому, когда, въ ректорствованіе Иннокентія академическая корпорація думала съ нимъ одну думу, жила съ нимъ одною живнію. Лучше сказать—это была не корпорація, а сворѣе—одна родственная семья, у которой были однѣ цѣли, одни стремленія, однѣ заботы, однѣ и тѣ-же радости, одни и тѣ-же желанія... Мѣсто отца въ этой семьѣ занималъ, разумѣется, любимый всѣми членами ея—Иннокентій. И вліяніе Иннокентія на сослуживцевъ своихъ тѣмъ было сильнѣе и продолжительнѣе, что оно опиралось не на внѣшнюю силу, не на внѣшнее давленіе, а на его всестороннее превосходство, на его нравственный авторитетъ. Академическіе профессеры не только уважали своего ректора Иннокентія, но благоговѣли предъ нимъ; называли его не иначе, какъ „нашъ докторъ“, котораго сужденіе считалось ими безъ апелляціоннымъ приговоромъ, просьба, желаніе—неизмѣннымъ, самымъ строгимъ требованіемъ закона. „Стыдно и грустно мнѣ,—писалъ Я. К. Амфитеатровъ своему брату, отъ 7 декабря 1833 года,—отъ этой несчастной мысли, что я такъ долго не писалъ къ тебѣ. Что дѣлать, братъ! Чѣмъ долѣе живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе вижу трудовъ и занятій по должности. Молись, да не оскудѣетъ во мнѣ не любовь къ тебѣ, которая выну неоскуд-

но живетъ въ моемъ сердцѣ, а сила и здоровье мое... Въ настоящее время я болѣе всего занятъ собственными лекціями, кои докторъ (т. е. ректоръ академіи Иннокентій) одобряетъ— спасибо ему—и обязываетъ меня выработать оныя для *нѣкоторой цѣли*. Сверхъ того мнѣ поставлено въ обязанность сказывать *еже-недѣльно* (!) проповѣди. Изъ этого ты можешь судить, что у меня не много свободнаго времени“... Вотъ какъ Иннокентій умѣлъ заставлять работать профессоровъ академіи, даже весьма ревностныхъ и самихъ по себѣ, безъ всякаго однако-же внѣшняго давленія...

Нравственное вліяніе Иннокентія на своихъ сослуживцевъ было настолько велико и продолжительно, что глубокое и безпредѣльное уваженіе къ нему и неразрывныя узы любви они сохраняли въ своемъ сердцѣ до гробовой своей доски. Вмѣстѣ съ Иннокентіемъ былъ присланъ въ Кіевскую духовную академію инспекторомъ архимандритъ Іеремія, бывшій потомъ преемникомъ Иннокентія по ректорству, а впослѣдствіи епископомъ нижегородскимъ. Въ 1869 году, въ годъ пятидесятилѣтняго юбилея Кіевской духовной академіи, бывши уже на покой въ слѣдствіе тяжкой своей болѣзни; Іеремія, передавая нѣкоторыя вещи чрезъ другихъ въ даръ академіи, въ своемъ письмѣ къ ректору писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „я же, если не лично, по времени, то чрезъ почту доставлю крестъ въ память перваго, преобразованной академіи вашей, питомца, въ Бозѣ почивающаго архіепископа херсонскаго Иннокентія, и всѣхъ усопшихъ соучениковъ и учениковъ его, крестъ изъ Іерусалима, куда, во всѣ годы достославнаго его служенія академіи и послѣ, выну душа его стремилась...“

Въ дѣлѣ постановки преподаванія академическихъ предметовъ Иннокентій, очевидно, сдѣлалъ болѣе, чѣмъ сколько объщалъ въ своемъ письмѣ къ своему другу Герасиму Петровичу Павскому. Онъ сдѣлалъ для академіи Кіевской не „что-либо“ только „доброе“, но все довелъ до возможнаго въ то время совершенства. Такъ понимали значеніе Иннокентія для Кіевской духовной академіи и его современники и его сослуживцы; такъ понимали его даже и самые тогдашніе студенты кіевскіе. Вотъ что, напр., пишетъ одинъ изъ бывшихъ слушате-

лей Иннокентія. „Все время моего академическаго ученія, съ 1833 по 1837 годъ, было особеннымъ временемъ во многихъ отношеніяхъ. Академія наша пришла въ самое цвѣтущее положеніе, бывъ обязана этимъ покойному преосвященному (т. е. ректору Иннокентію). По его идеямъ, по его планамъ и предначертаніямъ, науки у насъ пошли впередъ, умножились введеніемъ новыхъ предметовъ или-же усовершились по другому совсѣмъ направленію, нежели чѣмъ это было прежде. Въ высшемъ отдѣленіи *эмпирическая* или опытная психологія была преподаваема въ первый разъ по методъ, указанной покойнымъ преосвященнымъ. И этотъ предметъ, какъ очень любопытный и занимательный, студенты слушали съ большимъ удовольствіемъ. Философія отцевъ церкви и право естественное также не менѣе были любопытны и занимательны. Въ высшемъ отдѣленіи читана была гомилетика въ самомъ обширномъ видѣ. Преподавалъ ее покойный Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ. Человѣкъ этотъ былъ съ большими способностями, безпримѣрно доброй души и сердца, преисполненнаго живыми христіанскими чувствованіями. Любилъ свой предметъ какъ самого себя. Гомилетика—это была его жизнь, пища, все! Онъ трудился, усовершенствовалъ этотъ предметъ долго, немного менѣе двадцати лѣтъ; къ тому-же Амфитеатровъ былъ извѣстенъ какъ отличный проповѣдникъ. Послѣ преосвященнаго Иннокентія онъ занималъ первое мѣсто на церковной кафедрѣ. Его проповѣди слушали съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ и самого Иннокентія. Къ концу нашего курса введена была новая наука — каноническое право. Читалъ этотъ предметъ протоіерей Ив. Мих. Свворцовъ. Здѣсь кстати замѣтить, что гг. наставники представляли свои лекціи на разсмотрѣніе о. ректору, особливо по тѣмъ предметамъ, кои вновь вводились или излагаемы были по методъ, имъ указанной. А какихъ, подумаешь, у насъ не было людей!... Вотъ они, напримѣръ, Свворцовъ — философъ и въ то-же время истолкователь церковныхъ правилъ. Я. К. Амфитеатровъ — гомилетикъ. Были и другіе, не менѣе замѣчательные наставники. Иннокентій сіялъ въ святилищѣ Петра Могилы, словно солнце, а прочіе наставники наши были, такъ сказать, его спутниками“. *)

*) Взянокъ, стр. 85—86.

Послѣ такого свидѣтельства непосредственнаго ученика Иннокентія и очевидца всѣхъ его трудовъ и дѣйствій на пользу воспитавшей его академіи, мы не думаемъ, чтобы поэтическое воображеніе С. Пономарева приписало Иннокентію что-либо лишнее въ тѣхъ немногихъ, посвященныхъ его памяти, строкахъ, которыя находятся въ его прекрасномъ стихотвореніи—одѣ на день пятидесятилѣтняго юбилея Кіевской духовной академіи. Вотъ эти строки:

„Привѣтъ и слава—здѣсь развитый,
 „Изъ первыхъ первый, какъ заря,
 „Нашъ Иннокентій знаменитый,
 „Нашъ сладкій сердцу витія!
 „Самъ—академія живая,
 „Ты потрудились здѣсь за всѣхъ,
 „Преобразуя, развивая
 „И окрыляя на успѣхъ.

* * *

„И много славныхъ окружило,
 „Какъ рядъ сіяющихъ планетъ,
 „Тебя, центральное свѣтило,
 „Всему дававшей жизнь и свѣтъ!
 „И та эпоха—образцова!
 „И дорогія имена
 „Амфитеатрова, Скворцова
 „Родная вѣдаетъ страна“;..

Въ дѣлѣ возрожденія и усовершенствованія богословской науки въ Кіевской духовной академіи значеніе Иннокентія было такъ велико и такъ существенно важно, что оно почти не отдѣлимо отъ значенія самой академіи въ дѣлѣ богословскаго образованія и духовнаго просвѣщенія южной половины нашего отечества и въ исторіи нашей Церкви. Это доказываетъ цѣлая масса адресовъ, поднесенныхъ разными лицами и учрежденіями Кіевской духовной академіи въ день ея пятидесятилѣтняго юбилея,—адресовъ, въ которыхъ значеніе академіи для русской Церкви и русскаго государства почти никогда не отдѣляется отъ значенія Иннокентія для самой академіи. Вотъ что писалъ, напр., въ своемъ адресѣ Московскій Императорскій университетъ:

„Блестящимъ, необыкновеннымъ успѣхомъ ознаменовано было уже самое начало истекшаго пятидесятилѣтія Кіевской духов-

ной академіи. Едва возродилась она изъ новой жизни, — и дала русскому православному и ученому міру Иннокентія. Геніальный питомецъ, много послужившій русской Церкви и наукъ своими глубоконазидательными и учеными трудами, былъ самымъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ и для воспитавшей его академіи.

„Высокодаровитый наставникъ и вождь, онъ и въ академіи, когда ему выпалъ жребій стоять во главѣ ея, ученіемъ и примѣромъ, неуставно двигалъ науку впередъ, и ему, своему бывшему ученику, она обязана и тѣмъ, что ея главная, русская богословская наука заговорила въ ней на родномъ, чисто русскомъ, изящно-литературномъ, имъ созданномъ языкѣ, вмѣсто чужаго, латинскаго, схоластическаго языка.

„Неустанный работникъ на нивѣ Божіей, вѣчно приснопамятный архипастырь Иннокентій, въ глубокой скорби русской Церкви и науки, давно уже почилъ отъ всѣхъ трудовъ, а постъ свой въ академіи онъ оставилъ еще и задолго прежде, но духъ его и доселѣ не покинулъ ея и не померкла слава ея.

„Въ томъ же духѣ и по пути, проложенному знаменитымъ предшественникомъ, неуклонно вели Кіевскую духовную академію и его достойные преемники и удержали ее на той-же самой высотѣ“...

Почти тѣ-же самыя мысли, хотя и въ другихъ словахъ, высказалъ въ своемъ привѣтствіи Кіевской духовной академіи и известный академикъ М. П. Погодинъ, говорившій, впрочемъ, не отъ университета, не отъ академіи, не отъ какого-либо ученаго общества, а отъ простаго русскаго сердца, какъ частный человекъ, какъ служитель исторіи. „Въ новое время, говорилъ Погодинъ, сюда (т. е. въ Кіевскую академію) приходилъ искать мудрости Ломоносовъ; въ новѣйшее — здѣсь училъ, проповѣдывалъ и благовѣствовалъ силою многою нашъ незабвенный, нашъ златоустный Иннокентій. Духъ его, вѣрно, теперь, здѣсь носится, и онъ радуется на зрѣлые плоды своего сѣянія, которыми мы, современные свидѣтели ученыхъ и духовныхъ подвиговъ, въ этомъ торжественномъ собраніи, внутренно утѣшаемся и наслаждаемся“...

По словамъ такого-же поздравительнаго адреса Кіевской духовной семинаріи, слава Иннокентія одновременно отражалась

также во время его управленія академіею и на Кіевской семинаріи, находившейся тогда подъ ея вѣдѣніемъ. „Въ періодъ времени, говорится въ адресѣ,—когда академіею съ громкою славою управлялъ въ Бозѣ почившій Иннокентій, архіепископъ херсонскій,—семинаріею, подъ сѣнію его славы, правили одинъ вскорѣ за другимъ товарищи его дѣтства и школы—преосвященный Іустинъ, бывшій епископъ владимірскій, и Іеремія, бывшій епископъ нижегородскій, изъ которыхъ послѣдній занялъ потомъ въ академіи постъ приснопоминаемаго архіепископа Иннокентія“...

Какъ ректоръ, много полезнаго сдѣлалъ Иннокентій для Кіевской духовной академіи и въ хозяйственномъ или экономическомъ отношеніи, заботясь о предоставленіи студентамъ большихъ удобствъ и улучшеній касательно ихъ внѣшняго существованія, хотя лично отъ него въ этомъ случаѣ зависѣло, конечно, весьма, немногое. Жилыя комнаты и аудиторіи онъ любилъ содержать всегда въ отличной чистотѣ и опрятности, часто подновлялъ и исправлялъ оба академическіе корпуса, насадилъ на академическомъ дворѣ прекрасныя аллеи, усовершенствовалъ больницу, улучшилъ столъ и платье студентовъ, украсилъ академическую залу портретами знаменитыхъ людей, воспитавшихся въ академіи, наконецъ, обогатилъ физическій кабинетъ и академическую бібліотеку и т. п.

Съ студентами академіи Иннокентій, какъ ректоръ, всегда обходился такъ, какъ не обходился до тѣхъ поръ съ ними ни одинъ изъ его предшественниковъ,—ласково, вѣжливо и благородно; въ недостаткамъ ихъ и проступкамъ онъ былъ довольно снисходителенъ, особенно когда проступки эти происходили не отъ злонамѣренности и дурнаго направленія воли, а отъ неосторожности, случайности и т. п.; за болѣе же важныя преступленія ему иногда приходилось и строго пожуричь кого-нибудь. Вообще, въ его отношеніи къ студентамъ, какъ начальника заведенія къ воспитанникамъ, можно было видѣть гораздо болѣе отеческой доброты и заботливости, нежели сухой строгости и бездушнѣйшей взыскательности, безъ всякой однако-же „потачки“ дурному направленію ихъ воли. „Бывало пожуричь онъ кого-либо изъ насъ, рассказываетъ намъ одинъ

изъ бывшихъ учениковъ Иннокентія, — а журилъ тоже ловко! Мастеръ былъ на все. Но только и гнѣву было, что на одинъ часъ! Потомъ призоветъ къ себѣ дежурнаго и спроситъ: „А что, такой-то студентъ скорбитъ?“ — „Печалень, преосвященнѣйшій владыко“. (Разсказъ относится къ 1837 году, когда Иннокентій былъ уже епископомъ). „Возьмите-же вотъ эту книгу (непрѣмѣнно своего сочиненія: Страстную или Свѣтлую Седмицу); отдайте ему и скажите, чтобы онъ былъ покоенъ, что между нами забыто все“.

Какъ рѣдко кто другой, Иннокентій обладалъ рѣдкою способностію производить самое пріятное и увлекающее впечатлѣніе при первой-же съ нимъ встрѣчѣ. Но первое впечатлѣніе; какъ извѣстно, почти всегда имѣетъ громадное значеніе, особенно для впечатлительнаго юношества. Понятно поэтому, отчего въ то время кіевскіе студенты, при самомъ-же первомъ своемъ появленіи въ академическихъ стѣнахъ, такъ быстро привязывались къ симпатическому своему ректору. Онъ умѣлъ важно принять, обласкать, ободрить, пріютить. Въ этомъ отношеніи онъ также оставилъ о себѣ въ многочисленныхъ своихъ ученикахъ кіевскихъ (ихъ было до четырехсотъ человѣкъ) самое пріятное воспоминаніе. Вотъ что разсказываетъ, напр., о своей первой встрѣчѣ съ Иннокентіемъ и вынесенномъ отъ него впечатлѣніи одинъ изъ бывшихъ его учениковъ, — впоследствии архимандритъ Іоасафъ (Гапоновъ). „Въ 1833 году поступилъ я въ Кіевскую академію, будучи вдовцемъ, изъ священниковъ. Въ Кіевъ, помню, пріѣхалъ 12-го августа; остановился на Подолѣ близъ Братскаго монастыря. На завтра утромъ пошелъ въ академію, отыскалъ своихъ земляковъ — студентовъ академіи, поступившихъ уже въ высшее отдѣленіе. Они приняли меня, спасибо, какъ нельзя лучше, радушно; указали, къ кому я долженъ прежде всего явиться. По ихъ совѣту, я сперва представился инспектору академіи Іереміи. Инспекторъ обошелся со мною весьма благосклонно. Приказалъ перебраться мнѣ въ академію, указалъ комнату въ новомъ корпусѣ, гдѣ я и прожилъ четыре года въ продолженіе всего академическаго курса. Это былъ въ мое время особый номеръ для монашествующихъ студентовъ, угловой, въ нижнемъ этажѣ, обращенномъ къ не-

большому академическому саду. Меня на первых порахъ удивила какая-то особенная точность и исправность въ распоряженіяхъ со стороны академическаго начальства. Едва я перешелъ въ академію, какъ уже нашелъ въ своей комнатѣ железную койку, тюфякъ съ двумя подушками, чистую простыню и новое шерстяное одѣяло, столикъ, шкапъ и два стула. Смотря на все это, я какъ-то воодушевился: прошелъ, повидимому, и тотъ страхъ, что я пріѣхалъ въ академію не въ гости, а учиться, послѣ шестилѣтняго моего вдовства. взятыя опять за книги, сѣсть на академическую скамью вмѣстѣ съ моими товарищами, молодежью, только что кончившею курсъ семинарскихъ наукъ, и слушать лекціи профессоровъ академіи. Все это очень хорошо. А экзаменъ? невольно подумалъ я (удивительно, какъ это иногда совсѣмъ нехотати приходятъ на умъ такія мысли)! Вѣдь, чтобъ быть студентомъ академіи, продолжалъ думать я, сперва надо выдержать экзаменъ. Здѣсь профессора и бакалавры—не то, что—семинарскіе наставники, а главное здѣсь—Иннокентій... Представивъ все это себѣ живо, я, признаюсь, порядочно струсилъ. Началъ ходить по комнатѣ въ большомъ раздумьи и, наконецъ, остановился на той мысли: ужъ не возвратится ли мнѣ домой? Вдругъ входитъ въ мою комнату служитель отъ инспектора съ приказаніемъ, чтобъ я шелъ къ ректору. Услышавъ такое повелѣніе, я какъ-то опять ободрился, преспокойно одѣлся, перекрестился и пошелъ. Что будетъ, то будетъ. По крайней мѣрѣ, я хотя тѣмъ буду счастливъ, что увижу *гениальнаго человека*, увижу, запечатлѣю его образъ и уѣду... Вотъ уже я въ комнатѣ о. ректора. Человѣкъ доложилъ обо мнѣ, отворилъ заду и я вошелъ. Изъ угловой комнаты,—это въ родѣ гостиной въ покояхъ настоятельскихъ (Братскаго монастыря),—вышелъ Иннокентій въ рясѣ, безъ камилавки, подошелъ ко мнѣ и быстро посмотрѣлъ. Я, впрочемъ, отъ этого нисколько не смутился, потому что во взорѣ его выражалось что-то особенно доброе. Поклонившись, я подошелъ къ рукѣ, поцѣловалъ его руку, а онъ мою. Не могу въ точности объяснить своихъ при этомъ чувствованій. И страхъ, и уваженіе, и любовь попеременно волновали мою душу. Боже мой! подумалъ я: и этотъ человѣкъ не пренебрегъ мною, сель-

скилъ священникомъ, поцѣловалъ мою руку!.. Иннокентій сталъ въ нѣкоторомъ отъ меня отдаленіи. Склонивъ голову на лѣвую сторону и заложивъ руки въ карманъ, онъ повелъ со мною слѣдующую рѣчь: „Давно-ли вы овдовѣли?“ — „Въ 32-мъ году“. — „Сколько лѣтъ жили въ супружествѣ?“ — „Шесть лѣтъ“. — „Дѣти есть у васъ?“ — „Два сына-малютки; старшему третій годъ, меньшому другой годъ пошелъ“. — „Гдѣ-же они теперь?“ — „Въ домѣ моихъ родителей“. Тутъ онъ помолчалъ нѣсколько, прошелся по комнатѣ, потомъ, обратясь ко мнѣ, опять завелъ разговоръ. „Ко мнѣ писали о васъ курскій преосвященный Иліодоръ и ректоръ семинаріи Ельнидифоръ. Да, фамилія ваша Гапоновъ. Не братъ-ли вашъ Иванъ Ивановичъ Гапоновъ, учившійся въ здѣшней академіи?“ — „Братъ двоюродный“. — „Я помню его хорошо. Какъ онъ поживаетъ?“ — „Хорошо, слава Богу“. — „Вы въ первый разъ въ Кіевѣ?“ — „Въ первый“. — „Пойдите-же къ вашимъ землякамъ, старшимъ студентамъ, и попросите ихъ, чтобъ они сводили васъ въ лавру; побывайте въ пещерахъ, помолитесь кіевскимъ святымъ угодникамъ. Комнату вамъ указали?“ — „Указали“. — „Хорошо, такъ пока отдохайте себѣ; познакомьтесь съ Кіевомъ. Это — городъ въ полномъ смыслѣ историческій. Въ немъ есть чему поучиться. Съ Богомъ!“ Вотъ первое мое свиданіе съ покойнымъ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Въ это время онъ былъ еще архимандритомъ. Я опять поцѣловалъ его руку, а онъ мою. Тутъ ужъ я не утерпѣлъ, у меня навернулись слезы; но я старался скрыть это, скоро поклонился и вышелъ изъ залы. Отъ ректора пошелъ я прямо въ старый корпусъ къ своимъ землякамъ. Увидѣвъ меня, они спросили съ какимъ-то безпокойствомъ въ одинъ голосъ: „что это, ты, кажется, чѣмъ-то растревоженъ?“ — „Господи!“ отвѣчалъ я: „я видѣлъ *человѣка*... и больше вамъ ничего не скажу. Пойдемте въ лавру; познакомьте меня съ Кіевомъ—вотъ его приказаніе!“...

Судя со стороны, рассказанная сцена не заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, ничего особеннаго, ничего поразительнаго или трогательнаго... А между тѣмъ нельзя не замѣтить, какое сильное впечатлѣніе произвела эта сцена на рассказчика. Гдѣ же причина этого впечатлѣнія? Цѣлованіе рукъ? Но развѣ

цѣлованіе рукъ между священнослужителями одной степени священства составляло нѣчто неслыханное, небывалое до Иннокентія? Обыкновеннымъ студентамъ, не священникамъ, Иннокентій, разумѣется, не цѣловалъ взаимно рукъ; а между тѣмъ всѣ они, съ самой-же первой своей встрѣчи съ Иннокентіемъ, получали отъ его обращенія съ ними одинаково сильное впечатлѣніе... Гдѣ-же, повторяемъ, причина атого? Намъ кажется, что расказикъ нашъ отлично охарактеризовалъ Иннокентія и въ то же время вѣрно указалъ причину, — и причину истинную полученнаго имъ впечатлѣнія, — своими немногими словами: „Господи! я видѣлъ *человѣка*“... Дѣйствительно, кіевскіе студенты, прежде всего, видѣли въ своемъ знаменитомъ ректорѣ *человѣка*, и притомъ — *человѣка* не только „сидящаго на самомъ сѣдалищѣ Гамалиловъ“, какъ иногда говорилъ Иннокентій о своемъ кіевскомъ ректорствѣ, а *человѣка* въ истинномъ смыслѣ этого слова, — мыслящаго, хотящаго, любящаго и негодующаго. И именно это-то *человѣчество* Иннокентія производило на студентовъ такое магическое дѣйствіе. Они любили его всѣмъ сердцемъ и всею душою, какъ своего истинно-гуманнаго руководителя, какъ свою славу, — однимъ словомъ, какъ только одни благовоспитанныя дѣти могутъ любить своихъ добрыхъ и честныхъ родителей; они искренно и глубоко уважали его, благоговѣли предъ нимъ, предугадывали его мысли, предупреждали его желанія. Его слово было для нихъ *нравственно* обязательнымъ закономъ, его желаніе, даже, пожалуй, прихоть — самымъ неотложнымъ для нихъ требованіемъ. Трудно указать жертву, на которую они не были способны, чтобы только сдѣлать удобное своему любимому о. ректору. Для примѣра приведемъ слѣдующій фавтъ со словъ одного изъ студентовъ Иннокентіевскаго времени. Однажды, это было въ 1834 году, — въ недѣлю Пасхи, вдругъ Иннокентію пришло желаніе, чтобы литургія была совершена на греческомъ языкѣ въ академической церкви, гдѣ престолъ былъ устроенъ во имя Живоноснаго Источника, празднуемаго обыкновенно въ пятницу Свѣтлой Седмицы. Призвавъ къ себѣ „дежурнаго“ студента *за день* до пятницы, онъ отдалъ приказаніе, чтобы какъ пѣвчіе, такъ и служащіе, въ числѣ которыхъ были и студенты-священники, пригото-

лись отправлять литургію на греческомъ языкѣ. И это, быть можетъ, случилось въ первый разъ съ того времени, какъ существуетъ академія. Тѣмъ не менѣе сказано—сдѣлано. Настала пятница. Непонятно, замѣчаетъ бывший очевидецъ, какимъ образомъ узнали объ этомъ кіевляне, а, кажется, все дѣлалось втихомолку. Церковь академическая—небольшая. Народу собралось много. Впускали въ церковь уже по выбору, при содѣйствіи полиціи. Была, можно сказать, одна знать кіевская. Къ литургіи приглашенъ былъ также и греческій архимандритъ, проживавшій въ то время въ своемъ Кіево-греческомъ монастырѣ. И дѣйствительно, литургія въ этотъ день была совершенна самымъ торжественнымъ образомъ. Пѣвчіе пропѣли по партесу все до единой іоты, въ томъ числѣ и концертъ, на языкѣ того народа, отъ котораго мы, русскіе, и прежде всѣхъ кіевляне, приняла христіанскую вѣру. Одна лишь проповѣдь сказана была Иннокентіемъ на русскомъ языкѣ. Послѣ обѣдни къ Иннокентію зашла его знакомые; рѣчь, разумѣется, заведена была про литургію и внезапность всего событія. Между прочимъ, одинъ изъ посѣтителей, генералъ Лохвицкій, подошелъ къ Иннокентію и сказалъ: „меня особенно удивило то, что гг. студенты ваши пѣли все на греческомъ языкѣ, и все это такъ прекрасно“.—„Да, отвѣчала Иннокентій; меня студенты любятъ, и я ихъ люблю крѣпко. Что мнѣ захочется, то они и сдѣлаютъ,—спасибо имъ!“ *).

Если иногда Иннокентія постигала какая-нибудь болѣзнь, то не было ни одного студента, который бы не приходилъ отъ этого въ сильное безпокойство и опасеніе. Въ это время обыкновенно студенты постоянно разузнавали о состояніи здоровья своего любимаго начальника. Улучшеніе его радовало ихъ, усиленіе болѣзни повергало ихъ еще въ большее безпокойство. Постоянно и повсюду слышались одни и тѣже вопросы: „А что, не легче ли отцу ректору?“ „Кто его лечитъ?“ „Каково его положеніе?“ „Скоро-ли онъ выздоровѣетъ?“ и т. д. Страхъ предъ именемъ Иннокентія, съ какимъ отправлялись студенты изъ своихъ семинарій въ Кіевскую академію, вскорѣ же, послѣ поступленія въ нее, переходилъ въ любовь, дѣтскую предан-

*) Вѣнокъ, стр. 87—88.

ность. Съ самыхъ же первыхъ дней своей академической жизни они привыкали видѣть въ Иннокентіѣ *человѣка* и переставали его бояться. Обыкновенно, по окончаніи пріемныхъ экзаменовъ—на другой или на третій день—новичкамъ объявлялось рѣшеніе, кто какъ оказался по экзамену. Часовъ въ десять Иннокентій, въ сопровожденіи всѣхъ академическихъ наставниковъ, входилъ въ залу. По прочтеніи молитвы, секретарь правленія академіи читалъ списокъ студентовъ, признанныхъ способными слушать курсъ академическаго ученія, а Иннокентій, подошедши къ нимъ, ласково, *по-человѣчески* привѣтствовалъ ихъ. „Поздравляю васъ, господа, студентами академіи,—обыкновенно говорилъ онъ въ этомъ случаѣ: Богъ дастъ, мы покороче познакомимся съ вами“.—„Нечего и толковать, замѣчаетъ одинъ изъ слушавшихъ это привѣтствіе изъ устъ Иннокентія *),—что каждый изъ насъ отъ такого лестнаго привѣтствія выросъ, какъ говорится, на цѣлый вершокъ“.

Самые труды, которыми студенты были положительно завалены въ ректорствованіе Иннокентія, казались имъ тогда не такими тяжелыми, какими они были на самомъ дѣлѣ. Наставники каждый день прещедро надѣляли студентовъ записками по своимъ лекціямъ, которыя нужно было не выучить только, а и списать, такъ какъ печатныхъ руководствъ почти вовсе не существовало; каждую недѣлю они обязаны были представлять наставникамъ свои домашнія работы на данныя имъ темы, или проповѣди, ходить на лекціи, посѣщать Богослуженія, участвовать въ нихъ и т. д. И студенты работали безъ устали, безъ ропота, зная, что ректоръ трудится всегда гораздо больше ихъ. „Я удивляюсь“, сказалъ однажды студентамъ Иннокентій, „какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; въ прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю великаго поста я написалъ около 80-ти листовъ“. Конечно, для великаго человѣка, трудъ обыкновенныхъ людей всегда будетъ казаться малымъ.

Иннокентій, не смотря на всесторонность его свѣдѣній, не былъ страшенъ для студентовъ даже и на экзаменахъ академическихъ. Экзамены, производившіеся подъ его предсѣдательствомъ, были, повидимому, больше экзаменами для наставни-

*) Вѣнокъ, стр. 73.

ковъ, для развитія науки и уясненія ея задачъ, нежели для учащихся. Особенно это нужно сказать о такъ называемыхъ экзаменахъ *частныхъ*, которые производились въ то время въ академіи предъ окончаніемъ первой сентябрьской трети. При Иннокентіѣ эти экзамены производились обыкновенно такимъ образомъ. Ректоръ и профессоры приходили въ извѣстную аудиторію и занимали свои мѣста. Вызванный студентъ подходилъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Иннокентій, бралъ извѣстный „билетъ“ и объявлялъ экзаменаціонной комиссіи вопросъ, на который онъ долженъ отвѣчать. Но не успѣвалъ онъ произнести и двухъ—трехъ словъ на предложенный ему наставникомъ вопросъ, какъ уже ректоръ прерывалъ его рѣчь: „довольно; хорошо. Это ваше классное дѣло. А вотъ лучше разрѣшите мнѣ, напр., этотъ вопросъ“. Въ большинствѣ случаевъ студентъ думаетъ, собирается съ мыслями, какъ бы отвѣтить получше; выходило однако-же на повѣрку всего чаще ни то, ни се. А нужно замѣтить, что Иннокентій вообще любилъ, если кто на его вопросъ отвѣчалъ скоро и толково, хотя бы то и не совсѣмъ удовлетворительно. Не дождавшись отъ студента вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта, ректоръ обыкновенно обращался затѣмъ къ самому уже наставнику,—и начинался ученый споръ. Возраженіе слѣдовало за возраженіемъ. Интересъ спора усиливался съ каждымъ новымъ словомъ Иннокентія. „Любо, бывало, слушать“, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей-очевидцевъ, самъ лично не одинъ разъ экзаменовавшійся у Иннокентія *). „Мы въ восторгѣ. Но бывало и то, что какъ захочетъ покойный преосвященный, такъ на вопросъ имъ предложенный, хотя, повидимому, и трудный, отвѣтять удовлетворительно и студентъ и наставникъ. Какъ это дѣлалось у него, мы никакъ не могли растолковать себѣ. Въ противномъ же случаѣ ни тотъ, ни другой ничего не скажутъ; за то уже самъ, бывало, разрѣшить вопросъ ловко, умно, превосходно. И вотъ въ чемъ состояли наши, такъ называемые, частные экзамены! Продолжались они обыкновенно не болѣе трехъ часовъ. И чего же, бывало, не наговорить въ столь короткое время незабвенный нашъ рек-

*) Вѣнокъ, стр. 74.

торь! Какихъ истинъ не сообщить!... Онъ былъ и философъ, и психологъ, и фізіологъ, и богословъ, и историкъ! "...

Не тяжелы были въ то время для студентовъ Кіевской духовной академіи и, такъ называемые, публичные экзамены. Иннокентій умѣлъ поставить эти экзамены такъ, что и они служили не столько для испытанія знаній, пріобрѣтенныхъ въ академіи студентами, сколько для славы самой академіи, для раскрытія предъ глазами общества ежегодныхъ результатовъ, добываемыхъ академическою наукою, для рекомендаціи обществу его будущихъ дѣятелей въ разныхъ сферахъ общественной жизни, преимущественно же въ должности педагоговъ и религіозно-нравственныхъ руководителей народныхъ. Экзамены эти обыкновенно производились подъ предсѣдательствомъ самого кіевскаго митрополита, въ присутствіи нѣсколькихъ нарочито для сего приглашавшихся іерарховъ, высшихъ чиновниковъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, проживавшихъ въ то время въ Кіевѣ, и вообще всей кіевской знати. При входѣ митрополита, вмѣстѣ со всею академическою корпораціею и приглашенными посѣтителеми, въ предназначенную для этихъ экзаменовъ залу, студенты вмѣстѣ съ хоромъ прекрасныхъ академическихъ пѣвчихъ пѣли обыкновенно молитву Св. Духу, по окончаніи которой всѣ усаживались по своимъ мѣстамъ. И тотъ-часъ же начинался экзамень. По вызову Иннокентія, студентъ подходилъ къ митрополиту, бралъ у него благословеніе, всходилъ на кафедру, развертывалъ листъ бумаги и, обратясь къ публикѣ, обыкновенно говорилъ: „Мы намѣрены изложить такой-то предметъ; рассмотримъ же его, сколько можно, со всѣхъ сторонъ“. Потомъ, прочитавъ вкратцѣ обзоръ или конспектъ обсуждаемаго предмета, онъ начиналъ излагать ваизустъ уже самый предметъ своего разсужденія, точно такъ, какъ слѣдовало бы ему говорить объ этомъ въ классѣ предъ своими учениками. Такимъ образомъ, тутъ публика уже видѣла предъ собою не простаго только студента, а наставника съ авторитетомъ, и потому все предлагавшееся ей слушала со вниманіемъ. Эти „публичные экзамены“ заканчивались обыкновенно прекраснымъ студенческимъ цѣніемъ черѣдко весьма сложныхъ духовныхъ концертовъ. Иногда, впрочемъ, такіе концерты были исполняемы

и среди самыхъ экзаменовъ въ промежутокъ времени между чтеніями студентовъ.

Вообще нужно сказать, что для студентовъ въ ректорствованіе Иннокентія время экзаменовъ не только не было тяжелымъ или обременительнымъ, но оно было для нихъ отчасти даже временемъ пріятнымъ какъ въ духовномъ, нравственномъ, такъ и въ чисто физическомъ отношеніи: по крайней мѣрѣ, и пища для студентовъ въ это время готовилась такая, какая бывала у нихъ только по праздникамъ.

Наконецъ, кромѣ „публичныхъ“ испытаній Иннокентій старался ознакомить съ академическою наукою мѣстныхъ представителей науки и образованное кievское общество посредствомъ публичныхъ актовъ, которые съ его времени устраивались съ особенною торжественностію и на которыхъ читался обыкновенно отчетъ о состояніи академіи, а студенты, кромѣ устныхъ отвѣтовъ, читали свои сочиненія частныя и курсовыя. Отчеты объ этихъ актахъ, равно какъ и печатныя сочиненія студентовъ разсылались по всему кievскому округу, даже и въ нѣкоторыя свѣтскія учебныя и ученыя заведенія, также въ другія наши академіи и, наконецъ, многимъ изъ архипастырей русской Церкви. А отъ многихъ изъ этихъ лицъ и учрежденій взаимно получались привѣтствія и поздравленія какъ Иннокентія, такъ и академіи съ успѣхами, дѣлаемыми новою академическою наукою.

Особенно добрымъ и внимательнымъ бывалъ Иннокентій къ студентамъ тогда, когда ихъ постигало какое-либо горе, напр. серьезная болѣзнь. Помочь въ этой бѣдѣ несчастному—составляло тогда для ректора всю его главную заботу. Онъ жертвовалъ въ этомъ случаѣ не только своими средствами, но иногда даже и своими собственными жизненными удобствами. Академическая больница всегда представляла главный предметъ его заботъ и попеченій. Не было дня, когда-бы онъ не посѣтилъ своихъ больныхъ и не оказалъ имъ какой-нибудь существенной помощи,—не смотря на то, что „дежурные“ студенты по больницѣ каждое утро являлись къ нему съ донесеніемъ о положеніи больныхъ. Для примѣра,—какъ Иннокентій относился къ больнымъ студентамъ, расскажем слѣдующій фактъ. Въ

1836 году, во время великаго поста, студентъ высшаго отдѣленія священникъ Василій Гапоновъ, воспоминаніями котораго о ректорствѣ Иннокентія мы нерѣдко пользуемся въ настоящемъ очеркѣ,—былъ сильно не здоровъ; у него открылась боль въ груди,—болѣзнь столь частая между студентами академій. Медицинскія пособія почти не помогали и болѣзнь усиливалась. Особенно мучилъ его сильный, удушливый кашель, который не только все больше и больше раздражалъ его больную грудь, но, не давая возможности уснуть больному, совершенно разстроилъ его организмъ. „Наконецъ, говоритъ самъ о. Гапоновъ, я до того изнемогъ, что едва могъ дышать. Не спавъ нѣсколько ночей сряду, я разъ какъ-то успокоился и сталъ засыпать,—это было утромъ часу въ десятомъ,—какъ въ это время вошелъ въ больницу о. ректоръ. Онъ подошелъ ко мнѣ. Я хотѣлъ было приподняться, но онъ сказалъ: „лежи себѣ, не вставай“. Посмотрѣвъ на меня, онъ прибавилъ: „ты крѣпко не здоровъ?“—„Да“.— Тутъ у меня навернулись слезы, говоритъ о. Гапоновъ.—„Что-же плачешь?“—„Жаль мнѣ моихъ дѣтей. Я, быть можетъ, умру“.—При этомъ Иннокентій самъ видимо смутился. Помолчавъ нѣсколько, онъ сказалъ: „тебѣ лекарства, какъ видно, нисколько не помогаютъ. Теперь настало прекрасное время (дѣло было въ апрѣлѣ); я думаю отправить тебя на свою монастырскую дачу. Тамъ ты лучше поправишься“. И, дѣйствительно, 10-го апрѣля, въ пятницу на Фоминой недѣлѣ, Иннокентій отправилъ студента о. Гапонова на свою монастырскую дачу, въ такъ называемую Пироговку, отстоящую отъ Кіева въ десяти верстахъ,—отправилъ на своей монастырской лошади, далъ ему для услуженія послушника, далъ денегъ, чаю, сахару и т. п. „Лишь выѣхалъ я изъ города и поднялся на гору, рассказываетъ о. Гапоновъ,—какъ вдругъ сталъ чувствовать себя лучше: кашель нѣсколько унялся и я началъ дышать свободнѣе. Вотъ что значить нагорный воздухъ! Я опытно извѣдалъ его пользу“ *).

Итакъ, какъ ректоръ академіи Иннокентій, кажется, сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать въ то время и при тѣхъ средствахъ, какія находились тогда въ распоряженіи ака-

*) Вѣнокъ, стр. 91.

деміи, чтобы поднять это высше-учебное духовное заведеніе на надлежащую высоту во всѣхъ отношеніяхъ и, такимъ образомъ, облегчить достиженіе предъ указанной ему цѣли. Лучшаго ректора по тому времени, очевидно, нельзя было себѣ и представить. Онъ и въ свое время былъ предметомъ благородной „гордости“ Кіевской духовной академіи и такимъ останется въ ея воспоминавіи навсегда. Не справедливо, конечно, было-бы съ нашей стороны дѣлать Иннокентію упрекъ за то, что онъ не довелъ академической науки до такого положенія, какое она занимаетъ только въ *наше время*. Чего въ то время еще не существовало и за отсутствіемъ надлежащихъ средствъ даже и не могло существовать, того нельзя было, разумѣется, и дать другимъ. Это—общій законъ челоуѣческой жизни, это—общія основанія всякаго челоуѣческаго развитія и прогресса. Во всякомъ случаѣ, что сдѣлалъ для Кіевской академіи ректоръ Иннокентій, того трудно было-бы ожидать отъ кого-либо другаго. Для этого нужно было стоять цѣлой головой выше современнаго общества и руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ не готовыми уже данными, которыя предлагались самымъ существовавшимъ положеніемъ, а глубокимъ знаніемъ психологическихъ законовъ всякаго внутренняго развитія, знаніемъ души челоуѣческой. Нужно было умѣнье провести вѣрную линію между истиннымъ и ложнымъ, дѣйствительнымъ и случайнымъ, правдою и пустымъ предразсудкомъ. Такому новатору и реорганизатору школьнаго дѣла, какимъ является Иннокентій въ должности кіевскаго ректора, нужно было обладать настолько твердымъ характеромъ, терпѣніемъ и истиннымъ благоразуміемъ, чтобы безбоязненно стать лицомъ къ лицу со всякаго рода предразсудками, непріятностями, нападками и перетолковываніями въ дурную сторону всѣхъ его добрыхъ начинаній,—чего въ то время всегда можно было ожидать отъ приверженцевъ стараго порядка школьной жизни и науки, бывшихъ не въ силахъ возвыситься до взглядовъ и понятій новаго дѣятеля, и что Иннокентій дѣйствительно встрѣтилъ отчасти, какъ мы видѣли, даже со стороны кіевскаго митрополита Евгенія и другихъ *лучшихъ* людей того времени... Чтобы расчистить, такъ сказать, путь наукѣ, вскопать и удобрить для нея почву, засоренную

схоластическими плевелами и разными другими кореньями выродившихся растений, запущенную вслѣдствіе долгаго отсутствія надлежащаго за него ухода, — для этого нужна была мощная сила генія, для этого нуженъ былъ человѣкъ новый, свѣжій, съ свѣтлымъ, безъ всякихъ предразсудковъ, взглядомъ на вещи, съ инициаторскимъ умомъ, — человѣкъ бодрый, дѣятельный, живой — однимъ словомъ, — Иннокентій...

Не желая ограничиться произведеннымъ возбужденіемъ ученой дѣятельности среди профессоровъ Кіевской духовной академіи, Иннокентій не мало заботился также и о возбужденіи ученой дѣятельности въ духовныхъ семинаріяхъ того времени. Такъ, между прочимъ, въ 1836 году, послѣ предварительнаго совѣщанія съ митрополитомъ Евгеніемъ, Иннокентій въ одномъ изъ засѣданій академической конференціи сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: „Обязанность академической конференціи — распространять и поощрять ученость въ своемъ округѣ. Сія обязанность исполнялась доселѣ по отношенію къ однимъ наставникамъ академіи и лицамъ, ближайшимъ образомъ соприкосновеннымъ къ конференціи. Между тѣмъ въ числѣ наставниковъ семинарій могутъ быть также достойные поощренія и вознагражденія не только по своей особенной дѣятельности и упѣшному прохожденію возложенныхъ должностей, но и по особымъ трудамъ, принимаемымъ, сверхъ классическихъ занятій, изъ любви къ учености и въ намѣреніи споспѣшествовать общей пользѣ просвѣщенія. Такъ какъ о такихъ трудящихся по семинаріямъ наставникахъ конференція не получаетъ никакого свѣдѣнія; то не благоугодно ли сдѣлать распоряженіе, чтобы конференціи ежегодно доставлялись свѣдѣнія изъ всѣхъ семинарій округа о тѣхъ наставникахъ, кои, сверхъ классическихъ занятій своихъ, произвели что-либо особое, напр., написали какое-либо ученое сочиненіе, или изготовили переводъ какой-либо полезной книги, или усердно занимаются проповѣданіемъ слова Божія“. Къ сожалѣнію, за немногими исключеніями, утѣшившими Иннокентія, почти изъ всѣхъ семинарій послѣдоваль отвѣтъ, что, кромѣ занятій по классамъ, наставники семинарій занимались еще сказываніемъ проповѣдей *).

*) Ср. Юбилей Кіевской духовной академіи, стр. 133.

Наконецъ, въ бытность свою ректоромъ Кіевской духовной академіи, Иннокентій много старался и о томъ, чтобы расширить научныя средства и связи академіи,—вслѣдствіе чего онъ пріобрѣталъ ей разныхъ членовъ и корреспондентовъ изъ лицъ, извѣстныхъ своимъ просвѣщеніемъ или ученостію какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, каковъ, напр., Константинъ Экономосъ.

Что Иннокентій не могъ быть въ Кіевѣ и зауряднымъ профессоромъ,—за это ручалась предъ Кіевскою академіею уже его предшествовавшая профессорская дѣятельность с.-петербургская. Природа вообще богато надѣлила его всѣмъ необходимымъ для академической профессуры; онъ имѣлъ необыкновенный даръ слова, память обширную, познаній массу самыхъ разнообразныхъ, разсудокъ здравый, взглядъ на вещи глубокой, быстрый и всегда мѣткій. „Его мысли, замѣчаетъ одинъ изъ бывшихъ его слушателей *), какъ будто были мысли всего человѣчества(?): тотъ-часъ видишь, что это такъ. У него, кажется, всякій предметъ обдуманъ былъ со всѣхъ сторонъ, какъ нельзя лучше. Оттого онъ не читалъ, а говорилъ намъ лекціи, или объяснялъ Св. Писаніе всегда экспромтомъ“.

Главную заслугу Иннокентія, какъ профессора, несомнѣнно должно составлять то, что предмету своего преподаванія онъ сообщилъ совершенно новое, неизвѣстное до него, направленіе. Окончивъ догматику, начатую до его прибытія въ Кіевъ, для студентивъ V-го курса, онъ съ VI курса сталъ читать свой предметъ уже по-русски и по своему, совершенно новому, плану, начавъ свои лекціи съ „религіозистики“ или—что тоже—основнаго богословія. До Иннокентія эта наука не имѣла въ Кіевской духовной академіи никакого самостоятельнаго значенія. Въ прежнія богословскія системы она входила только какъ незначительный трактатъ въ видѣ предварительныхъ понятій о наукѣ. Иннокентій, можно сказать, самъ создалъ эту науку, которая, по его указанію, должна была углубиться въ самыя основанія, опредѣлить самыя основныя начала богословствующей мысли, утвердять на которыхъ можно было-бы уже восходить къ разумному и цѣлостному изученію всей совокупнос-

*) Вѣнокъ, стр. 75

ти богословскихъ предметовъ, гармонически распредѣляющихся въ цѣлой системѣ. Послѣ „религіозистики“ или основнаго богословія Иннокентій начиналъ уже читать главныя богословскія науки: догматическое богословіе и нравственное. Къ этимъ тремъ богословскимъ наукамъ въ послѣдствіи Иннокентій присоединилъ еще двѣ, для Кіевской духовной академіи совершенно новыя, до тѣхъ поръ еще никогда не бывшія въ ней науки: сравнительное богословіе и „экклезиастіку“. Подъ именемъ „экклезиастики“ разумѣлась такая богословская система, въ которой, послѣ общихъ понятій о Церкви и ея соборныхъ опредѣленіяхъ и уясненіяхъ христіанскаго вѣроученія, трактовалось о ея ученіи, богослуженіи и управленіи. Первая часть этой науки называлась еще *символикой* и трактовала въ частности о символахъ или древнихъ опредѣленіяхъ и изложеніяхъ вѣры отеческихъ и соборныхъ, равно какъ и о символическихъ книгахъ православной Церкви. Такимъ образомъ, при Иннокентіѣ богословская наука явилась въ Кіевской духовной академіи почти во всемъ полномъ своемъ составѣ.

Но главная заслуга, которая принадлежитъ Иннокентію въ дѣлѣ преподаванія богословскихъ наукъ въ Кіевской духовной академіи, состоитъ, говоримъ—въ указаніи имъ этому преподаванію совершенно новаго, не существовавшаго до него, направленія. Мы говоримъ о введеніи Иннокентіемъ истинно *историческаго* изученія догматовъ въ области церковнаго преданія, особенно-же въ вѣроисповѣданіяхъ и вѣроопредѣленіяхъ, какія отъ времени до времени дѣлались Церковію и ея св. отцами и учителями, съ цѣлію приблизить откровенную истину къ человѣческому сознанію и оградить ее отъ неправильнаго пониманія испытующею человѣческою мыслию. Правда, этотъ новый элементъ богословской науки Иннокентіемъ еще не былъ примѣненъ широко, во всемъ его объемѣ; но весьма важно уже и одно то, что Иннокентій первый указалъ на него нашей богословской наукѣ,—важно, что онъ созналъ необходимость и намѣтилъ послѣдующему поколѣнію нашихъ богослововъ всю обширность научныхъ изученій, требуемыхъ этимъ элементомъ, положивъ лично доброе начало такимъ изученіямъ.

Наконецъ, кромѣ преподаванія вышеуказанныхъ предметовъ,

Иннокентій читалъ студентамъ отчасти еще и экзегетику, по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что онъ толковалъ имъ Евангеліе отъ Іоанна. Въ воскресные-же и праздничные дни предъ литургіею студенты обоихъ отдѣленій собирались обыкновенно въ академическую залу, и Иннокентій объяснялъ имъ положенныя на тотъ день чтенія какъ изъ Евангелія, такъ и изъ апостольскихъ посланій.

Что касается внутренняго характера богословствованія Иннокентія, то онъ состоялъ въ искреннемъ стремленіи къ разумному и цѣлостному воспріятію каждой откровенной истины, выражающемуся не только въ широтѣ и свѣтлости богословскаго созерцанія его, но и въ нѣкоторомъ, свойственномъ Иннокентію, сердечномъ постиженіи откровенной истины въ ея небесной чистотѣ, божественномъ величіи и благодатной силѣ. Затѣмъ, Иннокентій вполне обладалъ искусствомъ всегда открывать въ предметѣ новыя стороны, дѣлать оригинальныя сближенія, неожиданныя, но мѣтвія приспособленія, въ чемъ помогали ему не только творческая сила созерцанія, но и обширность свѣдѣній, кромѣ богословія, еще и въ другихъ наукахъ, имѣющихъ цѣлю изученіе человѣка и видимаго міра, — наукахъ, за современнымъ состояніемъ и успѣхами которыхъ онъ слѣдилъ всегда зорко. „Бывало, въ ученыхъ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей, рассказываетъ о. Гапоновъ, — начитаетъ что-либо такое, чего онъ (Иннокентій) и самъ не зналъ, а оно, по мыслямъ, прекрасное, и къ тому еще новенькое. Ужъ не утерпятъ, возьметъ книгу, прійдетъ въ аудиторію и прочитаетъ это мѣсто студентамъ. Потомъ новую мысль обозритъ со всѣхъ сторонъ, разовѣтъ ее по своему и мы выходимъ изъ класса съ новымъ запасомъ.“

Если теперь къ указаннымъ достоинствамъ Иннокентія, какъ профессора богословскихъ наукъ, мы присоединимъ еще его изящную простоту рѣчи, его неподражаемую дикцію и одушевленность, съ какою онъ излагалъ живымъ и свободнымъ словомъ свои импровизированныя и вдохновенныя лекціи, то мы поймемъ то обаяніе, какое онъ производилъ на своихъ слушателей, поймемъ, какимъ образомъ своими лекціями, особенно „по религіозистикѣ“ и догматикѣ, онъ часто приводилъ слу-

шателей въ изумленіе и восторгъ, такъ что студенты, которымъ въ его лекціяхъ все являлось новымъ, оригинальнымъ и убѣдительнымъ, выходя изъ аудиторіи, не знали какъ и назвать своего несравненнаго профессора.

Такое представленіе о лекціяхъ Иннокентія всегда выносятся изъ рассказовъ лицъ, слушавшихъ Иннокентія въ Кіевской духовной академіи. Всѣ эти лица согласно свидѣтельствуя въ своихъ воспоминаніяхъ, что лекціи Иннокентія всегда отличались обильными и глубокими мыслями, изяществомъ слога, увлекательностію изложенія. Вотъ что говоритъ, напр., по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ, въ первый разъ помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Западной Россіи“ за 1870-й годъ (кн. 2, отд. III), одинъ изъ бывшихъ слушателей приснопамятнаго Иннокентія. „Если гдѣ,-то особенно на кафедрѣ профессорской Иннокентій былъ великимъ, неподражаемымъ, единственнымъ... Необыкновенное гармоническое сочетаніе способностей душевныхъ, настроенныхъ на самыя высокія тоны, издававшихъ невыразимыя мелодіи; рѣдкая способность находенія и сближенія похожихъ и сопоставленія противоположныхъ предметовъ; неподражаемое искусство класть, какъ говорятъ, на ладони рѣшенія самыхъ трудныхъ вопросовъ, относящихся къ сферамъ богословія, психологіи, исторіи, физики; единственное умѣнье охватывать мысль и чувство всѣмъ, что можетъ сдѣлать ихъ шире, выше, глубже, задушевнѣе; симпатическая, восторженная, исходящая прямо отъ души дикція,—все это вмѣстѣ производило на студентовъ магическое, невыразимое, чудодѣйственное впечатлѣніе; они не слыхали словъ, фразъ; они видѣли воплощеніе мысли, жизнь чувства. Много уже прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я восторгался вдохновенной импровизаціей приснопамятнаго Иннокентія, а рѣчь его и доселѣ раздается въ моемъ духѣ, а самъ онъ будто живой предо мною. Вотъ онъ быстро вошелъ въ аудиторію, остановился передъ иконою, помолился вмѣстѣ со студентами „Царю Небесному, жизни Подателю“, вдохновлявшему пророковъ и апостоловъ, сдѣлалъ общій, приправленный невыразимо ласковой улыбкой, поклонъ слушателямъ и вошелъ на кафедру. Все превратилось въ слухъ, всѣ глаза устремились на оратора; въ аудиторіи слышно жуж-

жаніе мушинаго полета. Сперва рѣчь идетъ спокойно, говоритъ одному уму, потому что или кратко резюмируется сказанное въ прошлую лекцію, или кладутся въ фундаментъ настоящей прочныя основы, предъявляется планъ чтенія, производится анатомія общей темы на ея развѣтвленія. Но вотъ мысль дѣлается частнѣе, свѣтлѣе, чувство восторженнѣе, живѣе; съ ораторомъ происходитъ что-то въ родѣ преображенія: лицо изъ блѣдно-розоваго дѣлается прозрачно-матовымъ, глаза мечутъ молніи, кровь отъ оконечностей устремляется во внутрь организма; волосы, должно быть, поднимаются на головѣ его дыбомъ, потому что имъ становится тѣсно въ клубокъ; послѣдній очутился на кафедрѣ, и съ этой кафедры хлынулъ на переиспытывающихъ тѣ-же фазисы преображенія слушателей каскадъ умственного золота и брилліантовъ. Пронзительный звукъ колокольчика давно уже звучитъ подъ самыми дверями аудиторіи; ораторъ умоляетъ, а его слушатели, словно пораженные эпилепсіей, все еще глядятъ на него, все еще слушаютъ кого-то... Да, лекціи Иннокентія не только преизбыточествовали небывалыми достоинствами краснорѣчія, всевластною силою слова, впечатлительностію чувства, но и обладали тѣмъ нравственнымъ стимуломъ, который находилъ и будилъ къ самодѣятельности засоренныя или дремавшія способности слушателей. Она, послѣ всякой лекціи Иннокентія, выходили не только съ новымъ запасомъ, прошедшихъ всѣ изгибы души, знаній, но и съ какимъ-то внутреннимъ озареніемъ, съ теплотою душевною, съ вѣрою въ силу своего творчества. Смѣло можно сказать, что имѣвшіе два-три таланта съ послѣдней лекціи Иннокентія возвращались уже обладателями пяти-десяти талантовъ, не оскудѣвавшихъ у нихъ и съ пользою для Церкви и отечества „куплю дѣявшихъ“ до конца своей жизни“...

Само собою понятно, что къ лекціямъ Иннокентія и слушатели относились иначе, чѣмъ къ лекціямъ другихъ наставниковъ, не имѣвшихъ достоинства первыхъ. Они не только не тяготились слушаніемъ его лекцій и не скучали ими,—напротивъ они ожидали ихъ всегда съ нетерпѣніемъ, какъ чего-то особенно пріятнаго. Вотъ что говоритъ о лекціяхъ Иннокентія въ своихъ воспоминаніяхъ по этому поводу и еще одинъ изъ

его слушателей—о. Василій Гапоновъ. „Надобно замѣтить, говорить онъ *), что въ то время, когда покойный преосвященный говорилъ лекціи, онъ часто хаживалъ въ классѣ, раза три—четыре въ недѣлю; ходилъ всегда около половины десятаго утромъ. Нужно-ли говорить, что чѣмъ чаще приходилъ онъ, тѣмъ болѣе было для насъ интересно? Вотъ, скоро, господа, половина десятаго, скажетъ кто-нибудь изъ насъ. Отецъ ректоръ прійдетъ сейчасъ; сядемте по мѣстамъ. Сѣли, пріутихли въ пріятнѣйшемъ ожиданіи своего незабвеннаго наставника. Идетъ,—говорять. Дверь отворена; входитъ. По прочтеніи молитвы, поклонится намъ на обѣ стороны; мы отвѣтимъ ему тѣмъ-же. „Садитесь, господа!“ Сѣли. Раза два—три пройдетъ по классу въ какой-то глубокой задумчивости. Потомъ подойдетъ къ кому-либо изъ студентовъ, возьметъ тетрадку, свернетъ ее въ трубочку или сложитъ какъ ни попало (онъ будетъ держать ее въ рукѣ такъ, просто, или мять). „Мы“, начнетъ, бывало,—„вчера остановились на такомъ-то предметѣ; продолжимъ его теперь и обозримъ, сколько можно, со всѣхъ сторонъ. И такъ, во-первыхъ“ (это, значить, — дѣло начато). Ходитъ по классу, садится рѣдко, а рѣчь у него такъ и льется, словно рѣчкой. Еслибъ кто сталъ за дверью и прислушался,—навѣрное, подумалъ-бы, что читается книга, написанная самымъ превосходнымъ слогомъ,—тогда какъ на самомъ дѣлѣ говорилось свободно. Нужны-ли, напр., тексты изъ Св. Писанія для подтвержденія истины? Вотъ—они, нерѣдко съ подробнымъ истолкованіемъ. Или историческое начало извѣстной истины? Укажетъ и его и проведетъ по вѣткамъ. Мнѣнія-ли отцевъ Церкви? Представитъ и ихъ и произнесетъ на латинскомъ или на греческомъ языкѣ... „Въ четвертыхъ“ (это значить — предметъ обозрѣлъ уже съ трехъ сторонъ). Но вотъ бьетъ колокольчикъ. Какая досада! Истинно, бывало, пожалѣешь, что такъ скоро летитъ время. Кажется, слушалъ-бы до вечера. Послѣ обѣда сойтись въ кружокъ и разсуждать о томъ, что говорено быто ректоромъ по утру—было любимымъ занятіемъ для студентовъ“....

Слава объ Иннокентіѣ, какъ объ отличномъ профессорѣ, и знаменитыхъ его академическихъ лекціяхъ, подобно тому, какъ

*) Вѣнокъ, стр. 75 -76.

въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ не ограничилась одними стѣнами академическихъ аудиторій и проникла далеко за ихъ предѣлы. Одинъ изъ непосредственныхъ свидѣтелей и современниковъ Иннокентія рассказываетъ, что въ его время нарочно пріѣзжали въ Кіевъ даже одинъ изъ профессоровъ Харьковскаго университета съ цѣлію лично познакомиться и послушать Иннокентіевскія лекціи. Впрочемъ, Иннокентій, говорятъ, не дозволилъ ему входа въ академическія аудиторіи, „потому что въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, замѣчаетъ расказащикъ, нѣтъ такого обычая, какой сохраняется въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Такъ профессоръ и уѣхалъ изъ Кіева, завидуя студентамъ, что они имѣютъ счастье быть учениками столь знаменитаго наставника *).

(Продолженіе будетъ).

*) Ср. Вѣнокъ, стр. 76.

ли юношѣ листъ бумаги и онъ, окруженный преподавателями, на глазахъ ректора и намѣстника, долженъ былъ писать по латынѣ на заданную тему. Вопросъ имъ скоро разрѣшенъ—и припелець коломенскій принять на философскій курсъ. *) Съ усиленнымъ рвеніемъ, при высокихъ природныхъ дарованіяхъ, сталъ заниматься Василій Дроздовъ на новомъ мѣстѣ ученія, не развлекаемый близостью родной семьи и уже приобрѣтши навыкъ къ трудолюбію въ семинаріи Коломенской. Успѣхи его были такъ велики, что онъ въ слѣдующемъ-же 1801 году переведенъ былъ въ классъ богословія съ такими рекомендаціями учительскими, какъ: „отлично остръ, прилеженъ, и успѣшенъ“; „преимущественно успѣваетъ“; „прекрасно успѣваетъ“; „laudabilimos exhibuerit progressus“. **) Всѣ предшествующіе классы, начиная грамматическимъ и кончая философіею, должны были приготовить въ немъ образованнаго чело-вѣка, укрѣпить его умъ въ способности логически-правильнаго мышленія, утвердить въ трудолюбіи, и эта цѣль достигнута была въ отношеніи къ Дроздову наилучшимъ образомъ, какъ очевидно уже изъ приведенныхъ отмѣтокъ учительскихъ. Но собственно богословскій классъ долженъ былъ вводить въ самое святилище науки семинарской. Въ этомъ только классѣ достигалась цѣль семинарскаго образованія того времени. Въ этомъ-же собственно классѣ вырабатывались и проповѣдническіе таланты учениковъ или, какъ ихъ тогда называли: „студентовъ богословія“. И хотя „тогдашнія училища духовныя, даже лучшія, были небогаты средствами къ развитію необыкновенныхъ дарованій юноши“ Дроздова, ***) однако и того, чѣмъ они обладали, при собственномъ прилежаніи даровитаго ученика, достаточно было, чтобы приготовить въ немъ богослова и проповѣдника. Кромѣ языковъ: еврейскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго, въ богословскомъ классѣ тогдашнихъ семинарій вообще и Троицкой въ частности, преподава-

*) *Н. В. Сушковъ*. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго. Стр. 32—33. Москва, 1868 г.

**) См. въ дѣлахъ архива Троицко-Лаврской семинаріи, и именно въ спискахъ учениковъ.

***) Изъ слова протоіерея *А. В. Горскаго*, сказаннаго по кончинѣ Филарета въ 1867 году. См. 260 № „Моск. Вѣд.“ за 1867 годъ.

емы были слѣдующіе предметы: богословіе, дидактико-полемика, руководство къ Св. Писанію, а въ Троицкой семинаріи собственно, по распоряженію митрополита Платона, прочитываема была не разъ, съ истолкованіемъ, и самая Библія; затѣмъ—книга о должностяхъ приходскаго священника, въ которой, кстати сказать, значительный отдѣлъ занимаетъ именно ученіе о проповѣдничествѣ; *) пасхалии; изъяснялись воскресныя Евангелія; ученики упражняемы были въ сочиненіи проповѣдей и читали кормчую книгу. **) Главнымъ преподавателемъ въ богословскомъ классѣ былъ ректоръ; а бывший собственно въ Троицкой семинаріи съ 6 января 1802 года ректоромъ іеромонахъ Евграфъ Музалевскій-Платоновъ еще и тѣмъ сообщалъ доброе направленіе студентамъ, что знакомилъ ихъ съ твореніями св. отцевъ и приучалъ ихъ заниматься изученіемъ сихъ твореній ***). Кромѣ того, въ 1798 году былъ „открытъ при Троицкой семинаріи классъ высшаго краснорѣчія, въ которомъ должны были въ особые часы обучаться студенты філософіи и богословія: предписано было учителю читать рѣчи лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, дѣлая онымъ резолюціи (разборы) логическія и реторическія, и по тѣмъ резолюціямъ заставлялъ студентовъ сочинять имитаціи (подражанія). Относительно этого нововведенія семинарское начальство подадо только такое мнѣніе, чтобъ учителю реторическому называться и писаться въ вѣдомостяхъ учителемъ высшаго краснорѣчія и купно реторики. Платонъ съ этимъ согласился, но прибавилъ: „и какъ філософіи и богословія ученики экзерцируются диссертаціями и проповѣдями, то ихъ для поправленія и аппробаціи представляютъ реторики учителю“ ****). Инструкціею

*) По 4-му кіевскому изданію 1804 года этотъ отдѣлъ занимаетъ стран. 11—64.

**) См. програму преподаванія, приложенную къ дѣламъ архива Троицкой семинаріи за 1803 годъ № 27; срав. С. К. Смирнова: Исторія Троицко-Лаврской семинаріи, стр. 241 и дал. 289. Москва, 1867.

***) С. К. Смирнова, цитов. соч. стр. 290.

****) Въ то время, когда Дроздовъ обучался въ богословскомъ классѣ, Лаврская семинарія имѣла прекраснаго учителя высшаго краснорѣчія и реторики въ іеромонахѣ Мисаилѣ Орловѣ, о которомъ см. у С. К. Смирнова въ цитов. соч. стр. 515. Учебникомъ по этому предмету служили *Буріевы Elementa oratoria*, гдѣ §§ 412—418 посвящены и ученію de usu eloquentiae ecclesiasticae. Кромѣ того къ 1804 году вышло въ свѣтъ и „Руководство къ церковному краснорѣчію“, изданное для той-же цѣли отъ св. Синода.

1802 года Платонъ требовалъ, чтобы учениковъ реторики всего болѣе приучали къ сочиненіямъ: само по себѣ разумѣется, писалъ онъ, что объясненія надлежитъ непрестанными примѣрами утверждать не только учителю въ школѣ при толкованіи, но и ученикамъ задавать, чтобъ они сочиняли по латынѣ и по русски періоды, хриіи и большія рѣчи по правиламъ, и на всякій тропъ и на всякую фигуру имѣли-бы особые образцы. Въ то же время для домашняго чтенія онъ рекомендовалъ имъ: Ciceronis de officiis; de Senectute et amicitia, consolationem, questiones Tusculanos, Cornelium Nepotem, Justinum, Mureti orationes, Facciolati, Paulini, Lactantii opera, epistolas Plinii, Curtii historiam; для російскаго краснорѣчія: проповѣди Теофановы, Димитрія Рѣстовскаго, Гедеоновы, Минятіевы, Платоновы *). А Карамзинъ, въ описаніи своего путешествія въ Лавру въ 1802 году, говоритъ еще къ тому, что въ Лаврской семинаріи онъ встрѣтился съ убѣжденіемъ, что „кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильона. **) Вотъ какую школу проходилъ въ Троицко-Лаврской семинаріи будущій знаменитый проповѣдникъ, Василій Михайловичъ Дроздовъ. При своей похвальной ревности онъ изучалъ прилежно и усвоялъ не только то, что было преподаваемо какъ урокъ, но и что рекомендовано было для домашняго чтенія. Не ограничиваясь тѣмъ, что упомянуто было выше, какъ рекомендованное для выработки дара краснорѣчія, онъ изучаетъ и другихъ ораторовъ русскихъ. Такъ едва вышли въ свѣтъ въ 1802 году (въ концѣ года) „Почительныя слова“ знаменитаго русскаго проповѣдника, архіепископа бѣлорусскаго и могилевскаго *Анастасія Братановскаго*, Дроздовъ приобрѣтаетъ ихъ покупкою въ собственность. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приобрѣтаетъ, покупкою-же, одобренное владыкою сочиненіе о трехъ темпераментахъ (способное, по мнѣнію Дроздова, дать хорошую нравственность),—сочиненія, о которыхъ онъ думалъ еще прежде ***). И по книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ ****), и по примѣрамъ великихъ про-

*) С. К. Смирнова, цитов. соч. стр. 314—315.

**) Сочин. т. V, стр. 307. Срав. С. К. Смирнова, цитов. соч. стр. 483.

***) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 31. Москва, 1882.

****) Стр. 64 и дальн. по 4-му кievскому изданію 1804 года.

повѣдниковъ онъ зналъ, что слово проповѣди тогда только бываетъ убѣдительно, когда ученію проповѣди соотвѣтствуетъ и жизнь проповѣдника. Нравственность В. М. Дроздова не только во весь періодъ ученія, но и во всю остальную жизнь была безукоризненна. Поэтому-то слово его, вытекавшее изъ глубокаго личнаго убѣжденія въ проповѣдуемой истинѣ, и было особенно убѣдительно. Но обратимся къ оставленному нами періоду развитія его проповѣдническаго таланта. Студенты богословія въ Троицкой семинаріи упражняемы были въ проповѣдываніи слова Божія въ классахъ; но лучшіе изъ нихъ назначаемы были къ проповѣдыванію и съ церковной кафедры. Изъ числа этихъ лучшихъ былъ и Дроздовъ. Въ этомъ смыслѣ лаврское семинарское правленіе, апрѣля 14 дня 1802 года, дѣлало митрополиту Платону такой докладъ: „Лаврской семинаріи учителя и нѣкоторые изъ студентовъ богословія сверхъ упражненія классическаго занимаются и проповѣдываніемъ слова Божія, первые въ Троицкомъ соборѣ, а послѣдніе въ трапезной церкви. Но какъ учитель поэзіи Кирилль Рудневъ въ стихарь еще не посвященъ, и изъ студентовъ посвященныхъ недостаточно; то лаврское семинарское правленіе симъ всепочтеннѣйше вашему высокопреосвященству представляетъ, не благоволили какъ онаго учителя Руднева, такъ и троихъ еще изъ студентовъ богословія: Ивана Куняева, *Василія Дроздова* и Семена Некрасова повелѣть представить въ нынѣшній день къ посвященію“. На этомъ докладѣ резолюція митрополита послѣдовала такая: „представить къ посвященію“. *), Чрезъ эго кругъ школы проповѣдничества Дроздова значительно расширился. Упражненія въ составленіи и произношеніи проповѣдей не только въ классѣ, но и въ церкви, уже и сами по себѣ служили большимъ подспорьемъ къ подъему духа и утвержденію силъ юнаго проповѣдника, а не умолкавшій голосъ проповѣди высокаго покровителя и начальника семинаріи—Платона, къ тому-же рано обратившаго милостивое вниманіе свое на Дроздова **), еще болѣе поощрялъ его къ занятію дѣломъ проповѣди,—къ тому, чтобы постепенно болѣе и болѣе интересоваться имъ. Такъ именно, къ на-

*) Дѣла архива Троицко-Лаврской семинаріи за 1802 г. № 64.

**) Для сего см. письма Филарета къ роднымъ, стр. 15, 21 и др.

чалу 1803 г. относится замѣченный нами выше фактъ приобрѣтенія Дроздовымъ поучительныхъ словъ Анастасія Братановскаго. Съ другой стороны, хотя до насъ и не дошло точнаго росписанія проповѣдей для учениковъ богословія въ Троицко-Лаврской семинаріи за разсматриваемое время, однако-же судя по нѣкоторымъ даннѣмъ, упражненія въ составленіи и произнесеніи проповѣдей были довольно часты. Именно, такъ какъ а) въ Троицкой семинаріи наблюдаемо было обыкновеніе, чтобы ученики богословія произносили проповѣди каждый воскресный и праздничный день *) и б) учениковъ богословія въ той-же семинаріи въ 1802—1803 учебномъ году было 20, а въ первой половинѣ 1803—1804 учебнаго года—26 **); то среднимъ числомъ на cadaго изъ учениковъ богословія должно было приходиться не менѣе трехъ проповѣдей въ годъ, помимо власныхъ упражненій въ проповѣдываніи. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли ученическія проповѣди Василя Дроздова. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, уже и тогда видѣнъ былъ талантъ проповѣдническій, такъ прославивившій Дроздова черезъ два съ небольшимъ года по окончаніи курса въ семинаріи. Во всякомъ случаѣ не даромъ, при окончаніи имъ курса въ 1803 году, онъ вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ, Матвѣемъ Знаменскимъ, отъ ректора и главнаго учителя богословія, іеромонаха Евграфъ былъ рекомендованъ въ вѣдомости такъ: „*tum diligentia, tum ingenii acie, tum in aliis litterarum studiis, tum in Poesi maxime facile primi sunt omnium*“; а по поведенію: „*Singulari eminent modestia*“ ***). По греческому-же и еврейскому языкамъ Дроздовъ преимущественно предъ всѣми остальными товарищами своими рекомендованъ былъ такъ: „препохвально успѣваетъ и въ чтеніи и въ сочиненіи“, и „преизрядно успѣваетъ“ ****). Такая рекомендація не могла-бы быть, еслибъ Дроздовъ въ одномъ изъ главныхъ практическихъ занятій богословскаго класса — проповѣдываніи былъ безуспѣшенъ. По силѣ всего этого семинарское правленіе не могло не имѣть Дроз-

*) С. К. Смирнова, цит. соч. стр. 399 и дал.

**.) Дѣла архива Троиц.-Лавр. семинаріи за 1803 г., №№ 31 и 181.

***.) № 31 дѣлъ упомянутаго архива за 1803 г.

****.) № 181 тѣхъ-же дѣлъ.

дова въ виду для занятія учительской должности въ самой семинаріи. А такъ какъ будущій учитель, какой-бы предметъ онъ ни преподавалъ, долженъ былъ, какъ отчасти уже извѣстно намъ, проповѣдывать также и слово Божіе, то, сверхъ испытанія въ предметахъ наукъ семинарскаго курса, Дроздовъ долженъ былъ еще подвергнуться испытанію въ проповѣди, которую и назначено было ему произнести 8-го ноября того-же 1803 года. „Я спѣшу, оканчивая письмо, приняться готовить проповѣдь, которую долженъ говорить 8-е число“, извѣщаетъ онъ родителя своего письмомъ отъ 4-го ноября *). Проповѣдь, безъ сомнѣнія, была также удачна, какъ и экзамены по предметамъ наукъ богословскихъ; но, къ сожалѣнію, также какъ и ученическія его проповѣди, намъ не извѣстна. Между тѣмъ въ ноябрѣ-же случились въ личномъ составѣ учителей семинаріи перемѣны, которыя открыли Дроздову доступъ къ учительству. Учитель высшаго краснорѣчія и реторики въ Московской славяно-греко-латинской академіи, іеромонахъ Симеонъ Крыловъ-Платоновъ ноября 21-го произведенъ въ архимандриты Спасо-Виоанскаго монастыря и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры. На его мѣсто въ академію назначенъ быть учитель высшаго краснорѣчія и реторики Троицкой семинаріи, іеромонахъ Мисаилъ; на мѣсто Мисаила опредѣленъ учитель греческаго и еврейскаго языковъ въ той-же семинаріи Стефанъ Платоновъ; а на мѣсто сего послѣдняго изъ двухъ, представленныхъ семинарскимъ правленіемъ кандидатовъ — студентовъ богословія Василія Дроздова и Матвѣя Знаменскаго, резолюціею митрополита Платона, назначенъ былъ Василій Михайловичъ Дроздовъ. Это назначеніе состоялось 22 ноября того же 1803 года **). „25 представленъ я,—пишетъ Дроздовъ своему родителю, отъ 26 числа того же мѣсяца,—къ

*) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 44.

***) См. № 52 дѣлъ архива Троицко-Лаврской семинаріи за 1803 годъ. Между тѣмъ во всѣхъ печатныхъ экземплярахъ послужнаго списка святителя Филарета его опредѣленіе на учительскую должность значится подъ 21-мъ ноябрѣ. Разница, конечно, не велика; но не должно забывать, что по подлиннымъ документамъ 21 ноября состоялось назначеніе Симеона, Мисаила и Стефана Платонова; назначеніе же Дроздова было послѣдствіемъ этого назначенія и состоялось на другой день, т. е. 22 ноябрѣ.

высокопреосвященнѣйшему, и онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ на греческомъ языкѣ“ *),—также въ видахъ испытанія. И испытаніе, по всей вѣроятности, удовлетворило хорошаго знатока сего языка — митрополита Платона, потому что въ аттестаціи учителя Дроздова за 1803 годъ значится: „по гречески переводить, писать и говорить можетъ совершенно“, каковой аттестаціи не встрѣчается и у старѣйшихъ учителей: ректора Евграфа, префекта Сергія и учителя поэзіи Кирилла Руднева **). Сдѣлавшись учителемъ и по справедливости считая такую перемѣну въ своей судьбѣ знакомъ особаго промышленія о себѣ Божія, какъ и довѣрія со стороны митрополита ***), В. М. Дроздовъ съ юношески благородною ревностію преданъ своему новому служенію, какъ-то мы видимъ изъ его ежемѣсячныхъ донесеній въ правленіе о занятіяхъ его съ учениками въ классѣ. Но уча другихъ, онъ и самъ учился (*docendo discimus*). Ознакомленіе съ языками еврейскимъ и греческимъ служило для В. М. Дроздова новымъ подспорьемъ къ „приготовленію въ немъ богомудраго богослова и церковнаго витія. Преподаваніе двухъ священныхъ языковъ Библии познакомило его съ коренными источниками христіанскаго вѣроученія и съ писаніями богопросвѣщенныхъ отцевъ греческихъ. Творенія св. Григорія Богослова, своимъ глубокомысліемъ особенно соотвѣтствовали направленію его духа и съ такою любовію были имъ изучаемы, что нѣкоторыя стихотворенія Григорія на греческомъ языкѣ сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни“ ****). Кромѣ твореній св. Григорія В. М. Дроздовъ изучалъ и внушалъ ученикамъ своимъ изучать также творенія другихъ отцовъ греческихъ, по преимуществу же творенія величайшаго церковнаго витія,—св. Іоанна Златоустаго, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя изъ его мѣсячныхъ донесе-

*) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 44.

**) См. № 10 дѣлъ архива Троицко-Лаврской семинаріи за 1833 годъ.

***) Это проглядываетъ въ его письмахъ къ родителю, особенно по поводу выраженнаго нѣкоторыми жителями Коломны желанія имѣть его у себя священникомъ (см. стр. 40, 41—42 и др.).

****) Изъ слова ректора Московской духовной академіи, протоіерея А. В. Горскаго, по кончинѣ Филарета, въ „Москов. Вѣдом.“, за 1867 года, № 260.

ній въ правленіе *). А между тѣмъ какъ учитель, онъ и прямо обязанъ былъ проповѣдывать слово Божіе съ церковной каеедры и такимъ образомъ прилагать къ дѣлу свою многостороннюю подготовку къ проповѣдничеству. По росписанію проповѣдей для учителей Троицкой семинаріи на 1803 годъ, сохранившемуся въ дѣлахъ архива означенной семинаріи, на долю учителя греческаго языка въ концѣ сего года приходились слѣдующіе дни: 30-е ноября и 25-е декабря **). Произносилъ-ли новый учитель греческаго и еврейскаго языковъ въ эти дни проповѣди или нѣтъ, этого ни изъ оставшихся до насъ его проповѣдей, ни изъ документовъ помянутаго архива, ни изъ писемъ самого В. М. Дроздова, ни изъ другихъ данныхъ не видно, хотя, какъ мы видѣли раньше, напримѣръ въ письмахъ своихъ, онъ съ заботливостію упоминалъ о проповѣди на 8-е ноября того-же 1803 года и хотя мы имѣемъ письма его и отъ 26 ноября и отъ 2 декабря того-же года. Можетъ быть, по новости своей службы, онъ избавленъ былъ отъ произнесенія обязательной проповѣди, по крайней мѣрѣ на 30-е ноября. По росписанію проповѣдей на слѣдующій 1804 годъ учителю греческаго и еврейскаго языковъ (В. М. Дроздову) назначено было 6 проповѣдей и именно на слѣдующіе дни: 4-е февраля, 9-е мая, 25-е іюня, 12-е сентября, 1-е октября и 24-е ноября ***). Однакожъ и на этотъ годъ произнесенныя имъ проповѣди остаются неизвѣстными намъ. Но то несомнѣнно, что и эти проповѣди были для него болѣе предуготовительною къ славной порѣ проповѣдничества школою, нежели памятниками вполне зрѣлаго проповѣдничества. Да и странно было-бы этого требовать отъ только что начавшаго учительствовать 21—22 лѣтняго проповѣдника. Росписанія проповѣдей на 1805 годъ не сохранилось въ архивѣ Троицкой семинаріи; но по всей вѣроятности, оно было сходно съ росписаніями предшествующихъ лѣтъ и для В. М. Дроздова собственно приложеніе его къ дѣлу служило продолженіемъ школы проповѣдничества, со-

*) См. напр. донесеніе за январь 1805 года, подъ № 38 дѣлъ архива Троицкой семинаріи за этотъ годъ.

***) См. № 5 дѣлъ того-же архива за 1803 годъ.

***) См. № 8 дѣлъ того-же архива за 1804 годъ.

гласно мудрой резолюціи митрополита Платона, данной на росписаніи проповѣдей за 1777 годъ: ректору, префекту и учителямъ говорить каждому не менѣе 6 проповѣдей въ годъ: ибо и дѣло сіе полезное et frequentiori exercitio habitus acquiritur *). Къ тому-же поучительнымъ, живымъ примѣромъ ревности въ проповѣдываніи слова Божія служилъ самъ покровитель и начальникъ семинаріи Платонъ. На этомъ образцовомъ для своего времени проповѣдникѣ сосредоточивалось вниманіе молодаго учителя и проповѣдника,—В. М. Дроздова: изучая его проповѣди со всѣхъ сторонъ, Дроздовъ не переставалъ и самъ учиться въ томъ, что могло служить къ усовершенствованію дара проповѣдничества, къ обогащенію матеріала проповѣди. Въ началѣ 1805 года, извѣщая своего родителя (письмомъ отъ 2 февраля) о посѣщавшихъ владыку тѣлесныхъ недугахъ, Дроздовъ пишетъ: „къ утѣшенію, мы читаемъ его новую проповѣдь на прошедшій новый годъ, присланную намъ отъ него, при концѣ коея замѣчательно смиренное прошеніе прощенія пастыремъ у паствы **). Такъ христіанинъ всегда готовится къ смерти: но она страшится тѣхъ, которые видятъ ее“ ***). Такимъ образомъ, Дроздовъ не просто только читалъ проповѣди Платона, но и углубляясь въ содержаніе ихъ и постановку въ нихъ дѣла, изучая ихъ, перерабатывалъ мысли, въ нихъ содержащіяся, собственнымъ размышленіемъ и извлекалъ изъ нихъ полезные для себя уроки ****). Между тѣмъ съ другой стороны, мало-по-малу нашъ молодой проповѣдникъ знакомился и съ внѣ-семинарскимъ міромъ мысли и жизни, частію при по-

*) С. К. Смирновъ. Исторія Троицко-Лаврской семинаріи, стр. 401.

**) Эту проповѣдь, произнесенную Платономъ 1 января 1805 года въ Чудовомъ монастырѣ, можно читать въ 20-мъ томѣ его сочин., стр. 146—155. А мѣсто въ ней, на которое указываетъ В. М. Дроздовъ, см. на стр. 154—155. Москва, 1806.

***) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 63.

****) Сравн. также письмо, писанное въ первой половинѣ февраля 1804 года: „Нашъ В. П. здравствуетъ. Въ ирэдникъ Срѣтенія онъ служилъ и проповѣдывалъ. Содержаніе слова по большей части было то, что преждевременная смерть есть слѣдствіе разстроенной жизни въ юности, а долголѣтіе—плодъ душевной и тѣлесной умѣренности. Взоръ на него и воспоминаніе числа прожитыхъ имъ лѣтъ были въ умахъ слушателей прекраснымъ доказательствомъ возвѣщаема истины“. См. Письма Филарета къ роднымъ, стр. 47; срав. также стр. 80 въ письмѣ отъ 25 октября 1806 года о проповѣди Платона на 25 сентября того-же года.

средствѣ своихъ-же учителей въ проповѣдничествѣ, изъ которыхъ въ этомъ отношеніи особенно много пользы могъ принести ему Анастасій Братановскій, а частію слѣдя за жизнью общества по сообщеніямъ современной періодической печати и по собственнымъ наблюденіямъ надъ жизнью. Этимъ онъ пріобрѣталъ мало-по-малу новый, весьма важный элементъ для проповѣди — жизненность, современность ея. Этого элемента не лишены самыя первыя дошедшія до насъ проповѣди В. М. Дроздова. Такъ постепенно подготавливался онъ къ проповѣдничеству въ собственномъ смыслѣ слова; такъ постепенно выработывался проповѣдническій талантъ его, особенно ярко проявившій въ началѣ 1806 года, въ проповѣди, произнесенной 12 января сего года—въ день воспоминанія освобожденія Лавры отъ поляковъ въ 1610 году. Проповѣдь эта, по оффиціальному ея значенію, была не болѣе какъ заурядною, приготовленною по долгу учительства; но по внутреннимъ своимъ достоинствамъ она далеко выходила изъ ряда обыкновенныхъ. Самъ Платонъ,—этотъ знаменитый и опытный проповѣдникъ, извѣстный не только въ Россіи, но и за границами ея, — прочитавъ проповѣдь Дроздова, удивился таланту проповѣдника и отъ 4 марта писалъ викарію своему Августину: „а у меня проявился отличнѣйшій проповѣдникъ, учитель Дроздовъ. Я сообщу его проповѣдь,—и удивитесь“ *). Кромѣ того Платонъ и другимъ неоднократно читалъ эту проповѣдь, по свидѣтельству біографа его, *И. М. Снегирева* **), какъ достойную общаго вниманія и удивленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по сему онъ одобрилъ эту проповѣдь къ напечатанію ***). Что-же однако было собеннаго въ этой проповѣди? Проповѣдь—или, какъ гласитъ полное заглавіе ея: „Слово на день торжества освобожденіа“

*) Письма м. Платона къ Августину, съ примѣчаніями *С. К. Смирнова*, изд. редакцію „Православнаго Обозрѣнія“, стр. 119.

***) *Снегиревъ*. Жвзнь митрополита Платона. Ч. I, стр. 62. Москва, 1856.

***) Она напечатана вмѣстѣ съ другою проповѣдію В. М. Дроздова въ Великой Пятокъ и нѣкоторыми ораторскими произведеніями ректора семинаріи Евграфа въ отдѣльной брошюрѣ, съ такимъ надписаніемъ м. Платона на оборотѣ заглавнаго листа: „я сіи сочиненія читалъ, и ничего въ нихъ не нахожу къ печатанію сомнительнаго. Платонъ м. московскій“. Напечатаніе совершилось въ томъ-же 1806 году. Затѣмъ проповѣдь эта вошла въ составъ сочиненій Филарета т. I стр. 117—121. Москва. 1873 года.

нія обители преподобнаго Сергія отъ нашествія враговъ, говоренное въ Троицкой лаврѣ 1806 года, января 12 дня Троицкой семинаріи греческаго и еврейскаго языковъ учителемъ Василиемъ Дроздовымъ“,—въ основаніи своемъ не имѣетъ текста библейскаго; она предваряется обычнымъ при началѣ каждой церковной проповѣди изреченіемъ: *Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*. Самое торжество дня должно было дать предметъ для проповѣди, указать тему для нея. И проповѣдникъ не заставилъ своихъ слушателей долго ждать указанія на то, о чемъ именно хотѣлъ онъ бесѣдовать съ ними. Искусно составленнымъ вступленіемъ онъ уже приблизилъ ихъ къ предмету своего слова. „Было время“, — такъ начинается онъ это слово,—„простите мнѣ, что я отъ свѣтлаго торжества облеченной славою Россіи бросаю взоръ на мрачныя виды Россіи страждущей: тѣнь возвышаетъ красоту свѣта — было несчастное время, когда отечество наше, терзаемое иноплеменными, преданное недостойными сынами, готовилось испустить послѣднее дыханіе. Часть вѣрныхъ ему и Богу, бѣжавшихъ отъ опустошенныхъ градовъ и селъ, сокрывалась тогда въ сей оградѣ, и враги, которые, казалось, клялись не падить ничего священнаго, истощили противъ нее всѣ усилія злобы своей“.

„Ужасное состояніе! Два ненасытимыя чудовища, война и моръ, споря о добычѣ, соглашаются въ лютости, съ которою хотятъ поглотить сію обитель. Смерть за стѣнами, смерть въ стѣнахъ; смерть носится въ воздухѣ, смерть крадется подземными стезями. Убийственныя орудія досягаютъ самаго сего святилища *), и святыя Божіи пріемлютъ раны въ своихъ изображеніяхъ **). Мышцы, способныя обращать мечъ, оскудѣваютъ; едва остается нѣсколько слабыхъ рукъ для воздѣянія ко гнѣвнымъ небесамъ“.

„Наконецъ, когда сирья чада отечества слезящими глазами увидѣли, колико суетно спасеніе человѣческое; когда все коле-

*) Слово произнесено было въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры, въ которомъ и до сихъ поръ сохраняются знаки отъ дѣйствія орудій непріятельскихъ войскъ въ войну 1608—1610 гг.

**) Такъ именно пробиты были иконы Архангела Михаила въ алтарѣ и св. Николая чудотворца въ полуденной части Троицкаго собора. См. историч. опис. Серг. Лавры, стр. 105. Москва, 1873.

балось, кромѣ упованія на Вышнюю помощь; когда почти не было уже другихъ оружій, кромѣ вѣры и молитвы, Господь силъ вѣнчалъ насъ оружіемъ благоволенія, и отчаяніе, не нашедъ мѣста между памятниками благочестія, устремилось въ полчища злодѣевъ *). Слава вамъ, насадители сего вертограда, возрастившаго лавры и оливы“—взываетъ ораторъ, оканчивая вступленіе и дѣлая переходъ къ темѣ проповѣди,—„слава вамъ, безплотные вожди безоружныхъ воиновъ,—преподобніи отцы, Сергіе и Никоне, основатели и покровители сея обители!—Слава тебѣ, беззащитная защита бѣдствующаго царства! Торжествуй нынѣ избавленіе свое, и со всею побѣдоносною отселѣ Россією, въ подражаніе побѣдоносной Церкви, исповѣдай, яко *сія есть побѣда, побѣдившая міръ и міръ намъ приобрѣтшая—вѣра во Всеблагаго и упованіе на Всемогущаго (1 Іоан. 5,4). **). Твердость въ вѣрѣ и благочестіи, сл.!* есть и всегда первымъ основаніемъ и единственнымъ залогомъ благоденствія общественнаго.“

Тема, предложеніе или предметъ проповѣди ясно указаны и опредѣлительно выражены. Далѣе слѣдуетъ изложеніе или изслѣдованіе—главнѣйшая часть проповѣди. Такъ называемаго раздѣленія не требовалось уже потому, что части изслѣдованія намѣчались въ самомъ предложеніи, или темѣ. „Твердость въ вѣрѣ есть всегда первымъ основаніемъ благоденствія общественнаго“ съ одной и (твердость) въ „благочестіи“ (или, какъ ораторъ далѣе и самъ выражается, въ „добродѣтели, вѣрою въ Бога подкрѣпляемой“) есть „единственнымъ залогомъ“ того же благоденствія—съ другой стороны: вотъ двѣ главныя части, имѣющія и тѣсное внутреннее отношеніе, и ясное различіе между собою, а потому представляющія скорѣе двѣ стороны одной и той-же истины, одного и того-же предмета, которыя избираются темою для изслѣдованія. Самое изслѣдованіе, какъ и надобно было ожидать, содержитъ въ себѣ изложеніе доводовъ или доказательствъ въ пользу указанной темою истины,

*) 12 января 1610 года поляки обратились въ бѣгство, послѣ 16-мѣсячной безуспѣшной осады Лавры и послѣ неудачныхъ стычекъ съ подоспѣвшими на помощь осажденнымъ правительственными войсками. См. тамъ-же стр. 114.

**) Ошибка въ цитатѣ (1 Іоан. 4,4), допущенная въ первомъ печатномъ изданіи проповѣди (1806 г.), повторена и въ изданіи 1873 года. Нами она исправляется.

какъ прямыхъ, положительныхъ, такъ и непрямыхъ доказательствъ отъ противнаго (e contrario), согласно правиламъ ораторства. Анализъ и синтезъ, при этомъ изложеніи, соединяются вмѣстѣ, чтобы привести слушателей проповѣди къ признацію этой истины. Изслѣдованіе начинается (аналитически) опроверженіемъ ложныхъ, подъ вліяніемъ французскаго вольнодумства, сильно распространившихся и въ нашемъ тогдашнемъ обществѣ, понятій о томъ, что служитъ или должно служить первымъ основаніемъ общежитія,— чтобы чрезъ такое опроверженіе придти къ указанію и утвержденію истиннаго о томъ понятія.

„Полагать началомъ общежитія“,—говоритъ ораторъ, — „одну только нужду взаимнаго вспомошествованія, а причиною распространенія его право сильнѣйшаго—есть представлять общество союзомъ кровожаждущихъ тигровъ и жалкихъ агнцевъ. Сіе есть родъ безбожія, отъемлющаго у Вседержителя великую область безпредѣльнаго владычества Его. Думать, что множество различныхъ волей само собою соединилось въ одну; что изъ безчисленныхъ частныхъ выгодъ случайно составила польза общая—значитъ производить все твореніе изъ нечаяннаго стеченія пылинокъ. Да не прельщаетъ насъ обманчивое суемудріе: Богъ столько-же есть Творецъ собраннаго во едино и пріавшаго политическое образованіе, сколько нравственнаго и естественнаго міра.“ И эту основную, положительную истину ораторъ утверждаетъ теперь на положительныхъ-же данныхъ.

„Отъ одной и той же мудрости,“—говоритъ онъ,—„которая вдунула въ перстный истуканъ дыханіе жизни, исходитъ духъ благоустройства одушевить колоссальное тѣло государства. Тоже могущество, которое водить звѣзды въ кругахъ, имъ предписанныхъ, возводитъ царей на высоту славы и величія. Одинъ промыслъ назираетъ червей, пресмыкающихся во прахѣ, и бдитъ надъ движеніями волнующихся народовъ. Благость, дающая пищу всякой плоти, питаетъ и возвращаетъ ихъ миромъ и тишиною. Вѣсы нелицепріятнаго правосудія, на коихъ опредѣляется истинная цѣна мыслей и дѣяній человѣческихъ, не отягчаются извѣшивать царства и имперіи. Благо добрымъ, зло злымъ: сей вѣчный законъ неизгладимо написанъ въ книгѣ совѣсти нашей и во внутреннемъ составѣ всѣхъ обществъ. Его

вліяніе не менѣе простирается на всѣхъ вообще, какъ и на каждаго въ особенности." Утвердивъ такимъ образомъ одну сторону истины, заключающейся въ томъ, витія утверждаетъ теперь другую сторону той же истины и, по прежнему аналитически, самое положительное выраженіе истины приберегая къ концу. „Благоденствіе общества," — говоритъ онъ, — „не можетъ существовать безъ строгаго исполненія должностей, возлагаемыхъ имъ на своихъ членовъ, и безъ ревностнаго ихъ содѣйствія благу цѣлаго. Трудности, которыя встрѣчаются при исполненіи сихъ обязанностей, опасности, которыя бывають иногда съ нимъ сопряжены, личная польза, которою должно часто жертвовать ему, все сіе заставляетъ искать сильнѣйшихъ, дѣйствительнѣйшихъ побужденій къ храненію вѣрности. Сіи побужденія находятся только въ добродѣтели, вѣрою въ Бога подкрѣпляемой. Честь, предположенная единственнымъ концемъ услугъ, оказанныхъ обществу, производитъ подлыхъ самолюбцевъ; награжденія, принятая за основаніе вѣрности, даютъ ему наемниковъ; страхъ дѣлаетъ рабовъ, которые алчуть собственной выгоды на счетъ общій. Дщерь Вышняго!" — дѣлаетъ ораторъ обращеніе къ добродѣтели, — „ты лучшая мать сыновъ, ты мать отцевъ отечества, которые служатъ ему за совѣсть, благотворятъ изъ послушанія къ небесному Отцу, изъ любви ко всѣмъ во Искупителѣ братіямъ". Выказавъ эту истину, ораторъ подтверждаетъ ее и опытыми доказательствами. „Съ какою осторожностію владыки, обладаемые благочестіемъ, употребляютъ власть свою, почитая себя тою первыми рабами предъ лицомъ общаго Владыки! Какъ щадятъ они кровь подданныхъ, коея каждая капля, невинно пролитая, трогаетъ ихъ душу! Съ какимъ тогда благоговѣніемъ правимые усматриваютъ въ своихъ правителяхъ освященный образъ Правителя міровъ! Съ какою неусыпною заботливостію испытуетъ истину судія, увѣренный, что рано или поздно гласъ ея услышится предъ судилищемъ вѣчныя Правды, и громомъ отдастся въ сердцахъ глухихъ для ней аспидовъ! Какою исполинскою вѣрностію наполняется воинъ, который болѣе помышляетъ о нетлѣнныхъ, нежели о увядающихъ вѣнцахъ, и надѣется подвигомъ въ юдоли смерти восхитить безсмертіе! Съ какою безопасностію каж-

дый въ состояніи своемъ, какъ Израиль во дни Соломона, подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею покоится, когда страхъ Божій, или паче любовь, отъ престола до хижины, все покрывая своею кроткою сѣвнью, изгоняетъ всѣ ужасы преступленій!“— Но и самъ, не упуская изъ виду единства обѣихъ сторонъ проповѣдуемой истины и желая дать слушателямъ понять связь благочестія или добродѣтели съ вѣрою и уразумѣть, что только въ союзѣ между собою онѣ служатъ первымъ основаніемъ и единственнымъ залогомъ благоденствія общественнаго, ораторъ присоединяетъ: „Что здѣсь могутъ надменные враги? Они сильны: но чего не одолѣютъ имѣющіе Всесильнаго своимъ поборникомъ? Они многочисленны: но чего не сотворить въ поруганіе гордыни Тотъ, Коего волею и плоды многочадствуютъ; Который и бездѣтнаго старца возвращаетъ *въ языкъ велиій?*“— И теперь-то, указавъ въ обѣихъ сторонахъ темы одну глубокую истину, витія запечатлѣваетъ эту истину словами вѣчной Истины—откровения Божественнаго, дѣлая весьма искусный подборъ текстовъ Св. Писанія. „Такъ, Великій Боже! Ты речеши на языкъ и царство да возсозиждеша и насадилши я: (Іер. 18, 9) и глаголь Твой не возвратится къ Тебѣ мощь (Иса. 55, 11). Тобою царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду (Притч. 8, 15). Ты изыдеши въ силахъ нашихъ и надетъ отъ страны нашея тысяща и тѣма, къ намъ-же не приблизится (Псал. 90, 7) И сіе тогда, когда яко очи рабъ въ руку господій своихъ, тако они нами къ Тебѣ Господу Богу нашему (Псал. 122, 2). Но когда возмутившіеся языцы разторгають узы повиновенія Тебѣ, и отвергають отъ себя иго Твое, Ты насеши я жезломъ жельзнымъ, яко сосуды скудельничши сокрушаеши я (Псал. 2, 9). Они забываютъ Тебя—и отверающа Тебѣ лице, мятутся, исчезаютъ, и въ персть свою возвращаются (Пс. 103, 29).“ Казалось-бы, этимъ нужно было и покончить изслѣдованіе: истина главной мысли утверждена не только разумными соображеніями и доводами, но и доказательствами изъ главнаго источника истины—слова Божія. Однако ораторъ этого не сдѣлалъ. Не смотря на молодость свою, онъ зналъ, что возможны и существуютъ вообще и въ частности распространены въ русскомъ обществѣ различныя возраженія противъ

утверждаемой имъ истины. И онъ счелъ нужнымъ теперь рѣшить и опровергнуть эти возраженія. Съ силою глубокаго убѣжденія, съ вдохновенною энергіею крѣпко вѣрующаго, льются потоки краснорѣчія молодаго проповѣдника при этомъ рѣшеніи и опроверженіи возраженій. И здѣсь однако, какъ прежде, ораторъ не выходитъ изъ предѣловъ предположеннаго темою проповѣди, не упускаетъ изъ вниманія соотвѣтствіе частей цѣлому и не забываетъ повода къ произнесенію своего слова. „Напрасно говорятъ“,—читаемъ у него,—„что тѣло общества подвержено такому-же разрушенію, какъ тѣло животныхъ; что паденіе государствъ есть только слѣдствіе состава ихъ. Можно, безъ присвоенія высокаго дара пророчества, сказать съ пророкомъ каждому Іерусалиму, оставившему Бога своего: *накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя* (Іерем. 2, 19). Для совершенія сего предсказанія не всегда требуется сверхъестественная мечь: стрѣлы нечестія, пущенныя на небо, медленно или скоро собственною тяжестью низвергаются порази́ть развращенныхъ народовъ. Религія въ обществѣ есть пружина, по ослабленіи коей всѣ дѣйствія махины приходятъ часъ отъ-часу въ большій безпорядокъ. По испроверженіи сего оплота потокъ беззаконія не находитъ никакой преграды, и всюду разноситъ бѣдствія и оцустошенія“.

„Кому не измѣнять измѣнники Божества? Кого послушаютъ не внемлющіе гласу разсудка и природы? Какихъ казней устраташатся союзники ада? Есть-ли благое что вѣры, успокоивающее совѣсть, облегчающее тягчайшія прискорбія, воображаютъ несноснымъ или бесполезнымъ; то какое бремя должности покажется пріятнымъ и священнымъ? Что-же тогда будутъ законы?—паутина, уловляющая слабыхъ. Что правосудіе?—искусство запутывать истину и разсѣкать узлы ея золотомъ; пятава?—звукъ, біющій воздухъ и служащій для успокоенія легкомысленныхъ дѣтей; самая добродѣтель?—прекрасное имя, которое столь часто будетъ переходить изъ устъ въ уста, что никогда не будетъ касаться сердца; мужество?—слѣпое неистовство, кипящее Фараоновымъ жаромъ и его угашающее въ пучинѣ отчаянія. Если среди сего замѣшательства внѣшній врагъ пожелаетъ дополнить собою число домашнихъ враговъ

несчастнаго общества, и оно не прибѣгнетъ паки къ помощи, низпосылаемой свыше благочестію: сего довольно для его гибели!“ — Съ этимъ искусно связуется у оратора заключительная часть слова: примѣненіе или приложеніе раскрытаго въ словѣ къ слушателямъ. „О, да не осуществится,“ — взываетъ онъ: „вѣчно начертаніе сіе въ тебѣ, любезное отечество! Да царствуетъ въ тебѣ всегда вѣра: сіе едино есть на потребу для продолженія того благоденствія, которымъ ты наслаждаешься подъ скипетромъ благочестивѣйшаго Монарха. Наша польза, сл.! насъ да научитъ сохранять вѣру, какъ драгоценнѣйшій залогъ благаго неба; или еслии прошедшее несчастіе есть убѣдительнѣйшій наставникъ, настоящее торжество, торжество незабвенное, доколѣ не угаснетъ любовь къ отечеству, его произведшая при каждомъ возвращеніи своемъ да повторяетъ намъ оный полезный урокъ. Аминь.“

Нравоученіе полно, краснорѣчиво и убѣдительно; рѣчь исполнена горячаго патріотизма; главная мысль проповѣди исходитъ отъ воспоминанія торжества освобожденія Лавры и къ нему возвращается, какъ дающему полезный урокъ, раскрытый въ проповѣди. Даже въ отношеніи къ стилю слово молодаго проповѣдника нисколько не уступаетъ словамъ опытнѣйшихъ изъ современныхъ ему проповѣдниковъ, хотя на немъ отчасти и отражаются слѣды латинскаго склада рѣчи, господствовавшаго въ тогдашнемъ духовномъ образованіи: мы разумѣемъ такіе напримѣръ обороты рѣчи, какъ: „твердость въ вѣрѣ... есть первымъ основаніемъ“ и пр., или: „полагать началомъ общезитія... есть представлять“ и пр. Но не забудемъ, что это писано было въ 1806 году, когда языкъ нашъ еще не былъ вполне выработаннымъ, когда еще шла литературная борьба между защитниками и противниками такъ называемаго стараго и новаго русскаго слога (Шиховъ и Карамзинъ), когда латынь была господствующею въ духовныхъ школахъ, когда еще не было и порядочныхъ руководствъ къ церковному краснорѣчію. Но и при всемъ томъ, какъ можно видѣть изъ вышеприведеннаго текста проповѣди, она читается легко; а глубина и вмѣстѣ обиліе мыслей, умѣнье выразить мысль соответствующимъ ей словомъ, богатство об-

разовъ, искусное употребленіе ораторскихъ приемовъ и проч. дѣйствительно и по справедливости вызываютъ удивленіе, особенно если припомнить, что составилъ и произносилъ эту проповѣдь 23-лѣтній ораторъ. Не диво поэтому, что и такой опытный и маститый витія, какъ митрополитъ Платонъ, обратилъ на нее особенное вниманіе, прозирая въ проповѣдникѣ необмысленный даръ проповѣдничества. Бывъ всегдашнимъ покровителемъ талантовъ, съ отеческою нѣжностію и мудрою предусмотрительностію наблюдавшимъ и поощрявшимъ ихъ, Платонъ и въ настоящемъ случаѣ обратилъ милостивый, отечески-попечительный взоръ свой на проповѣдника: онъ подарилъ ему экземпляръ только что вышедшей тогда изъ печати „Церковной Исторіи“ своей, на которомъ написалъ: „Господину Дроздову—отличному проповѣднику“ *). Извѣщая о томъ родителя своего, Дроздовъ скромно пишетъ: „подарокъ полученъ по случаю проповѣди, которая, неизвѣстно почему, была потребована и принята благосклонно **). Но Платонъ конечно зналъ, чего и почему требовалъ. Орлинымъ взоромъ своимъ онъ видѣлъ въ глубинѣ души молодаго проповѣдника драгоценное сокровище—задатки великаго проповѣдническаго таланта. Чувствуя свои старческія немощи, ожидая съ году на годъ кончины своей, онъ какъ-бы повсюду искалъ человѣка или людей, которымъ-бы могъ завѣщать свое достояніе—свой проповѣдническій даръ. Уже воспиталъ онъ, такъ сказать, Серапіона, митрополита кіевскаго, Серафима, епископа смоленскаго (въ послѣдствіи митрополита московскаго и затѣмъ новгородскаго), Августина, епископа дмитровскаго и др. Но первые два не были сильными проповѣдниками. Августинъ въ то время также болѣе обнаруживалъ административныя способности, нежели проповѣдническій талантъ, ярче обнаружившійся лишь позднѣе: послѣ Тильзитскаго мира (во 2-й половинѣ 1806 года) и особенно въ отечественную войну 1812 года и далѣе. Естественно поэтому, что первою мыслию Платона въ настоящемъ случаѣ было убѣдить Дроздова принять

*) *Н. В. Сушковъ*. Записки о жизни и времени Филарета, стр. 37. Срав. письма Платона къ Августину, стр. 116 цитов. изд.

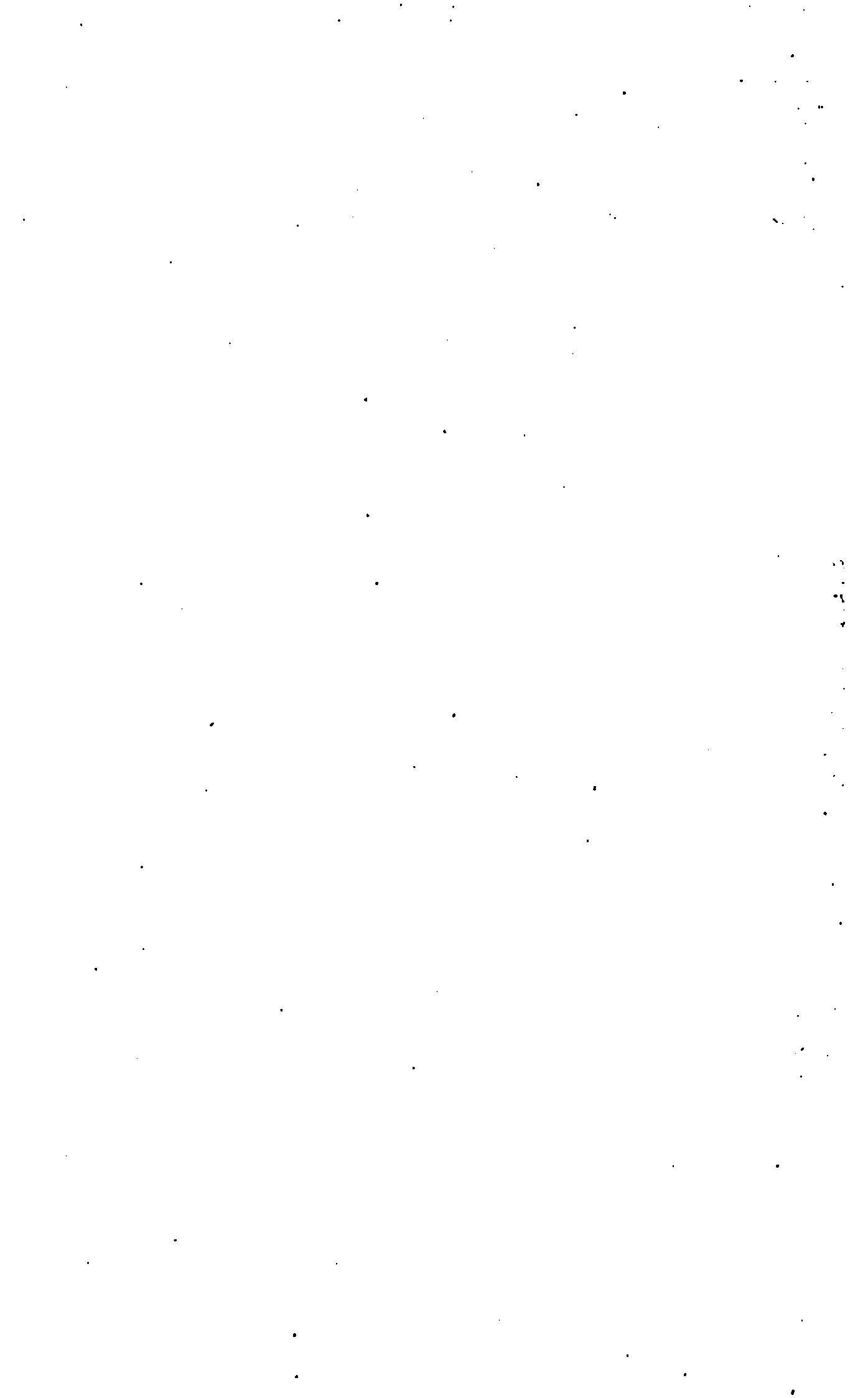
**) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 73. Письмо отъ 16 февраля того-же 1806 г.

монашество, какъ путь, наиболѣе удобный къ достиженію полнаго преемства Платону въ будущемъ *). Къ тому-же онъ, безъ сомнѣнія, не изъ однихъ только семинарскихъ вѣдомостей зналъ и о нравственномъ характерѣ, и образѣ жизни Дроздова. Въ виду всего этого онъ вскорѣ-же послѣ проповѣди Дроздова (12 января 1806 года) сталъ совѣтовать ему вступить въ монашество.

Ц. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ)

*) Что Платонъ и дѣйствительно намѣтилъ въ Дроздовѣ будущаго себя преемника, объ этомъ свидѣлствуютъ собранныя біографомъ перваго *И. М. Снегиревымъ* и не опровергнутыя жившимъ въ то время Филаретомъ преданія. „Когда открылось въ Коломиѣ священническое мѣсто“,—пишетъ Снегиревъ, — „тогда прихожане просили Платона дать имъ въ священники Дроздова, бывшаго учителемъ въ семинаріи. Платонъ на это сказалъ имъ: дамъ я вамъ его! я его берегу на свое мѣсто“. *С. Снегиревъ: Жизнь митрополита Платона. Ч. I, стр. 62. Москва 1856 г.* Въ другой разъ, „послѣ прогулки на Корбухѣ, Платонъ, садясь въ карету, мимо другихъ его провожавшихъ, подавъ руку свою Дроздову, съ словами: „ты меня одинъ поддержишь“ (Тамъ-же). Срав. также *Н. В. Сушкова, цитов. соч. стр. 36—37.* Въ отношеніи собственно къ проповѣдничеству не безъ значенія въ настоящемъ случаѣ то обстоятельство, что какъ только увидѣлъ Платонъ въ Дроздовѣ отличнаго проповѣдника, такъ и пересталъ проповѣдывать. Проповѣдь на новый 1807 годъ была послѣднею его проповѣдію. См. заключеніе ея въ 20 томѣ проповѣдей Платона, стр. 453—454. Москва, 1806.

ВОЗМОЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

Въ другихъ наукахъ вопросъ, подобный выставленному нами, показался бы въ высшей степени страннымъ. Никто не станетъ спрашивать: возможна-ли физика, исторія, геометрія и т. п. А если бы кто-нибудь вздумалъ предложить подобный вопросъ, тому легко отвѣтили бы простымъ указаніемъ на самый фактъ существованія той или другой науки. Но иное дѣло въ философіи. Въ сравненіи съ другими науками она представляетъ ту странную особенность, что не смотря на измѣряемый тысячами ея возрастъ и на сравнительную молодость другихъ наукъ, простой фактъ ея существованія многимъ не кажется достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ ея возможности. Во всѣ времена существованія этой науки были люди, и притомъ не только чуждые ей, но и мыслители, сами считавшіеся въ ряду замѣчательныхъ философовъ, которые отвергали возможность философіи какъ науки, способной дать положительныя отвѣты на свои существенныя вопросы. Такъ, во всѣ почти эпохи нашей науки мы встрѣчаемъ скептиковъ, которые сомнѣвались въ достовѣрности знанія вообще, философскаго въ особенности. Такъ въ наше время мы видимъ, съ одной стороны, позитивистовъ, рѣшительно отрицающихъ возможность философскаго познанія и ограничивающихъ область познаваемого одними эмпирическими явленіями, съ другой, послѣдователей критической философіи Канта, которые, отвергая вообще возможность познанія вещей самихъ по себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаютъ и все содержаніе такъ называемой метафизики, — той части философіи, которая касается самыхъ коренныхъ и существенныхъ вопросовъ философскаго познанія, — о Богѣ, мірѣ, душѣ человѣка.

Но не одни сомнѣнія относительно состоятельности философіи въ рѣшеніи своихъ проблемъ требуютъ разъясненія вопроса о возможности философіи. Этотъ вопросъ вызывается на очередь и даннымъ нами повятіемъ о содержаніи нашей науки. Мы очертили для философіи содержаніе, чрезвычайно обширное и глубокое по значенію вопросовъ, которыми она должна заниматься; она должна представить намъ идеальную сторону всего существующаго, весь идеальный міръ въ его гармонической стройности и единствѣ. Но по силамъ-ли эта задача человѣческому уму? Такой вопросъ невольно возникаетъ въ насъ, когда вспомнимъ, что на одномъ полюсѣ этого идеальнаго міра стоитъ абсолютное Начало бытія, по самому понятію своему недоступное во всей полнотѣ своего бытія и совершенствѣ ограниченному уму и знанію; на другомъ полюсѣ—безконечное разнообразіе явленій дѣйствительности, по отношенію къ которымъ, какъ высшее идеальное требованіе отъ философіи, мы выставили однакоже объясненіе ихъ съ философской точки зрѣнія, такъ какъ ничему реально существующему не чуждъ идеальный элементъ; все имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе въ общемъ строѣ бытія. Но назвавъ подобное требованіе *prim desiderium* нашей науки, едва-ли вполнѣ осуществимымъ при ограниченности человѣческаго ума, мы тѣмъ самымъ не возбуждали-ли и сомнѣній въ возможности философіи? *)

Эти сомнѣнія ближайшимъ образомъ возбуждались и возбуждаются общимъ взглядомъ на историческія судьбы философіи. Самый обычный, отъ временъ древнихъ скептиковъ и до настоящаго времени, приемъ для отрицанія возможности философіи состоитъ въ указаніи на разногласіе и борьбу философскихъ ученій и на бесплодность этой борьбы для достиженія цѣлей философіи. Не только противники философіи, но и друзья ея часто не жалѣли ни самыхъ мрачныхъ красокъ, ни самой ядовитой ироніи, чтобы изобразить все ея ничтожество. **)

*) См. статью: „Что такое философія“?

**) „Нѣтъ такой нелѣпости, говоритъ Монтанъ которой не сказалъ-бы какой-нибудь философъ. Ни одинъ философъ не согласенъ съ другимъ; послушать ихъ порознь, то какъ будто можно довѣрять каждому изъ нихъ; но мнѣніе одного испровергаетъ ученіе другаго“. (J. V. Meyer. Philos. Zeitfragen. 1874, 438). Вотъ мнѣніе о философіи Руссо, которое онъ влагаетъ въ уста Савойскаго викарія, въ

Вся исторія философіи для нихъ представлялась какою-то тканью Пенелопы, въ которой чуть не на другой день распускается то, что выткано сегодня, съ тѣмъ, чтобы опять повторять ту же бесплодную работу. Борьба и ожесточеніе философскихъ партій, говорятъ, таковы, какихъ не представляетъ намъ исторія другихъ наукъ. И какіе-же результаты этой борьбы? Въ теченіе тысячелѣтій философія не успѣла выработать никакихъ прочныхъ и безспорныхъ истинъ, тогда какъ другія науки представляютъ намъ и несомнѣнную твердость своихъ началъ, и несомнѣнный прогрессъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Этотъ пріемъ съ одинаковою охотою и одинаковою, повидимому, уда-

своємъ „Эмилѣ“: „я совѣтовался съ философами, перечитывалъ ихъ книги, изслѣдовалъ ихъ различныя мнѣнія; всѣхъ ихъ я нашелъ гордыми, рѣшительными въ своихъ утвержденіяхъ, догматическими даже въ ихъ мнимомъ скептицизмѣ; они все знаютъ, ничего не доказываютъ, смѣются одни надъ другими,—и это, кажется мнѣ, есть единственный пунктъ, въ которомъ всѣ они согласны и всѣ правы. Они побѣдоносны, когда нападаютъ, бессильны, когда защищаются. Если вы станете оцѣнивать ихъ доказательства, окажется, что они имѣютъ силу только для разрушенія чужаго мнѣнія; если вы станете считать голоса, окажется, что каждый имѣетъ въ свою пользу только одинъ свой. Они соглашаются только для того, чтобы оспаривать другихъ; слушать ихъ, чтобы узнать что-либо достовѣрное —напрасный трудъ. Я понялъ, что слабость и недостаточность человѣческаго ума есть первая причина этого чудовишнаго разпогласія мнѣній, а гордость—вторая“ (Liebmann, Zur Analysis d. Wirklichkeit, p. 9). Шопенгауеръ съ завистью смотритъ на преимущество въ этомъ отношеніи поэтическихъ произведеній предъ философскими. „Всѣ созданія поэзіи могутъ существовать одно подлѣ другаго, не мѣшая другъ другу; даже самыми разнородными между ними можетъ наслаждаться одинъ и тотъ-же умъ и одинаково цѣнить ихъ. Между тѣмъ, каждая философская система, не успѣетъ она появиться на свѣтъ, какъ уже замышляетъ о гибели всѣхъ своихъ братьевъ, подобно азіатскому султану при восшествіи на престолъ. Какъ въ пчелиномъ ульѣ можетъ быть только одна царица, такъ на очереди дня—только одна философія. Системы по своей необщительной натурѣ, именно, похожи на пауковъ, изъ которыхъ каждый слидитъ въ своей паутинѣ и только высматриваетъ, много-ли мухъ въ нее попадется, но къ другому пауку приближается лишь затѣмъ, чтобы тотъ-часъ вступить съ нимъ въ борьбу. Тогда какъ поэтическія произведенія мирно пасутся одно подлѣ другаго подобно овецкамъ, философскія системы—это урожденные хищные звѣри, въ ихъ стремленіи уничтожать похожіе на скорпіоновъ, пауковъ и нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, неистовство которыхъ направлено преимущественно на животныхъ одной съ собою породы. Они являются на свѣтъ подобно закованннымъ въ латы мужамъ изъ посѣва драконовыхъ зубовъ Язона и до сихъ поръ, какъ и они, всѣ взаимно успѣли истребить другъ друга. Эта борьба продолжается уже двѣ тысячи лѣтъ; окончится-ли когда-нибудь она рѣшительною побѣдою и прочнымъ миромъ?“. (Parerga und Paralip. Bd. 2 c. 1, § 4).

чею употребляется противъ философіи врагами совершенно противоположныхъ лагерей, ревнителями религіи съ одной, ревнителями эмпирическаго знанія—съ другой стороны. Разница въ томъ, что для невыгоднаго для нашей науки контраста первые указываютъ преимущественно на твердость и несомнѣнность религіозныхъ истинъ, послѣдніе—на блестящій прогрессъ въ области естествознанія.

Что касается до борьбы мнѣній, разрушенія въ философіи однѣхъ системъ и появленія другихъ, повидимому, обреченныхъ на ту-же участь, то это явленіе есть такое общее свойство ограниченнаго человѣческаго познанія, что выводить отсюда какіе-нибудь результаты, въ особенности неблагопріятные для знанія философскаго, было бы, очевидно, несправедливо. Не говоримъ о религіи, вся исторія которой представляетъ борьбу и смѣну различныхъ религіозныхъ міросозерцаній и мнѣній, едва-ли меньшую, чѣмъ въ философіи, причемъ однако-же эта борьба нисколько не говоритъ ни противъ возможности истинной религіи, ни противъ даже относительнаго значенія каждой, не безъ борьбы смѣнявшейся ложной религіи, въ дѣлѣ развитія религіознаго сознанія вообще. И въ области, такъ называемыхъ, положительныхъ наукъ, развѣ истина открывалась и утверждалась когда-нибудь вдругъ и сразу? Развѣ не упорною борьбою мнѣній и не долговременнымъ трудомъ вырабатывались самыя простыя и теперь, повидимому, столь очевидныя истины науки? Давно-ли и естественныя науки выбрались на прямой путь изъ области предрасудковъ и произвольныхъ гипотезъ? Да и теперь, уже-ли наука о природѣ сказала свое послѣднее слово, и всѣ ея гипотезы не допускаютъ уже дальнѣйшей критики и замѣны новыми? Если отъ области знанія обратимся къ дѣйствительной жизни человѣчества, то и здѣсь не увидимъ ли мы того-же явленія постоянной смѣны общественныхъ учрежденій, правовъ, обычаевъ, юридическихъ установленій, законовъ? Не встрѣтимъ-ли мы и здѣсь разрушительной борьбы, не мирной борьбы философскихъ мнѣній и школъ, но борьбы кровавой, въ которой гибнутъ не мысли и системы, но часто цѣлыя поколѣнія и народы? Слѣдуетъ-ли отсюда, что мы должны усумниться въ смыслѣ и разумномъ ходѣ исторіи и, огра-

ничившись положеніемъ скептика, равнодушно смотрѣть на движеніе жизни и отказаться отъ всякаго участія въ ней, въ той печальной увѣренности, что человѣку не суждено достигнуть ничего прочнаго и хорошаго, что всѣ социальныя стремленія его напрасны и обманчивы? Даже въ области природы, гдѣ нѣтъ закона свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности заблужденія, не замѣчаемъ-ли мы того явленія, что высшая степень развитія достигается антагонизмомъ силъ и уничтоженіемъ нисшей? „И въ природѣ“, говоритъ Гегель, „исчезаетъ почка при раскрытіи цвѣтка и можно сказать, что послѣдній противорѣчитъ первой, опровергаетъ ее; точно также плодъ объявляетъ цвѣтъ какъ ложное и преходящее бытіе растенія и заступаетъ его мѣсто, какъ его истина“. *) Вообще борьба, возобновленіе новаго не иначе, какъ подъ условіемъ разрушенія прежняго, оказавшагося несостоятельнымъ, есть общій удѣлъ жизни человѣка на всѣхъ ея путяхъ и нѣтъ никакого основанія, почему-бы одна философія должна составлять исключеніе изъ этого удѣла. Такой законъ есть слѣдствіе самой природы ограниченнаго человѣческаго духа, задача котораго не достигнуть разъ на всегда абсолютнаго покоя и неподвижности, но безустанно стремиться впередъ, не довольствуясь ничѣмъ даннымъ, и въ этомъ стремленіи болѣе и болѣе приближаться къ единой абсолютной Истинѣ. Еслибы мы были богами, справедливо замѣтилъ Платонъ**), то не было-бы и никакой философіи; все тогда было бы мирно, согласно и спокойно. Но такъ какъ мы люди, то вмѣстѣ съ любомудріемъ является и множество философскихъ партій, на споры между которыми мы должны смотрѣть съ точки зрѣнія древняго, Гераклитовскаго положенія: „πόλεμος πατήρ πάντων“. Дѣйствительно мы видимъ, что только при помощи борьбы философскихъ ученій постепенно вырабатывались и новые философскіе воз-

*) Hegel's Phänom. d. Geistes 1832. Vorrede.

**) „Изъ боговъ никто не любомудрствуетъ (φιλοσοφεῖ) и не стремится быть мудрымъ, ибо они обладаютъ уже мудростію; не любомудрствуютъ также и люди невѣжественные и не желаютъ стать мудрыми.... Итакъ, кто-же философствуетъ, если любомудріе не свойственно ни мудрымъ (каковы боги), ни невѣждамъ? И ребенку очевидно, что только тѣ, кои занимаютъ средину между тѣми и другими“.
(Sympos. 203—204).

росы, и новыя ихъ рѣшенія. Такъ изъ справедливой реакціи субъективизма противъ догматическаго довѣрія къ разуму древней греческой натурфилософіи и метафизики возникла софистика. Только въ борьбѣ противъ извращенной діалектики софистовъ выработалась подлинная діалектика Сократа и Платона. Только при помощи побѣдоносной оппозиціи Локкова эмпиризма ученію Картезіанцевъ о врожденныхъ идеяхъ открылась почва для болѣе глубокаго пониманія апріорнаго элемента нашихъ познаній. Только въ противорѣчій все нивелирующему ученію Спинозы о единой абсолютной субстанціи нашель Лейбницъ возбужденіе къ болѣе точному уясненію понятія индивидуальности. Только ни надъ чѣмъ не останавливающійся материализмъ и скептицизмъ энциклопедистовъ и Давида Юма могли вызвать, какъ противоположную крайность, оптимизмъ Лейбница и самодовольный застой нѣмецкой школьной философіи того времени, что въ свою очередь разрѣшилось, очистившею застоявшуюся философскую атмосферу, бурей Кантовскаго критицизма. И въ нашемъ текущемъ столѣтіи нетрудно было-бы прослѣдить подобное-же зрѣлище, послѣдній актъ котораго, кажется, до сихъ поръ еще не наступилъ. *) Вообще исторія философіи показываетъ намъ, что движеніе философской мысли не есть случайная смѣна борющихся, неустойчивыхъ и несостоятельныхъ мнѣній, но процессъ постепеннаго приближенія къ истинѣ, такъ что только близорукому взгляду можетъ показаться случайность и произволь тамъ, гдѣ все идетъ въ стройномъ порядкѣ развитія различныхъ моментовъ философскаго познанія.

Но намъ говорятъ: положимъ, борьба и смѣна философскихъ мнѣній есть явленіе естественное и законное, находящее себѣ аналогію и въ исторіи другихъ наукъ. Но отъ чего-же въ то время, когда подобною борьбою въ области этихъ наукъ выработывались новыя всѣми признаваемые истины, философія одна не достигла никакихъ прочныхъ результатовъ. Тѣ-же философскія проблемы, которыя возникали во времена глубочайшей древности, стоятъ предъ умомъ человѣка неразрѣшенными и теперь. Въ то время какъ естественныя науки представляютъ

*) Liebmann. Zur Analysis d. Wirklichkeit. 1876. p. 4.

намъ наглядные результаты своихъ успѣховъ въ видѣ новыхъ открытій, полезныхъ примѣненій къ жизни, новыхъ опытовъ изясненія законовъ природы, философія представляетъ намъ только постоянныя варіаціи на однѣ и тѣ-же старыя темы, да и запасъ этихъ темъ, повидимому, совершенно истощился, такъ какъ всѣ мыслимыя міросозерцанія уже имѣютъ своихъ представителей и существенно новаго здѣсь сказать нечего.

Противоположеніе прогресса наукъ положительныхъ философіи; есть любимое современное оружіе противъ ея состоятельности. Но вся кажущаяся сила этого противоположенія основывается: а) на одностороннемъ сравненіи движенія въ области философіи и положительныхъ наукъ за одинъ, и притомъ ограниченный періодъ времени, и затѣмъ б) на недостаточно ясномъ различеніи—въ чемъ состоитъ прогрессъ этихъ наукъ и философіи.

Исторія знаній представляетъ то несомнѣнное явленіе, что мысль человѣческая никогда не развивается всесторонне, вдругъ по всѣмъ направленіямъ. Каждое время имѣетъ свою задачу; отсюда; нѣкотораго рода односторонность въ прогрессѣ знанія, которая состоитъ въ томъ, что въ то время, когда вниманіе и силы познающей способности человѣка сосредоточены на одной сторонѣ знанія, неизбѣжно ослабляется другая; развитіе и усиленіе одного рода наукъ сопровождается упадкомъ другихъ. Особенно всегда замѣтно было въ этомъ отношеніи колебаніе равновѣсія между науками раціональными и эмпирическими. Духъ нашего вѣка преимущественно обращенъ къ разработкѣ эмпирической области знанія и къ примѣненію добытыхъ наукою открытій къ жизни практической. Не удивительно, что въ этой именно области знанія, гдѣ сосредоточена живая дѣятельность мысли въ наше время, мы видимъ и больше успѣховъ, чѣмъ въ области философіи. Но иное представится намъ, если припомнимъ исторію мышленія до времени сравнительно недавняго процвѣтанія наукъ естественныхъ. Мы увидимъ сильное и оживленное движеніе въ области знанія то религіознаго, то философскаго и крайне медленный ходъ, почти застой наукъ естественныхъ. Мы увидимъ, что какъ теперь прогрессъ естествознанія противоплагается бесплодности философіи, такъ тогда съ такою же односторонностію и прене-

бреженіемъ смотрѣли на изслѣдованія природы, какъ не ведущія и не могущія привести ни въ какомъ существенно важнымъ и полезнымъ результатамъ. Такъ напр., Сократъ вооружался противъ космологическаго направленія философіи своихъ предшественниковъ и думалъ, что познаніе природы и недоступно для человѣка, и бесполезно; познай себя самого—вотъ истинный предметъ науки. Платонъ думалъ, что о природѣ возможно не научное и твердое знаніе, но лишь колеблющееся мнѣніе; истинный объектъ знанія—міръ идеальный. Такъ въ средніе вѣка богословіе почиталось высшимъ и единственно достойнымъ человѣка знаніемъ; философія допускалась только въ качествѣ „служанки религіи“; науки естественныя были въ совершенномъ пренебреженіи, что зависѣло вовсе не отъ намѣреннаго какого-либо противодѣйствія или угнетенія ихъ со стороны религіи, а отъ общаго направленія и настроенія духа времени. Въ эпоху возрожденія наукъ всѣ увлекались филологіею и изученіемъ классическихъ древностей. Затѣмъ, со времени Декарта и Бэкона философія и естествознаніе, повидимому, одинаково привлекаютъ къ себѣ сочувствіе общества и силы дѣятелей науки. На нѣкоторое время могучій гений Канта открылъ новую эру оживленія философской мысли и преобладанія ея въ области научнаго знанія. Философія пошла быстрыми шагами по пути развитія и почти одновременно выставила нѣсколько замѣчательныхъ системъ, изъ которыхъ каждой было бы достаточно для наполненія цѣлаго столѣтія въ прежнее время. Мы разумѣемъ недавнее время процвѣтанія германской философіи,—время Фихте, Шеллинга, Гегеля, Якоби, Гербарта, Шлейермахера, Шопенгауера, не говоря о множествѣ даровитыхъ второстепенныхъ дѣятелей нашей науки. Но въ какой мѣрѣ сильно было оживленіе и возвышеніе философіи, въ такой же мѣрѣ сильно было и быстрое охлажденіе къ ней подъ вліяніемъ идей утилитаризма и матеріализма; сочувствіе общества и науки рѣшительно склонилось къ наукамъ естественнымъ; впрочемъ, въ наше время замѣчаются признаки новаго пробужденія интереса къ философскимъ изслѣдованіямъ *).

*) Объ этомъ оживленіи свидѣтельствуетъ обиліе философской литературы, особенно въ Германіи; наиболѣе выдающіяся произведенія ея выдерживаютъ нѣсколь-

Все это очевидно показываетъ, что слишкомъ было бы односторонне и легкомысленно выставять противъ философіи фактъ современныхъ успѣховъ естествознанія и застоя философіи. Этотъ относительный застой (впрочемъ сильно преувеличенный) можетъ говорить только о временномъ замедленіи въ ходѣ ея развитія, но никакъ не объ окончательной остановкѣ ея жизни въ силу собственнаго сознанія невозможности рѣшить свои задачи, въ виду неудавшихся прежнихъ попытокъ.

Другой и болѣе важный источникъ того неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое на не философскіе кружки производитъ сравненіе успѣховъ естественныхъ наукъ съ кажущеюся безуспѣшностью философіи, заключается, какъ мы сказали, въ неясномъ пониманіи задачи философіи и, вслѣдствіе этого, въ неправильномъ пониманіи и того, въ чемъ долженъ состоять прогрессъ въ области философіи и въ чемъ—въ области наукъ эмпирическихъ. Ближайшая задача эмпирическихъ наукъ—познаніе частныхъ фактовъ и затѣмъ выводъ отсюда общихъ законовъ явленій путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему, путемъ индукціи. Отсюда, всякое открытіе новой частности, новаго факта въ области опыта есть дѣйствительное пріобрѣтеніе науки, и само по себѣ и какъ новое средство къ выводу дальнѣйшихъ результатовъ. Такимъ образомъ, въ наукахъ опытныхъ прогрессъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ расширеніи объема знанія; здѣсь умъ идетъ впередъ прибавляя шагъ къ шагу, одно пройденное пространство къ другому. Философское знаніе, напротивъ, идетъ отъ общаго къ частному. Основная философскія идеи и положенія не суть нѣчто постоянно вновь открываемое; заключааясь въ глубинѣ человѣческаго разума, онѣ присущи каждому, въ существѣ извѣстны издавна и наукою могутъ быть только раскрываемы, разъясняемы и доказываемы. Понятія о Богѣ, о мірѣ, о нравственномъ долгѣ, о свободѣ, о безсмертіи и т. п., не открыты когда-либо, какъ напр. Америка или обращеніе земли около солнца; они

ко изданій, что показываетъ, что философскія книги находятъ себѣ читателей не въ тѣсномъ только кругу специалистовъ этой науки. Такъ напр., мы имѣемъ подъ руками седьмое уже изданіе (1876 года) извѣстнаго сочиненія Гартмана: „*Philosophie des Unbewussten*“.

существовали въ человѣческомъ духѣ еще до появленія философіи и составляли предметъ разнообразныхъ религіозныхъ воззрѣній. Далѣе, основныя философскія направленія, напр. идеализмъ, матеріализмъ, скептицизмъ мы найдемъ въ самой глубокой древности, равно какъ и рѣшеніе различныхъ философскихъ проблемъ въ духѣ этихъ направленій. Отсюда видно, что ходъ философскаго знанія отличенъ отъ хода наукъ эмпирическихъ. Именно, — въ философіи онъ состоитъ не столько въ увеличеніи содержанія, сколько въ раскрытіи и разъясненіи его; ея прогрессъ не количественный, а качественный; не механической, а органической. Движеніе естественныхъ наукъ всего нагляднѣе мы можемъ представить себѣ какъ наращеніе, увеличеніе массы неорганическаго предмета путемъ механическаго прибавленія новыхъ и новыхъ частицъ. Движеніе философіи — какъ органическое развитіе сѣмени или растенія; въ сѣмени, въ маленькомъ растеніи, въ неразвитомъ видѣ уже есть задатки всего того, дальнѣйшее развитіе чего есть цѣль жизненнаго процесса; въ этомъ процессѣ ничего новаго, въ смыслѣ новыхъ частей, органовъ, членовъ, не прибываетъ, но тѣмъ не менѣе организмъ безспорно развивается. Отсюда отношеніе предыдущаго къ послѣдующему въ эмпириіи есть отношеніе меньшаго къ большому; меньшаго количества свѣдѣній, фактовъ, открытій къ большому; въ философіи — отношеніе неразвитаго, неяснаго, неопредѣленнаго, недоказаннаго — къ болѣе точному, ясному, рационально обоснованному. Науки опытыя идутъ въ даль; философскія — въ глубь; въ первыхъ — движеніе отъ центра къ периферіи, въ послѣднихъ отъ периферіи къ центру. Вотъ почему требовать отъ философіи постояннаго, чуть не ежедневнаго увеличенія объектов познанія или новыхъ истинъ, въ томъ смыслѣ, какъ это требуется отъ другихъ наукъ, значитъ не понимать ея задачи. Но мы имѣемъ право требовать отъ философіи постепеннаго уясненія, раскрытія, болѣе и болѣе точнаго и строгаго доказательства тѣхъ понятій, которыя составляютъ ея содержаніе, — и исторія философіи показываетъ, что такое требованіе постоянно выполнялось. Конечно, вѣрно, что тѣ же самыя проблемы, которыя представлялись древнѣйшимъ мыслителямъ, стоятъ предъ философіею и теперь; но постановка этихъ проблемъ и способы

ихъ рѣшенія далеко не тѣ. Такъ напр., идеализмъ мы находимъ и въ индѣйской философіи, и въ школѣ Элеатовъ, и у Платона, и у Берклея, и у Фихте, и у Гартмана; повидимому, и основной принципъ мышленія и результатъ его—недостовѣрность чувственнаго знанія и бытія—одинъ и тотъ же; но и не большаго знакомства съ философіею достаточно, чтобы увидѣть въ этихъ фазисахъ идеализма не безплодное повтореніе одного и того-же, но дѣйствительный прогрессъ знанія въ области философіи по извѣстному ея направленію. Съ этой точки зрѣнія, сравнивая историческій прогрессъ философіи съ прогрессомъ наукъ положительныхъ, мы можемъ представить себѣ движеніе первой въ видѣ постоянно расширяющейся спирали, движеніе же послѣднихъ можемъ назвать прямолинейнымъ. Науки положительныя, дѣйствительно, не возвращаются къ прежней стадіи развитія, идутъ впередъ не оборачиваясь назадъ и не повторяя того, что разъ или признано за вѣрное, или оказалось несостоятельнымъ. Философія представляетъ несомнѣнно идущее впередъ, но спирально-круговращательное движеніе; старыя идеи, общія воззрѣнія, знакомыя и древнѣйшимъ философамъ, вновь и вновь появляются въ исторіи философской мысли, но каждый разъ въ новой формѣ, въ новой болѣе научной и широкой постановкѣ. Можетъ быть, этотъ способъ поступательнаго движенія болѣе медленъ, чѣмъ прямолинейный, но тѣмъ не менѣе онъ основанъ на самомъ существѣ философскаго познанія и несомнѣнно ведетъ къ большому и большему расширенію кругозора философской мысли.

Такимъ образомъ, указаннымъ нами различіемъ прогресса философскихъ и положительныхъ наукъ легко объясняется то, часто выставляемое въ укоризну ей и въ обличеніе ея научной несостоятельности, явленіе, что въ области наукъ положительныхъ, естествознанія въ особенности, постоянно открываются что-нибудь новое, въ философіи-же повторяется большею частію старое, только въ новой оболочкѣ. Нѣтъ, новое постоянно является и въ философіи, какъ свидѣтельствуешь о томъ ея исторія, но только это новое инаго рода, чѣмъ новости наукъ эмпирическихъ. Оно относится не столько къ приращенію количества основныхъ философскихъ идей, сколько къ улучшенію,

такъ сказать, ихъ качества. Новое въ философіи—въ бѣльшемъ и бѣльшемъ разъясненіи понятій, въ расширеніи горизонта мысли, въ болѣе глубокомъ пониманіи коренныхъ истинъ знанія и послѣдовательномъ проведеніи ихъ по всѣмъ областямъ научно-познаваемаго. Но этого рода новое открывать несравненно труднѣе, чѣмъ въ области наукъ положительныхъ, отъ чего для поверхностнаго наблюдателя прогрессъ философіи и кажется очень медленнымъ, въ сравненіи съ прогрессомъ другихъ наукъ даже вовсе не замѣчается. По самому характеру эмпирическаго знанія, имѣющаго дѣло съ фактами и частностями, открытіе здѣсь новаго должно быть обычнымъ явленіемъ, да оно по своей эмпирической наглядности и легко всѣмъ кидается въ глаза. Такъ какъ знаніе здѣсь идетъ отъ фактовъ и главнымъ образомъ состоитъ въ наращеніи фактовъ и свѣдѣній, а факты безчисленны при множествѣ объектовъ и явленій природы и жизни человѣка, то открыть какой-либо новый фактъ или дать ближайшее эмпирическое объясненіе группы фактовъ, дѣло не особенно трудное и, при извѣстной сноровкѣ и терпѣннн, доступное даже для зауряднаго ума. Открыта случайно новая рукопись; доказано, что такое-то историческое лицо родилось не въ томъ году, какъ думали прежде, а въ другомъ; на основаніи археологической находки освѣщена иначе извѣстная страница исторіи—вотъ въ наукахъ новыя открытія. Занялся естественныйспытатель микроскопическимъ анализомъ какого-либо особн породы жука, на котораго до сихъ поръ никто еще не обращалъ вниманія; составилъ описаніе напр. его мускульной или нервной системы—вотъ опять новое открытіе. Такъ какъ предметовъ для эмпирическаго наблюденія безчисленное множество, то не удивительно, что и новое здѣсь открывается постоянно и новости растутъ, какъ грибы. Эти новости для всѣхъ очевидны, неоспоримы, наглядны и обыкновенно съ торжествомъ выставляются врагами философіи въ обличеніе ея бесплодности.

Но если мы припомнимъ сейчасъ сказанное нами о характерѣ движенія философской мысли, то это явленіе нисколько не смутитъ насъ. Новое въ философіи, какъ мы сказали, можетъ состоять по преимуществу въ новомъ разъясненіи, раскрытіи, доказательствѣ извѣстнаго положенія. Не говоримъ о

томъ, что по отвлеченному и умозрительному характеру науки, по ограниченности, уже вслѣдствіе этого одного, числа ея дѣятелей сравнительно съ числомъ работниковъ на полѣ эмпирическаго знанія, новое этого рода и открывать въ ней труднѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ. Дѣло въ томъ, что этого рода новое никогда не выдается въ глаза съ такою ясностію, какъ въ области фактическихъ открытій. Какъ уловить и наглядно опредѣлить новую постановку вопроса, сдѣланную извѣстнымъ философомъ, новый оттѣнокъ въ доказательствѣ извѣстной проблемы, новую комбинацію мыслей и понятій. Данная истина болѣе и болѣе разъясняется, шире и шире распространяется, съ большею и большею силою убѣдительности овладѣваетъ умами, но кто опредѣлитъ въ точности ту долю участія и труда, которая принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ каждому изъ труженниковъ науки? Вотъ почему и прогрессъ философіи наглядно замѣтенъ и выдается въ глаза только въ лицѣ первостепенныхъ философовъ, оригинальныя системы которыхъ рѣзкими чертами выдѣляются изъ среды другихъ; постоянная-же, черновая, такъ сказать, работа философской мысли, обычное движеніе ея впередъ можетъ быть замѣтно только для спеціалиста философіи; для людей чуждыхъ философіи она и не замѣтна и непонятна.

Кромѣ постоянства прогресса науки въ видѣ приращенія новыхъ истинъ и открытій, другая сторона въ положительныхъ наукахъ, которую любятъ противопоставлять философіи къ невыгодѣ послѣдней, есть твердость, несомнѣнность эмпирическихъ истинъ въ сравненіи съ неустойчивостію и спорностію философскихъ мнѣній. Эмпирическія истины, говорятъ, будучи разъ открыты и твердо установлены наукою, обыкновенно безъ споровъ принимаются всѣми; положенія же философіи и до сихъ поръ служатъ предметомъ споровъ и противорѣчащихъ воззрѣній. Это явленіе, подтверждая самымъ дѣломъ состоятельность для разума наукъ положительныхъ, не говоритъ ли прямо противъ возможности философіи и способности ея дать какія-либо положительные пріобрѣтенія въ области знанія?

Прежде всего мы можемъ, конечно, указать здѣсь на простое и естественное объясненіе этого явленія. Что философія, по самому содержанію своему, есть наука болѣе отвлеченная и потому

болѣе трудная для пониманія и усвоенія большинства, чѣмъ другія науки,—объ этомъ, конечно, никто не станетъ спорить. Отсюда понятно и то, что философскія положенія должны входить въ общее научное сознаніе съ большимъ трудомъ, послѣ большей борьбы и пререканій, чѣмъ въ другихъ областяхъ знанія; что провѣрка ихъ и сознательное убѣжденіе въ ихъ истинѣ несравненно болѣе затруднительны, чѣмъ убѣжденіе напр. во вновь открытой эмпирической истинѣ.

Но признавая вполне эту невыгодную особенность философскихъ истинъ, мы не можемъ однако-же оставить безъ всякаго ограниченія ту мысль, что истины эмпирическія въ этомъ отношеніи всегда имѣютъ безусловное преимущество предъ философскими. Эта мысль вполне вѣрна, пока дѣло идетъ о простыхъ, низшихъ эмпирическихъ истинахъ, которыя въ строгомъ смыслѣ едва-ли могутъ быть названы научными истинами. Мы напр. легко убѣждаемся на основаніи свидѣтельства путешественниковъ, что въ Африкѣ есть львы и тигры, что подъ полюсами очень холодно, а подъ экваторомъ жарко и т. п. Но если имѣть въ виду строго научныя истины, напр. объясненія законовъ и сложныхъ явленій природы, то едва-ли можно сказать, что эмпирическія истины для всѣхъ легко и удобно-понятны, что они принимаются всѣми, не возбуждая споровъ. Противъ этого говоритъ прежде всего исторія науки. Если бы эмпирическія истины усвоились такъ легко, какъ думаютъ, то чѣмъ объяснить то явленіе, что естествознаніе недавно только достигло процвѣтанія? Исторія естествознанія представляетъ намъ ожесточенные споры, множество борющихся одна съ другою гипотезъ, продолжительное непризнаніе самыхъ очевидныхъ теперь истинъ, даже въ ученомъ мірѣ; да и въ настоящее время можно ли сказать, что борьба мнѣрій въ области естествознанія прекратилась и всѣ ученые мирно и дружно идутъ впередъ? Что касается до легкости будто-бы провѣрки эмпирическихъ истинъ и потому большей ихъ устойчивости и силы убѣдительности въ сравненіи съ философскими, то и это едва-ли вѣрно. Опять это можно сказать только о простыхъ, наглядныхъ фактахъ. Что касается до строго научныхъ теорій и основанныхъ на нихъ фактическихъ истинахъ, то въ дѣйстви-

тельности они большею частію принимаются на вѣру и усвоить ихъ сознательно, научно, тѣмъ болѣе провѣрить ихъ научнымъ способомъ,—едва-ли болѣе легко, чѣмъ истину и основательность какого-либо философскаго положенія. Мы напр. готовы признать на основаніи авторитета науки, что солнце во столько-то разъ больше земли, что оно отстоитъ отъ нея на столько-то милліоновъ географическихъ миль; но попробуйте сознательно убѣдиться въ этомъ положеніи, и научно со всѣми доказательствами усвоить его себѣ,—и вы не скажете, что это дѣло болѣе легкое и общедоступное, чѣмъ усвоеніе и провѣрка какой-либо философской теоріи.

Все это мы замѣтили съ тою цѣлью, чтобы показать, что мысль о несравненно большей устойчивости, безспорности и общедоступности эмпирическихъ истинъ сравнительно съ философскими, значительно преувеличена съ цѣлью невыгоднаго контраста для нашей науки. Но мы согласны, что въ этой мысли есть своя доля истины и указали уже на одну изъ причинъ этого явленія—въ большей трудности и отвлеченности этой науки. Но этого одного объясненія еще недостаточно. Оно объясняетъ возможность въ философіи споровъ и противорѣчій большую, чѣмъ въ другихъ наукахъ (ибо гдѣ самый предметъ болѣе темень и болѣе труденъ для уразумѣнія, тамъ естественно и споровъ и недоумѣній больше); но не объясняетъ еще всю особенную живость и интенсивность этихъ споровъ, которой не замѣчается въ другихъ наукахъ, и того явленія, что эти споры простираются часто на самыя основныя истины философіи, производя радикальныя, ничѣмъ, повидимому, непримиримыя разногласія. Но живость и интенсивность споровъ указываетъ уже на другую область, кромѣ умственной; это область чувства, нравственной жизни. Истина не есть достояніе одного ума; она неизбѣжно вліяетъ на жизнь и входитъ въ соприкосновеніе съ ея интересами. Но въ этомъ отношеніи есть значительное различіе между истиною и истиною. Чѣмъ выше истина, тѣмъ шире ея вліяніе, тѣмъ больше она затрогиваетъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи, вопреки общепринятому мнѣнію объ отвлеченности философіи, ея истины гораздо ближе касаются жизни и ея существенныхъ вопросовъ, чѣмъ истины

наукъ эмпирическихъ или историческихъ. Но гдѣ затронуты жизненные интересы, тамъ являются не только мирные, легко улаживаемые ученые споры, но и ожесточенная вражда, непримиримыя противорѣчія. Это даетъ намъ ключъ къ объясненію многого въ судьбахъ философіи и наукъ положительныхъ. Лично для насъ напр. довольно безразлично, составляетъ ли ядро солнца твердое тѣло или газообразное, состоитъ ли данное химическое тѣло изъ такихъ или иныхъ элементовъ, были ли Варяги-Русь Норманы или Славянское племя; если и возможны здѣсь споры между учеными, объясняемые отчасти недостаточностію научныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, отчасти ученымъ самолюбіемъ, то они довольно легко прекращаются, какъ скоро дается новое, болѣе вѣрное объясненіе спорнаго факта, такъ какъ упорно отстаивать каждому свое мнѣніе нѣтъ особенно важныхъ побужденій. Но въ философіи дѣло идетъ о вопросахъ въ высшей степени важныхъ для опредѣленія нашей нравственной и общественной жизни, таковы вопросы о Богѣ, о самостоятельности души, о ея свободѣ и проч. Даже самыя отвлеченныя ея вопросы, напр. гносеологическіе имѣютъ болѣе или менѣе близкую связь съ этими коренными и главными. Не удивительно поэтому, что въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ принимаетъ участіе и вліяетъ на это рѣшеніе въ томъ или иномъ смыслѣ не только холодный и безпристрастный разсудокъ, но и чувство съ разнообразными субъективными отбѣнками его у различныхъ лицъ. Этимъ объясняется не только особенная рѣзкость споровъ и устойчивость противоположныхъ ученій, но и то, рѣдко встрѣчающееся въ исторіи другихъ наукъ, явленіе, что завѣдомо ложныя, не разъ опровергаемыя теоріи, неоднократно вновь появляются въ философіи и, пользуясь иногда различными благоприятными обстоятельствами, временно получаютъ неожиданную силу, — таковъ напр. матеріализмъ. Вообще, что касается до вліянія нравственныхъ и другихъ практическихъ побужденій на ходъ нашей науки, — вліяній, упускаемыхъ часто изъ виду въ ея исторіи, то замѣчаніе Мальбранша относительно нравственной философіи заключаетъ въ себѣ много вѣрнаго и относительно теоретической.

„Если-бы, говоритъ онъ, люди имѣли какой-либо интересъ въ

томъ, чтобы стороны подобныхъ трехугольниковъ были не равны и если-бы ложная геометрія была столько-же удобна для ихъ превратныхъ наклонностей, какъ ложная мораль, то они очень легко могли бы дѣлать столь-же нелѣпыя паралогизмы въ геометріи, какъ и въ области нравственной филозофіи потому, что ихъ ошибки были бы для нихъ пріятны, а истина только затрудняла бы ихъ и сердила“. Присоединимъ къ этимъ словамъ Мальбранша замѣчаніе Фихте: „какую кто избираетъ филозофію, это зависитъ оттого, какой кто человекъ“ *).

В. Нудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Ueberweg, Gesch. d. Philosophie. III, 231.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОБЫЧНЫХЪ ВЗГЛЯДОВЪ И СУЖДЕНІЙ О РАЗЛИЧНЫХЪ ВИДАХЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И НАЧАЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА. *)

III.

Слово и дѣло.—Какое значеніе имѣеть противоположность слова и дѣла?—Понятіе о краснорѣчїи.—О теоретическомъ и практическомъ направленїи въ словѣ.—О свободѣ слова съ точки зрѣнія практическихъ и теоретическихъ интересовъ.—О связи дѣятельности теоретической и практической между собою.

Обыкновенно слово и дѣло противопоставляются одно другому. Какой смыслъ имѣеть это противопоставленіе и чѣмъ оно можетъ быть оправдано?

Дѣломъ мы называемъ вообще всякое употребленіе собственныхъ нашихъ силъ, а также силъ внѣшней природы, направленное къ достиженію какихъ-либо цѣлей. Но и словесное искусство также въ этомъ смыслѣ есть дѣло, ибо состоитъ въ употребленїи извѣстной силы, т. е. дара слова, и имѣеть въ виду достиженіе нѣкоторой цѣли—именно произвести желаемое дѣйствіе на слушателей или читателей. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно даже сказать, что слово сильнѣе всякаго другаго дѣла. „Хотя слово, сказалъ древній мудрецъ Солонъ, есть только образъ вещей, но по могуществу своему оно сильнѣйшїй властитель **). И не только сильнѣе, но и долговѣчнѣе“ ***). Повто-

*) См. „Вѣра и Разумъ“. № 1, книга 1-я 1884 г.

***) Ο μὲν λόγος εἰδωλὸν τῶν ἔργων, βασιλεὺς δὲ ἰσχυρότατος τῇ δυνάμει. Diog. Laer, 1, 58.

***) Ρῆμα δ' ἐργμάτων χρονιώτερον βιοτεύει. Пиндаръ Nem. 4.

“Ὅσον, ἐν πολέμῳ δύναται σίδηρος, τοσοῦτον ἐν πολιτείᾳ λόγος εὖ ἔχων ἰσχύει. Солонъ. Fragm. philosoph. graecorum. Multachius 1, p. 220.

му когда дѣло противопоставляется слову, то не слѣдуетъ ли думать, что самое дѣло понимается при этомъ не въ столь широкомъ смыслѣ. Дѣйствительно, иногда противоположность слова и дѣла понимается въ томъ смыслѣ, что дѣломъ называется какая-либо *выгодная* для насъ или другихъ переменна въ положеніи и формѣ вещей, равно въ положеніи и состояніи людей,—переменна, произведенная движущею силою нашихъ органовъ и различныхъ физическихъ дѣятелей; слово-же представляется какъ дѣйствіе *безрезультатное*, какъ такое дѣйствіе, послѣ котораго не остается никакихъ послѣдствій. Такъ выражаются иногда о говорящемъ, что это одни лишь слова, иногда же прямо утверждаетъ, что слово звукъ пустой. Но говорятъ такъ не вообще о словѣ, а только о такихъ рѣчахъ, которыя ни къ чему не приводятъ. О томъ, кто много и не убѣдительно говоритъ, выражаются обыкновенно, что онъ напрасно бьетъ воздухъ, т. е. хотя онъ и приводитъ въ движеніе свои голосовые органы, какъ и вообще при всякомъ дѣйствіи происходитъ движеніе, совершаемое нашими органами, либо силами природы,—но производятъ они дѣйствіе бесполезное, такъ какъ дѣйствіе это, производимое на воздухъ, исчезаетъ въ немъ-же, т. е. безслѣдно. Повидимому отсюда слѣдуетъ, что слово противопоставляется дѣлу, когда оно или не имѣетъ или не достигаетъ опредѣленной полезной цѣли. Но бываетъ и слово дѣльное, и наоборотъ—дѣло бываетъ пустымъ, ничего незначащимъ. Однако нельзя сказать, что противоположность слова и дѣла имѣетъ смыслъ случайный и условный, какъ противоположность одного дѣла пустаго, которое, впрочемъ, можетъ быть и серьезнымъ,—другому дѣлу, имѣющему уже дѣйствительную важность. О всѣхъ дѣлахъ одинаково подразумѣвается, что каждое изъ нихъ можетъ быть и значительнымъ, и ничего незначащимъ, что оно можетъ быть исполнено и съ пользою, и безъ пользы, что всякое дѣло можно выполнить наилучшимъ образомъ, и можно въ конецъ испортить. Однако-жъ никогда одно дѣло, каково-бы оно ни было, хотя-бы оно было пустымъ и бездѣйственнымъ, не противопоставляется другимъ дѣламъ. Напротивъ, слово, хотя и можетъ быть далеко болѣе цѣннымъ, чѣмъ любое дѣло, обыкновенно представляется намъ какъ про-

тивоположность дѣлу. Не удивительно, если благодаря именно этому обычному и, какъ мы увидимъ, вполне основательному противоположенію слова и дѣла, невольно является мысль, что слово—нѣчто само по себѣ малозначущее, или даже вовсе ничего не значить. Эта мысль, невольно внушаемая обычнымъ противопоставленіемъ одного другому—слова и дѣла, не мало придаетъ силы такъ назыв. *реализму*, который какъ-бы съ нѣкоторымъ правомъ пренебрежительно укоряетъ классицизмъ въ пустомъ занятіи словами, между тѣмъ какъ настоящее дѣло есть занятіе не словами, а вещами; подобно этому еще Бэконъ Веруламскій находилъ главную причину бесплодности схоластическаго образованія въ томъ, что оно постоянно имѣло въ виду только слова, а не дѣла, и ими только, т. е. словами, ограничивалось.

Итакъ сколько-бы мы ни указывали на то, что иное слово бываетъ значительнѣе и важнѣе многихъ дѣлъ, и что, по своему дѣйствию, нерѣдко весьма важному и плодотворному, оно должно быть причислено къ дѣламъ, но чрезъ это вопросъ о противоположности слова и дѣла не рѣшается. По своимъ послѣдствіямъ, простирающимся иногда на многіе вѣка, слово должно быть признано иногда величайшимъ подвигомъ. Это, впрочемъ, весьма понятно для всякаго и дальнѣйшаго объясненія не требуетъ, но тѣмъ не менѣе противоположность слова и дѣла чрезъ это ни мало не исчезаетъ; она остается во всей силѣ. Ясно, что для характеристики этой противоположности, чтобы опредѣлить ея истинный смыслъ и значеніе, нужно взять во вниманіе такую черту въ этой противоположности, благодаря которой она остается незыблемою и неизгладимою. Противоположность слова и дѣла имѣетъ постоянное и необходимое, а не случайное только и условное значеніе,—и въ этомъ необходимомъ своемъ значеніи она дѣйствительно является, коль скоро мы возьмемъ во вниманіе необходимое отношеніе слова къ мысли. Только по своему необходимому отношенію къ мысли, какъ орудіе или средство выраженія мысли, неразрывно связанное притомъ съ мыслию,—слово есть противоположность дѣла. Слово есть дѣйствіе и можетъ быть разсматриваемо какъ дѣйствіе не само по себѣ, а по своему результату. Всякое дѣй-

ствіе само уже есть дѣйствительность, т. е. получаетъ реальное бытіе, когда исполняется; слово-же выраженное не есть дѣйствительность, а только можетъ имѣть цѣлью созданіе дѣйствительности, т. е. произведеніе извѣстнаго дѣйствія, — что и бываетъ въ томъ случаѣ, когда, по содержанію своему, имѣетъ оно характеръ практической, — или-же оно само есть послѣдствіе, выраженіе дѣйствительности уже данной, — это въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ значеніе теоретическое, — такъ что противоположный характеръ практической и теоретической дѣятельности отпечатлѣвается и въ словѣ. Слово, рассчитанное на произведеніе практическаго дѣйствія, обыкновенно бываетъ живымъ, энергическимъ, нерѣдко дышетъ страстію; когда же проявляетъ теоретическую дѣятельность ума, то отличается теченіемъ спокойнымъ, равномернымъ, иногда бываетъ медлительнымъ и сухимъ. Итакъ, по внутреннему своему значенію, слово есть не сама дѣйствительность, а только отображеніе дѣйствительности (*εἶδωλον τῶν ἔργων*) или долженствующей осуществиться, или уже существующей. А какъ отображеніе дѣйствительности возможно лишь въ мысли, то и противоположность слова и дѣла сводится къ противоположности между мыслию и тѣмъ, что есть или осуществленіе мысли, или ея первообразъ, предметъ. Все значеніе слова поэтому измѣряется значеніемъ мысли, т. е. содержаніемъ, выраженнымъ въ словѣ. Отсюда правильное понятіе о краснорѣчїи состоитъ въ томъ, что слово должно быть соразмѣрнымъ выраженіемъ мысли: слово не можетъ быть прекраснымъ, коль скоро самое содержаніе, выраженное въ словѣ, не прекрасно. Не только въ художественныхъ словесныхъ произведеніяхъ форма выраженія не отдѣлима должна быть отъ содержанія, но въ нѣкоторой мѣрѣ тоже должно быть и во всякомъ произведеніи слова. Несоразмѣрность между мыслию и словомъ бываетъ, или когда самыя простыя обычныя мысли выражаются языкомъ торжественнымъ, изысканнымъ, или наоборотъ мысли важныя, предметы всѣми почитаемые излагаются языкомъ тривіальнымъ, низменнымъ. Особеннаго-же вниманія заслуживаетъ выраженіе въ словѣ указаннаго выше двойкаго направленія дѣятельности умственной — теоретическаго и практическаго.

Выше сказано, что внутренній міръ нашихъ представлений, мыслей находится въ нашей власти, и что свободно управляя своими мыслями, теоретики обыкновенно являются болѣе смѣлыми въ своихъ умственныхъ построеніяхъ, чѣмъ люди практическіе, привыкшіе имѣть дѣло съ трудностями осуществленія принятыхъ рѣшеній. Вотъ почему у людей, преданныхъ теоретической дѣятельности, обыкновенно развивается чувство свободы и стремленіе къ свободѣ; человекъ, занятый теоретическими изысканіями, дѣлаетъ свое дѣло болѣе по внутреннему свободному влеченію, чѣмъ по сознанію его необходимости и обязательности, между тѣмъ какъ у практическихъ людей, также преданныхъ своимъ занятіямъ, чувство долга, обязанности обыкновенно преобладаетъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что теоретикъ всего болѣе дорожитъ свободою индивидуальною и ею пользуется вполне въ своемъ дѣлѣ изслѣдованія и мысли. Но когда известная мысль выражена въ словѣ и дѣлается всѣмъ доступною, то въ этомъ случаѣ она уже выступаетъ изъ области индивидуальнаго свободнаго сознанія въ широкую область сознанія общественнаго. Понятно, что вслѣдствіе этого мысль уже подпадаетъ власти тѣхъ, на которыхъ лежатъ заботы общественнаго управленія. Для людей, призванныхъ къ дѣятельности правительственной, не можетъ быть безразличнымъ дѣломъ—какія именно мысли и воззрѣнія обращаются въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи. Ибо воззрѣнія эти и идеи могутъ быть таковы, что ими облегчается трудъ управленія обществомъ, но могутъ быть и таковы, что при этомъ дѣло управленія становится не только затруднительнымъ, но прямо невозможнымъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ требуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія, а въ предъидущемъ мы уже имѣемъ отчасти основанія для его рѣшенія.

Необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, что и дѣятельность познавательная, умственная можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ, по содержанію или предмету своему, различный характеръ: либо созерцательный, т. е. теоретическій по преимуществу, или же практическій по преимуществу. Это и понятно. Сверхъ безотносительной научно-познавательной дѣятельности есть еще дѣятельность, хотя также познаватель-

ная, но не имѣющая самостоятельнаго значенія, а служащая лишь приготовленіемъ къ практической дѣятельности, или по крайней мѣрѣ направленная на интересы практическіе. Въ отношеніи къ самому содержанію познанія, названные виды умственной дѣятельности могутъ быть разграничены слѣдующимъ образомъ.

Предметомъ познанаія для насъ служить или *бытіе*, т. е. образъ существованія, устройство (сущность) предмета, или же разнообразныя *дѣйствія* предмета, именно происхожденіе ихъ и условія, отъ которыхъ они зависятъ. Соотвѣтственно этому различію въ содержаніи познавательной дѣятельности, и центръ тяжести ея заключается либо въ интересѣ чисто теоретическомъ, въ интересѣ познанія истины, или же замѣтно склоняется на сторону интересовъ практическихъ, причемъ интересъ познанія полагается не столько въ раскрытіи и обнаруженіи истины, сколько въ примѣненіи его къ осуществленію общеполезныхъ практическихъ цѣлей. Мы можемъ изучать бытіе, т. е. образъ существованія или устройство природы, въ различныхъ отношеніяхъ и видахъ, и можемъ также изучать силы природы въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ и взаимоотношеніяхъ, имѣя въ виду приспособленіе ихъ къ произведенію разнообразныхъ, полезныхъ, или даже вредныхъ въ какомъ либо отношеніи дѣйствій. Равнымъ образомъ мы можемъ изучать человѣка въ томъ - же двойномъ отношеніи: можемъ изучать устройство, образъ его существованія, и затѣмъ предметомъ изученія могутъ быть также различные виды дѣятельности человѣческой. Указанное различіе въ направленіи познанія пояснимъ примѣрами. Положимъ медицина нашла средство противъ извѣстной болѣзни, т. е. открыто вещество, которое оказываетъ желательное дѣйствіе на организмъ. Исслѣдовано при этомъ, въ чемъ состоитъ это благопріятное дѣйствіе найденнаго врачебнаго вещества на организмъ. Затѣмъ уже никакой практической важности не имѣетъ вопросъ о томъ, что такое это вещество по своей сущности, каково его строеніе и каковы свойства, отъ какихъ, наконецъ, свойствъ его зависитъ спасительное дѣйствіе его на организмъ. Все это вопросы, имѣющіе чисто теоретическій интересъ. Или

напр. всѣмъ извѣстно, какъ разнообразны теперь практическія примѣненія электричества. И эти примѣненія сдѣлались возможными благодаря изученію дѣйствій, въ какихъ проявляется эта сила, и условій, при которыхъ она обнаруживаетъ свои дѣйствія; тѣмъ не менѣе остается неизвѣстнымъ, что такое эта сила по сущности своей, есть ли она жидкость, какъ прежде полагали, или особый видъ движенія. Практическихъ людей подобныя вопросы мало интересуютъ. Равно нѣтъ необходимости знать устройство человѣческой природы, существенныя свойства ея для того, чтобы наблюдать и изучать различныя виды дѣятельности человѣка и пользоваться такимъ изученіемъ для достиженія практическихъ цѣлей.

Разсмотримъ теперь изъясненныя виды познавательной дѣятельности въ отношеніи къ вопросу о свободѣ слова.

Что значитъ познать бытіе, устройство, образъ существованія даннаго предмета? Это значитъ познать самое существо предмета. Мы не можемъ вполне разяснить образъ существованія предмета, его устройство, если неизвѣстно намъ существо этого предмета. Очевидно, на примѣръ, что необходимо знать, въ чемъ состоитъ сущность внутреннихъ процессовъ, постоянно совершающихся въ природѣ, необходимо знать, такъ сказать, ея скрытый механизмъ, дабы возможно было изяснить устройство или образъ существованія природы. Чтобы мы могли сказать, что такое человѣкъ по своему устройству и образу существованія, для этого надо знать, что такое онъ по существу. Но извѣстно, что есть различныя философскія ученія о сущности вещей и человѣка, а такъ какъ ни одно изъ этихъ ученій не сдѣлалось, говорятъ, общепризнаннымъ, ни одно не принято наукою въ качествѣ окончательно рѣшенной и неподлежащей болѣе сомнѣнію и спору истины, то не слѣдуетъ ли предоставить каждому полную свободу такъ или иначе рѣшать вопросы о существѣ вещей, а также принимать такое или иное рѣшеніе этихъ вопросовъ? А съ тѣмъ вмѣстѣ, не будетъ ли согласно съ справедливостію предоставить каждому высказывать свои собственныя воззрѣнія и мнѣнія по такимъ вопросамъ, какъ имѣющимъ чисто теоретическій интересъ? Въ прошломъ столѣтіи, дѣйствительно, иные философы, требуя пол-

ной свободы мысли и слова относительно вопросовъ теоретическихъ, которыми занимается философія, мотивировали такое требованіе тѣмъ, что воззрѣнія по вопросамъ о бытіи, каковы бы они ни были, не могутъ имѣть никакого вліянія на жизнь; доказывали напр., что еслибы цѣлое общество состояло изъ однихъ атеистовъ, то оно нимало не было бы хуже существующихъ; съ чѣмъ не соглашались однако даже такіе философы, отношеніе которыхъ къ религіозной вѣрѣ, говоря вообще, было въ высшей степени сомнительно (напр. Вольтеръ). Нельзя не признать, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ легкомысленнымъ подобное сужденіе, что для общества, въ отношеніи къ общественному спокойствію и благосостоянію, должно быть дѣломъ безразличнымъ, какія именно обращаются въ немъ воззрѣнія по вопросамъ о бытіи и сущности вещей, хотя вопросы эти имѣютъ точно интересъ прежде всего теоретическій. Развѣ все равно для насъ, будемъ ли мы смотрѣть на природу какъ на прекрасно и мудро устроенное и одаренное живнію произведеніе высочайшаго Существа, все направляющаго ко благимъ цѣлямъ, — или же какъ на бездушный, отъ вѣчности существующій, механизмъ матеріальныхъ частицъ, находящихся въ постоянномъ взаимодействіи единственно по законамъ слѣпой необходимости, которая исключаетъ всякую мысль о существованіи въ мірѣ какихъ-либо разумныхъ цѣлей? Все ли равно для насъ, для нашей жизни думать, что все бытіе человѣка, по сущности своей, есть ничто иное, какъ обмѣнъ веществъ, случайный продуктъ взаимодействія между внутренними, присущими ему отношеніями и внѣшними отношеніями среды его окружающей, — что тѣлесный составъ человѣка съ принадлежащими ему отправлениями есть весь человѣкъ, или же напротивъ будемъ слѣдовать тому ученію, что человѣкъ существо, предназначенное къ высшему бытію, существенно различному отъ настоящаго существованія на землѣ, что въ тѣлѣ человѣка обитаетъ духъ — существо самостоятельное; что поэтому духовная жизнь и ея интересы для человѣка должны быть безконечно важнѣе жизни тѣлесной. Кажется ясно, что для жизни человѣка, въ отношеніи къ характеру и направленію его дѣятельности, особенно же для общества и жизни общест-

венной, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ мало-важнымъ, какія именно изъ означенныхъ воззрѣній признаются истинными. Теоретическіе вопросы, касающіеся бытія и сущности, дѣйствительно, какъ выше показано, не имѣютъ необходимой связи съ практическими интересами, но это вѣрно лишь въ извѣстныхъ точно опредѣленныхъ границахъ. Вопросы характера теоретическаго, но касающіеся не отдѣльной какой-либо малозначущей вещи, а *общихъ началъ всего бытія вещей*, а также *основныхъ началъ существованія самого человека*, уже далеко не безразличны и въ отношеніи практическомъ, напротивъ имѣютъ и въ этомъ отношеніи неизмѣримую важность.

Но, быть можетъ, именно практическіе интересы требуютъ свободы мысли и слова, — свободнаго выраженія и распространенія мнѣній въ обществѣ? Дѣйствительно, это мнѣніе о необходимости свободы слова, главнымъ образомъ въ интересѣ практическомъ, наиболѣе въ ходу. Подкрѣпляя мнѣніе это извѣстною французскою поговоркою (*Du choc des opinions jaillit la vérité*), думаютъ обыкновенно, что если предоставить обществу свободное обсужденіе всѣхъ интересующихъ его вопросовъ, главнымъ образомъ чрезъ посредство печати — этого важнѣйшаго и самаго распространеннаго органа общественнаго мнѣнія, способнаго наилучшимъ образомъ выразить всѣ его отгѣнки, — то истинное положеніе вещей при этомъ вполне обнаружится, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаются извѣстными наиболѣе пригодные способы къ устройству и наилучшему веденію дѣлъ; средства эти будутъ указаны самимъ же обществомъ, интересовъ котораго ближайшимъ образомъ касается все это, т. е. какъ существующее положеніе вещей и дѣлъ, такъ и возможные способы къ дальнѣйшему усовершенію этого положенія.

Если сопоставить это требованіе неограниченной свободы мнѣнія и слова съ обычнымъ теперь взглядомъ на отношенія, существующія въ области интересовъ экономическихъ, то нельзя не подивиться тому, что тотъ-же самый принципъ, который теперь единодушно отвергаютъ въ отношеніи экономической области (*laisser faire, laisser aller*), — выставляется какъ долженствующій привести къ самымъ благимъ послѣдствіямъ въ области интересовъ еще болѣе обширной, обнимающей, можно

сказать, всю совокупность интересовъ, существующихъ въ государствѣ, и потому представляющей поводы самые многочисленныя и разнообразныя къ враждебнымъ столкновеніямъ. Если бы дѣло шло о спокойномъ, совершенно безпристрастномъ изслѣдованіи, направленномъ единственно къ отысканію истины, тогда еще можно бы съ нѣкоторою вѣроятностію допустить, что обмѣнъ мнѣній и совокупныя усилія многихъ участниковъ въ такомъ дѣлѣ должны всегда приводить къ желаемому концу, и во всякомъ случаѣ къ самымъ благимъ послѣдствіямъ. Говоримъ: *съ нѣкоторою вѣроятностію*, ибо даже такое далекое отъ житейской суеты и, повидимому, самое благое дѣло, какъ изысканіе истины въ сферѣ вопросовъ теоретическихъ, не свободно бываетъ отъ примѣси личныхъ самолюбій и иныхъ постороннихъ для дѣла интересовъ. Что-же сказать теперь о той борьбѣ мнѣній, которая неминуемо должна, при неограниченной свободѣ слова, возникнуть въ области вопросовъ, близко соприкасающихся съ интересами практическими? Возможно ли безпристрастное обсужденіе и спокойный обмѣнъ мнѣній тамъ, гдѣ замѣшаны интересы совершенно не сходныя и даже противоположныя, и торжество одной партіи неизбежно должно оказаться пораженіемъ другихъ? Когда борьба мнѣній есть не что иное, какъ выраженіе соперничества партій и является послѣдствіемъ враждебнаго столкновенія интересовъ, то предоставленіе полной свободы этой борьбѣ могло-бы только усилить и ожесточить оную, возбудивъ страсти до крайней степени. Какъ только весь интересъ борьбы заключается въ томъ, чтобы въ общественномъ сознаніи однимъ мнѣніямъ дать торжество надъ другими и чрезъ то провести ихъ въ жизнь, то при этомъ трудно ожидать разборчивости въ средствахъ; для ратоборцевъ, жаждущихъ побѣды во что-бы ни стало, всѣ средства, могущія служить этой цѣли, одинаково пригодны. Нѣтъ ничего столь священнаго и обычно почитаемаго неприкосновеннымъ, что не было-бы или не могло-бы быть принесено въ жертву междуусобной борьбѣ враждующихъ, если только того требуетъ интересъ партіи. Итакъ, если признано, что въ области экономической государственная власть, стоящая внѣ и выше происходящей въ этой области борьбы интересовъ, обязана ре-

гулировать эту борьбу ко благу всего государства, то не въ большей ли степени необходимы ограничительныя мѣры въ отношеніи къ проявленіямъ различныхъ направленій мысли, соприкасающимся съ интересами не только матеріальными, но, что гораздо важнѣе, съ интересами нравственными. Даже съ точки зрѣнія тѣхъ, которые требуютъ безпрепятственнаго обсуждения такъ назыв. общественныхъ вопросовъ и совершенно свободнаго выраженія въ печати мнѣній, слѣдуетъ признать вполне понятными и неизбѣжными такія ограничительныя мѣры въ отношеніи къ требуемой ими свободѣ слова. Выше было указано на то явленіе, что изученіе вопросовъ экономическихъ, не довольствуясь своимъ подчиненнымъ положеніемъ, стремится расширить вырабатываемыя на почвѣ явленій экономическихъ воззрѣнія и на другія сферы, даже на всю совокупность проявленій общественной жизни. Это стремленіе къ расширенію, такъ сказать, компетентности политико-экономическихъ воззрѣній, внѣ собственно имъ принадлежащей сферы, выражается, между прочимъ, въ томъ, что дѣлаются попытки къ изясненію правовыхъ отношеній и понятій изъ отношеній и условій экономическаго быта; иные идутъ еще далѣе, именно: весь складъ общественныхъ воззрѣній, религіозныхъ, нравственныхъ, бытовыхъ ставятъ въ рѣшительную зависимость отъ экономическихъ условій. Однимъ изъ выводовъ этого способа изясненія общественной жизни является утвержденіе, что каждый общественный классъ, достигшій преобладанія, стремится установить правовыя отношенія и понятія, сообразныя съ собственными интересами, хотя-бы и не сознавалъ этого ясно, такъ что, въ силу этого утвержденія слѣдуетъ признать такое стремленіе непреодолимымъ, какъ-бы фатальнымъ. Говорятъ напр., что въ прежнюю эпоху, когда дворянство было господствующимъ классомъ, рыцарскія понятія о чести, личномъ достоинствѣ, пренебреженіе къ физическому и промышленному труду, превеличанныя понятія о значеніи воинскаго мужества, неустрашимости,—таковы были отличительныя черты тогдашняго міросозерцанія. Въ настоящее время промышленный классъ (буржуазія) горожанъ преобладаетъ и даетъ соотвѣтственный себѣ отпечатокъ общепринятымъ теперь взглядамъ на жизнь: до-

вольство, зажиточность (комфортъ) въ домашнемъ быту, добропорядочность въ сношеніяхъ общественныхъ (коммерческая честность), точность въ исполненіи обязательствъ, строгое соблюденіе во всемъ общепринятыхъ приличій,—словомъ во всемъ золотая середина, за исключеніемъ, впрочемъ, наживы, для чего не полагается никакой мѣры,—таковы характеристическія черты преобладающаго теперь класса. Такимъ образомъ, слѣдую означенному возрѣвію, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ одинъ классъ, стоящій во главѣ общества, смѣняется другимъ, измѣняется и самый складъ понятій, интересовъ, господствующихъ въ общественной жизни. Но если таковъ, дѣйствительно, законъ, опредѣляющій существующія въ обществѣ, въ каждое данное время, отношенія и понятія, то, слѣдую этому возрѣвію, необходимо признать, что требовать свободы мнѣній и выраженія ихъ въ печати—значитъ требовать невозможнаго. Какая-же можетъ быть свобода слова, если, какъ полагаютъ, въ обществѣ всегда производитъ подавляющее вліяніе на нравы и понятія тотъ классъ общества, который въ данное время преобладаетъ, и свои собственные интересы возводитъ на степень общесобязательныхъ, государственныхъ интересовъ? Если это предположеніе о преобладающемъ вліяніи во всякое время одного какого либо общественнаго класса вѣрно, то свобода печати, хотя-бы и признанная закономъ, неизбежно должна въ дѣйствительности оказаться мнимою; она неизбежно должна обратиться въ рабское служеніе интересамъ одного лишь господствующаго класса. Здѣсь не мѣсто разбирать, насколько означенное предположеніе можетъ быть признано. Теперь пока оно имѣетъ для насъ значеніе только какъ подтвержденіе высказаннаго выше замѣчанія, что послѣдствіемъ неограниченной свободы слова должна быть неминуема самая ожесточенная борьба интересовъ и партій, которая, вмѣсто воображаемаго соглашенія, должна произвести еще большее ихъ раздѣленіе.

Впрочемъ, возможно еще вотъ какое соображеніе: стѣсненіе свободы мысли и слова, скажутъ, сколько-бы ни оправдывали его опасеніемъ вредной для общественнаго спокойствія борьбы партій и интересовъ, есть во всякомъ случаѣ такое зло, послѣдствія котораго никакъ не могутъ быть вознаграждены ожи-

даемыми отъ него выгодами, такъ что нельзя даже, въ видѣ утѣшенія, назвать это зло необходимымъ, избираемымъ ради избѣжанія бдльшаго зла. Стѣсненіе свободы мысли и слова не есть ли важнѣйшее препятствіе къ распространенію просвѣщенія въ обществѣ; не должно ли оно повести къ застою и неподвижности, между тѣмъ какъ свобода повсюду является прогрессивнымъ началомъ, возбуждающимъ общественныя силы къ напряженной и потому плодотворной дѣятельности во всѣхъ сферахъ? Но въ томъ-то и вопросъ, какъ понимать прогрессъ и застой, что называть движеніемъ впередъ и отсталостію? Чтобы подобныя выраженія, съ особенною охотою употребляемыя людьми извѣстнаго всѣмъ образа мыслей, не были пустыми словами, для этого слѣдуетъ установить точный смыслъ этихъ выраженій, выяснить то, что подъ ними скрывается. Всякое ли движеніе впередъ есть уже успѣхъ, и наоборотъ, всякая ли задержка движенія достойна порицанія и есть зло? Какъ-бы ни казался для многихъ подобный вопросъ простымъ и не требующимъ дальнихъ разсужденій, но на самомъ дѣлѣ вопросъ этотъ касается важной проблемы, надъ которою трудились величайшіе умы въ древности, которая и теперь имѣетъ первостепенное значеніе въ наукѣ. Сущность вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: все ли въ дѣйствительности измѣняется, или же есть нѣчто неизмѣнное, и если есть неизмѣнное, то какъ разграничить это неизмѣнное отъ измѣняемаго? Въ настоящее время, какъ извѣстно, господствуетъ въ цѣлой области наукъ, а еще болѣе въ общественномъ сознаніи теорія, сущность которой въ томъ именно и заключается, что она признаетъ измѣняемымъ и то, что прежде считали неизмѣннымъ (виды животныхъ и растеній). Если слѣдовать этой теоріи, то является неизбѣжнымъ тотъ выводъ, что среди всеобщаго потока измѣняемости одна лишь матерія, какъ общая основа всѣхъ формъ бытія, остается въ существѣ своемъ неизмѣнною. Такимъ образомъ даже теорія, утверждающая повсюдную измѣняемость формъ бытія, должна однако признать нѣчто неизмѣннымъ. Утверждаютъ, что это неизмѣнное начало есть матерія. Но всматриваясь въ условія существованія вещей, не слѣдуетъ ли, наоборотъ, придти къ тому заключенію, что матерія именно

и есть текуцій, самый измѣнчивый элементъ во всякомъ организованномъ оформленномъ существованіи? Матеріальный составъ въ каждомъ живомъ существѣ непрерывно обновляется и никогда не остается тѣмъ-же. Можно замѣтить на это, что матеріальныя частицы, хотя дѣйствительно постоянно измѣняютъ форму своего существованія, переходя изъ одной формы въ другую, однако при этомъ сами остаются неизмѣнными. Но теперь найдено, что и силы точно также измѣняютъ лишь форму своего проявленія, а въ сущности сохраняются, или иначе сказать, сохраняется всегда одно и то же количество силы, ибо всѣ силы сводятся къ одной силѣ движенія. Итакъ очевидно для насъ, то и есть постоянно существующее, остающееся неизмѣннымъ, что мы можемъ прослѣдить въ различныхъ формахъ существованія, находя это нѣчто, переходящее изъ одной формы въ другую, постоянно равнымъ самому себѣ; а за всѣмъ ли мы точно также можемъ прослѣдить въ непрерывно продолжающемся ряду видоизмѣненій? А въ особенности, можемъ ли мы указать съ такою-же точностію многочисленныя ряды видоизмѣненій, пройденныхъ различными формами духовной жизни, дабы съ увѣренностію можно было утверждать, что въ этомъ ряду измѣненій каждая изъ такихъ формъ имѣетъ свое опредѣленное начало и свой конецъ? Невозможность представить хотя-бы важнѣйшіе моменты предполагаемаго процесса образованія различныхъ формъ духовной жизни очевидна уже изъ того, что для подобнаго рода процессовъ предполагаютъ огромныя періоды времени, какъ будто то, что хотятъ объяснить, сдѣлается понятнѣе, если только будетъ отодвинуто въ неопредѣленную даль время. Но для насъ достаточно пока и того, что даже, по теоріи Дарвина, измѣненія важнѣйшихъ основныхъ формъ бытія совершаются съ такою медленностію, что исторію таковыхъ измѣненій слѣдуетъ считать даже не вѣками, а тысячелѣтіями и болѣе. Столь медленно происходяція перемѣны можно и даже должно совсѣмъ не брать въ расчетъ, когда дѣло идетъ о перемѣнахъ, въ которыхъ мы сами хотимъ быть участниками и дѣятелями. То, что считаютъ измѣняющимся лишь на протяженіи длиннаго ряда тысячелѣтій, мы можемъ смѣло принимать за неизмѣнное и долженствующее оставаться таковымъ.

Впрочемъ, для всего, говорятъ, есть своего рода прогрессъ. Измѣненія, совершающіяся въ началѣ съ чрезвычайно медленностію, затѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ускоряютъ свой темпъ, и въ особенности это должно сказать относительно формъ жизни человѣческой. Но отъ чего же зависитъ этотъ ускоренный ходъ измѣненій? Не отъ чего болѣе, какъ только отъ насъ самихъ. Что должно совершиться по необходимымъ законамъ природы, можетъ быть ускорено нашимъ содѣйствіемъ. И такъ, хотя природа наша подлежитъ необходимымъ законамъ, но въ свою очередь мы можемъ оказывать вліяніе на эти законы, которое можетъ либо замедлить либо ускорить ихъ дѣйствіе; значить въ границахъ, опредѣляемыхъ этими законами, есть мѣсто и для нашего произвола. Къ чему же тогда ссылаться на необходимые законы?—Законы измѣняемости, будто бы раскрытые теоріею Дарвина, нашего произвола не устраняютъ. И такъ, пусть себѣ эти законы дѣйствуютъ, а мы все же должны предложить себѣ вопросъ, чѣмъ же намъ руководиться въ своемъ стремленіи къ прогрессу? Для того, чтобы желаемое нами усовершеніе жизни дѣйствительно было не упадкомъ, а усовершеніемъ, для того необходимо чѣмъ-либо руководствоваться въ указаніи путей и средствъ къ усовершенію. Такой надежный руководитель можетъ быть данъ только исторію, доселѣ пережитою государствомъ и народомъ, такъ какъ исторія показываетъ, что и какъ *измѣнялось* и что оставалось *неизмѣннымъ*, что легло въ основу государственной жизни и быта народнаго и должно поэтому оставаться неприкосновеннымъ. Значить, не въ томъ дѣло, чтобы только не стоять на мѣстѣ, а двигаться впередъ. Нужно еще знать, куда мы движемся, и воздержаніе отъ движенія неправильнаго не есть застой, а ручательство истиннаго прогресса,—т. е. преуспѣянія въ тѣхъ границахъ, въ какихъ это преуспѣяніе и возможно и потребно.

Выше было показано, что характеристическія свойства теоретической и практической дѣятельности глубоко раздѣляютъ эти дѣятельности одну отъ другой. Далѣе мы видѣли, что при всемъ томъ и чисто теоретическія воззрѣнія далеко не безраз-

личны въ отношеніи практическомъ, что слѣдовательно и теоретическая дѣятельность должна подлежать нѣкоторымъ ограничительнымъ условіямъ, истекающимъ изъ практической необходимости, тѣмъ болѣе, что есть особый видъ теоретической дѣятельности, столь близко соприкасающійся съ интересами практическими, что въ разногласіи мнѣній, развиваемыхъ *теоретически* (т. е. съ цѣлю обстоятельнаго выясненія относительной ихъ основательности или неосновательности, а не прямо въ видахъ приложенія въ практической жизни) отражается борьба интересовъ чисто практическихъ. И такъ, съ начала мы указали на противоположность и раздѣленіе дѣятельности практической и теоретической, теперь же мы видимъ связь между ними. Поэтому должны быть очевидно пункты соприкосновенія, общія для той и другой дѣятельности; должно быть извѣстное соотношеніе между ними. Въ чемъ оно состоитъ?

Прежде всего очевидно, что логическіе законы имѣютъ одинаково обязательную силу какъ для теоретика, такъ и для практика. Принятіе противорѣчающихъ, взаимно исключающихъ намѣреній и рѣшеній столь же несообразно, какъ и противорѣчивое рѣшеніе вопроса въ теоріи. Согласіе съ самимъ собою и послѣдовательность необходимы тамъ и здѣсь; равнымъ образомъ какъ въ теоріи необходима основательность, такъ и на практикѣ всякое рѣшеніе должно оправдываться достаточными мотивами. Требованіе согласія и послѣдовательности во всѣхъ принимаемыхъ за истину представленіяхъ и воззрѣніяхъ выполняется теоретически чрезъ построеніе системы, чрезъ установленіе правильной связи между отдѣльными положеніями и понятіями. Равно и въ практической сферѣ дѣятельность должна быть развиваема по извѣстному плану, иначе будетъ имѣть неустойчивый и случайный характеръ. Вотъ почему для приготовления и къ дѣятельности теоретической, и къ дѣятельности практической одинаково необходимо прежде всего формальное развитіе умственныхъ способностей. И такъ, мы нашли пункты соприкосновенія между дѣятельностію теоретическою и практическою, смотря на дѣло съ теоретической точки зрѣнія. Разсматривая тотъ же вопросъ съ точки зрѣнія практической, мы также найдемъ связь между обоими видами дѣятельности.

Принципъ практической дѣятельности, какъ показано выше, заключается въ идеѣ пользы. А развѣ нельзя также находить полезною и дѣятельность теоретическую? Конечно, теоретикъ всего менѣе въ своихъ изысканіяхъ долженъ руководиться идеею пользы, но тогда-то именно и оказывается наиболѣе полезною, благотворною дѣятельность теоретическая, когда представители ея наименѣе помышляютъ о пользѣ. Выше указано на то, въ какой степени не безразлично, какого рода теоретическія воззрѣнія будутъ наиболѣе въ ходу въ жизни практической. Но независимо отъ самыхъ воззрѣній, предлагаемыхъ теоретиками, правильно развивающійся духъ теоретической дѣятельности не можетъ не оказывать благотворнаго воздѣйствія на общественное сознаніе, пробуждая и поддерживая въ немъ стремленіе къ истинѣ, потребность идеала, потребность относиться ко всему сознательно и разумно, не давая воли личнымъ страстямъ. Однимъ словомъ, и теоретическая и практическая дѣятельность представляютъ различныя виды дѣятельности *общественной*. Отсюда понятія объ обществѣ и жизни общественной не могутъ не оказывать своего вліянія на направленіе и характеръ той и другой дѣятельности. Поэтому мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію различныхъ взглядовъ на общество.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ)

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО VI *).

БОГЪ ОБИТАЕТЪ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ. ЛѢСА, РѢКИ И ВСѢ ТВОРЕНІЯ УКАЗЫВАЮТЪ
НАМЪ НА БЫТІЕ БОГА.

Ты совершаешь дѣло вполне доброе и для тебя спасительное, если твердо продолжаешь идти къ образованію въ себѣ добраго настроенія; безразсудно—только желать добродѣтели, когда въ твоей власти осуществить ее. Нѣтъ нужды простирать руки къ небу, и умолять привратника, чтобы онъ допустилъ насъ ближе къ кумиру, какъ-бы для того, чтобы лучше могли быть выслушаны наши просьбы: близъ тебя есть Богъ, Онъ съ тобою, внутри тебя! Да, Луцилій, я утверждаю, что въ насъ обитаетъ нѣкій святой духъ, который хранитъ все доброе и наблюдаетъ за всѣмъ дурнымъ въ насъ; по мѣрѣ того, какъ мы внимаемъ ему, и онъ управляетъ нами. Безъ Бога никто не можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ человѣкомъ: развѣ можетъ кто-нибудь стать выше всѣхъ случайностей, если не будетъ укрѣпленъ Его помощію? Онъ даетъ совѣты возвышенные и прямодушные. Во всѣхъ добродѣтельныхъ людяхъ Богъ обитаетъ; но что есть Богъ—опредѣлить намъ не дано.

Если ты встрѣтишь густой лѣсъ, гдѣ почтенныя многолѣтнія деревья поднимаютъ высоко къ небу свои верхушки и густотою своихъ вѣтвей, простирающихся одни надъ другими, скрываютъ видъ неба; тогда это пышное величіе лѣса, эта та-

*) Ер. 41.

инственная тишина мѣста, и этотъ сплошной и непрерывный мракъ, рядомъ съ солнечнымъ мѣстомъ столь удивительный, заставляютъ тебя вѣровать, что существуетъ Богъ. Увидишь-ли ты громадной вмѣстимости пещеру, рукою природы, а не человѣческимъ искусствомъ вырытую,—пещеру, надъ которой виситъ цѣлая гора, опирающаяся на рыхлые и щелистые камни,—видъ этого зрѣлища потрясаетъ тебя, рождая чувство зависимости отъ Божества. У насъ (*римлянъ*) чтутъ устье рѣкъ; воздвигаютъ алтари тамъ, гдѣ сокровенной силой вырывается изъ нѣдръ земли вдругъ цѣлая рѣка; горячіе ключи внушаютъ намъ священное почтеніе; даже озера иныя сдѣлались для насъ священными ради своей мрачной таинственности или неизмѣримой глубины. Когда увидишь ты человѣка, безстрашнаго въ опасностяхъ, нетронутаго страстями, счастливаго въ самомъ несчастіи, спокойнаго и въ радости и въ горѣ, взирающаго на людей съ возвышенной точки и чувствующаго близость Божества,—не охватитъ ли тебя нѣкоторое почтеніе къ нему? Не говори тогда: эта душа слишкомъ высока и величественна, такъ что нельзя и подумать, чтобы нѣчто подобное можно было найти въ такомъ маленькомъ тѣлѣ. Сила Божественная снизошла на него. Она—эта Божественная сила—и вдохновляетъ душу, возвышенную и чуждую крайностей, относиться къ вещамъ спокойно, какъ стоящимъ ниже ея и пренебрегать все то, чего мы боимся или къ чему направляемъ наши возжеланія. Дѣло столь великое не можетъ стоять твердо безъ Божественнаго покровительства. Вотъ почему лучшею своею частию такой человѣкъ пребываетъ тамъ, откуда онъ происходитъ. Какъ лучи солнца, хотя и касаются земли, но пребываютъ тамъ, откуда они посланы; такъ великая и святая душа, которая послана въ эту земную юдоль, дабы показать намъ ближе Божественное, хотя и вращается среди насъ, но тяготеетъ болѣе къ мѣсту своего происхожденія; ея взоры и воздыханія устремляются къ *Небу*, отъ котораго она зависитъ. Для нашихъ же душъ она свѣтитъ, какъ образецъ правственной красоты.

Но что это за великая душа? Это есть душа, которая блеститъ лишь добродѣтелями, свойственными ей. Ибо что мо-

жетъ быть нелѣпѣе, какъ хвалить человѣка за то, что не принадлежитъ ему или удивляться тому, что можетъ въ одно мгновеніе очутиться въ рукахъ другаго. Золотая узда не сдѣлаетъ коня лучшимъ. Левъ съ украшенной золотомъ гривой, послѣ того, какъ его укротятъ и утомленіемъ принудятъ терпѣть на себѣ украшенія, выступаетъ передъ нами *на аренѣ* совсѣмъ иначе, чѣмъ непокоренный, сохранившій въ цѣлости свой природный нравъ. Этотъ дикій звѣрь, полный ярости, тѣмъ больше привлекаетъ взоры, чѣмъ онъ страшнѣе; украшеніемъ ему служить то, что всѣ на него смотрятъ со страхомъ; и *въ глазахъ людей* онъ выше стоитъ, чѣмъ тотъ, ослабленный и разукрашенный золотыми привѣсками. Мы должны гордиться лишь тѣмъ, что намъ принадлежитъ. Любуются виноградной лозой, когда она, обремененная плодами, пригибаетъ подпорки къ самой землѣ; предпочтетъ-ли кто этой ту виноградную лозу, на которой висятъ и ягоды и листья золотыя? Истинное достоинство виноградной лозы—плодоношеніе; такъ точно и въ человѣкѣ то заслуживаетъ почтенія, что составляетъ его собственность. Иной имѣетъ красивыхъ слугъ, великолѣпный домъ, производитъ большія запашки и много получаетъ доходовъ; но все это около него находится, а не въ немъ самомъ. Не этому *добрѣ* завидуй, а тому, которое нельзя ни дать, ни похитить, которое принадлежитъ человѣку лично.

Ты спросишь, что должно разумѣть подъ этимъ лично принадлежащимъ человѣку *добротѣ*? Я скажу: его душу и разумъ совершенный въ этой душѣ. Человѣкъ есть существо мыслящее, одаренное разумомъ; такимъ образомъ его благо достигнетъ высшей полноты, если онъ осуществитъ то, для чего родился. Чего же требуетъ отъ него разумъ? Онъ требуетъ не труднаго: жить сообразно съ природой; но общее неразуміе сдѣлало эту задачу трудной: мы другъ друга толкаемъ на путь пороковъ. Какъ можно воззвать къ здоровой жизни тѣхъ, которыхъ увлекаетъ міръ, не находя противодѣйствія ни въ комъ?

ПИСЬМО VII *).

ДОМА ДОЛЖНО ЖИТЬ ТАКЪ, КАКЪ ЕСЛИ БЫ МЫ ЖИЛИ ВСЕГДА ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Ты спрашиваешь, какъ до меня дошло и кто могъ сообщить мнѣ о твоихъ мысляхъ, о которыхъ ты никому не рассказывалъ? Это— тотъ, кто знаетъ больше всѣхъ— молва народная. Какъ это,—спросишь ты,—развѣ я человѣкъ столь значительный, что мое имя въ состояніи производить толки? Тебѣ нѣтъ нужды оглядываться на *Римъ* и цѣнить себя съ точки зрѣнія этого мѣста; сосредоточь свое вниманіе на томъ мѣстѣ, гдѣ ты теперь постоянно живешь **). Все, что выдается въ ряду ближайшихъ предметовъ, велико только въ томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается. Величіе не имѣетъ опредѣленныхъ границъ; при сравненіи оно увеличивается или уменьшается. Корабль, который великъ на рѣкѣ, въ открытомъ морѣ очень малъ; кормовое весло, которое велико для одного какого-нибудь корабля, можетъ оказаться малымъ для другаго. Какъ бы ты ни цѣнилъ себя, въ управляемой тобою области ты теперь великъ; что ты ни дѣлаешь, какъ обѣдаешь, какъ проводишь ночь,—все это дѣлается предметомъ толковъ и всѣмъ извѣстно.

Вотъ это-то и обязываетъ тебя дать жизни правильное теченіе. Ты тогда будешь имѣть право считать себя счастливымъ, когда будешь въ состояніи жить въ виду всѣхъ, и стѣны твоего дома будутъ прикрывать тебя отъ погоды, а не скрывать; между тѣмъ какъ между людьми больше такихъ, которые воображаютъ, что стѣны домовъ воздвигнуты не ради здоровья и безопасности, но дабы мы могли привольнѣе грѣшить. Я скажу тебѣ нѣчто, по чему ты можешь судить о растлѣніи нашихъ нравовъ: едва-ли ты найдешь человѣка, который могъ бы жить съ раскрытыми дверями. Не тщеславіе ставить у нашихъ дверей привратниковъ, а наша совѣсть. Ибо мы такъ живемъ, что увидѣтъ насъ вдругъ, безъ предувѣдомленія значитъ привести насъ въ замѣшательство. Но какая польза скрываться и избѣгать людскихъ глазъ и ушей? Челю-

*) Ер. 43.

***) Луциій былъ тогда намѣстникомъ Сициліи.

вѣкъ съ доброю совѣстью самъ окружаетъ себя людьми; напротивъ, человѣкъ, сознающій за собою злое, томится и страдаетъ въ уединеніи. Если твои дѣйствія безупречны, пусть знаютъ ихъ всѣ; постыдны-ли они, какая важность въ томъ, что ихъ никто не знаетъ, когда самъ-то ты ихъ сознаешь? Жаловъ ты, если не цѣнишь столь важнаго свидѣтеля!

ПИСЬМО VIII *).

УЕДИНЕНІЕ ПРИЛИЧНО ТОЛЬКО МУДРЕЦУ. ВЪ НАШИХЪ МОЛИТВАХЪ КЪ БОГУ МЫ МОЖЕМЪ ПРОСИТЬ ТОЛЬКО ТОГО, О ЧЕМЪ МОЖЕМЪ ПРОСИТЬ ОТКРЫТО.

Да, я не отказываюсь отъ своихъ мыслей: избѣгай большихъ собраній, удаляйся и отъ малыхъ, устранийся даже отъ близости съ однимъ избраннымъ. Я не могу представить, съ кѣмъ бы ты могъ вести знакомство. И посмотри, куда ведетъ моя мысль и то довѣріе, которое я къ тебѣ питаю: я желаю лучше оставить тебя въ твоемъ собственномъ распоряженіи. Кратесъ *), слушатель Стильпона, о которомъ я упомянулъ въ предъидущемъ письмѣ, говорятъ, встрѣтилъ однажды юношу, который прогуливался вдали отъ всѣхъ. Кратесъ спросилъ у него, что онъ тутъ дѣлаетъ одинъ. „Бесѣдую съ самимъ собой“ — былъ отвѣтъ. „Будь остороженъ, возразилъ на это Кратесъ, и внимательно посмотри, прошу тебя, не находишься-ли ты въ дурномъ обществѣ, бесѣдуя съ самимъ собою“.

Люди обыкновенно присматриваютъ и составляютъ общество для людей, оплакивающихъ умершихъ или подавленныхъ страхомъ какого-либо несчастія, дабы они не воспользовались уединеніемъ ко вреду себѣ: нельзя оставлять одного съ самимъ собой человѣка, который потерялъ свое умственное око. Въ такихъ случаяхъ всегда являются худыя мысли и планы и возмущаютъ душу: человѣкъ создаетъ тогда въ своемъ воображеніи различныя опасности, угрожающія себѣ или другимъ; тогда

*) Ер. 10.

***) Котораго изъ различныхъ философовъ этого имени должно здѣсь разумѣть — рѣшить нельзя. Какъ объ ученикѣ мегарца Стильпона, упоминаетъ объ немъ Діогенъ Лаертій, 11, 12.

унизительныя страсти вступаютъ между собою въ бой; тогда душа выставляетъ наружу все, что скрывала она изъ страха или стыда; тогда поднимаетъ кверху голову безразсудная смѣлость, увеличиваются безумныя пожеланія, подталкиваетъ человѣка къ худому гнѣвъ. Даже всѣ удобства уединенія—эта возможность никому не повѣрять тайны и не бояться никакого свидѣтеля—пропадаютъ даромъ: человѣкъ въ уединеніи измѣняетъ самому себѣ.

Итакъ, поразмысли о томъ, какую надежду возлагаю я на тебя, или лучше: какія поручительства я дѣлаю самому себѣ (ибо надежда есть неувѣренное ожиданіе какого-либо блага). Я не нахожу никого, съ кѣмъ бы ты могъ быть въ лучшемъ обществѣ, кромѣ тебя самого: я повторяю въ памяти когда-либо произнесенныя тобою слова, полныя такого благороднаго мужества и силы. *При этомъ* я тотчасъ-же поздравляю себя и говорю самому себѣ: не съ кончика языка вышли эти слова; они глубоко обдуманы. Этотъ человѣкъ не одинъ изъ многихъ, не изъ толпы. Помыслы его устремлены къ тому, что разумно.

Такъ *всегда* говори, такъ и живи: бойся потерять бодрость въ какомъ-либо дѣлѣ. Когда возблагодаришь Бога за исполненіе твоихъ прежнихъ молитвъ, не страшись обратитъ снова взоры къ небу: проси здравыхъ мыслей, добрыхъ расположеній, а затѣмъ и здоровья тѣла. Не смущайся тѣмъ, что ты часто обращаешься съ мольбами къ Богу—ты можешь дерзновенно возносить мольбы къ Богу, если не будешь въ нихъ посягать на чужое добро и благо.

Желая послать тебѣ, по своему обычаю, письмо съ подарочкомъ, я прибавлю теперь, что я вычиталъ у Атенодора *): „Знай, что ты тогда будешь свободенъ отъ всякихъ пожеланій, когда достигнешь до такого пункта, что будешь просить Бога только о томъ, о чемъ могъ бы просить открыто“. А теперь—какъ люди безразсудны! Они возносятъ Богу моленія самыя недостойныя, и это они дѣлаютъ шопотомъ; если кто

*) Стоякъ изъ Тарса, который жилъ въ Римѣ, какъ другъ и совѣтникъ Октавіана и оставилъ многочисленныя сочиненія, изъ которыхъ сохранились только небольшіе отрывки.

прислушается—они умолкнуть, и между тѣмъ, то, что скрываютъ отъ людей, они возвѣщаютъ Богу. Итакъ разсуди, не слѣдуетъ ли принять въ руководство это спасительное правило: живи съ людьми такъ, какъ если бы Богъ тебя видѣлъ, а съ Богомъ бесѣдуй такъ, какъ ты сталъ бы бесѣдовать, если бы тебя слышали люди.

ПИСЬМО IX *)

ЧЕЛОВѢКЪ ДОЛЖЕНЪ ЗАБОТИТЬСЯ О ТѢЛѢ И О СОХРАНЕНИИ ЖИЗНИ, ТОЛЬКО
ЗАБОТА ЭТА НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ЧРЕЗМѢРНОЮ.

Признаюсь, Луцилій, что намъ врождена любовь къ нашему тѣлу и что мы *по праву* ухаживаемъ за нимъ. Я не буду говорить, что мы не должны заботиться о немъ; но скажу, что мы не должны рабски служить ему. Многимъ служить тотъ, кто служить тѣлу, кто чрезмѣрно боится за него, кто всѣ заботы (все) переноситъ на него. Мы должны вести себя не такъ, какъ будто мы должны жить (только) ради тѣла,—а такъ, какъ будто мы не можемъ жить безъ него. Чрезмѣрная любовь къ тѣлу приноситъ намъ страхъ, беспокоитъ насъ и (даже) безчеститъ. Для того, кому слишкомъ дорого тѣло, добродѣтель ничтожна. Должно, какъ можно тщательнѣе, заботиться о тѣлѣ, но такъ однако, чтобы, по требованію разума, ради сохраненія *своего* достоинства и во имя вѣрности въ исполненіи обязанностей, не жаль было идти съ нимъ въ огонь. Тѣмъ не менѣе мы должны, на сколько возможно, избѣгать не только опасностей, но и неудобствъ для тѣла, охранять его, размышляя всякій разъ о томъ, какъ бы устранить отъ него все, что можетъ быть для него опаснымъ. Если не ошибаюсь, есть три рода предметовъ такого рода: опасна бѣдность, опасна болѣзнь, опасно все то, что можетъ причинить сила могущественнаго человѣка. Изъ всѣхъ этихъ трехъ возбуждаетъ въ насъ страхъ болѣе всего послѣднее, потому что оно приходитъ съ великимъ шумомъ и тревогою. Бѣдствія, которыя зависятъ отъ природы и о которыхъ я выше упомя-

*) Ер. XIV.

нуль, какъ бѣдность и болѣзнь, приходятъ незамѣтно, чело-
вѣкъ не видитъ и не слышитъ, какъ они приходятъ, а пото-
му онѣ и не возбуждаютъ въ немъ страха, — между тѣмъ какъ
послѣднее бѣдствіе является съ великою торжественностію.
Мечъ, огонь, цѣпи и стая звѣрей, которыми онъ травитъ лю-
дей, окружаютъ его. вмѣстѣ съ этимъ имѣй въ виду темницу,
кресты, пытки *), крюкъ **). . . , колесницы, посредствомъ ко-
торыхъ, направляя ихъ въ разныя стороны, разрывали члены,
ту тунику (рубашку), пропитанную и сотканную изъ того, что
питаешь огонь ***), и многія другія, кромѣ этихъ, выдумки же-
стокости ****). Неудивительно, поэтому, если величайшій страхъ
возбуждаетъ то, что обладаетъ такимъ разнообразіемъ и что
имѣетъ столь ужасныя приспособленія. Какъ палачъ тѣмъ
сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе *тѣхъ, которые должны
подвергнуться пыткамъ*, чѣмъ болѣе выставляетъ орудій пытки
(вѣдь однимъ видомъ бывають пораженны тѣ, которые терпѣ-
ливо перенесли бы боль), такъ и изъ тѣхъ *обстоятельствъ*,
которыя поработаютъ и гнетутъ нашъ духъ, сильнѣе тѣ, ко-
торыя болѣе видимы. Голодь, боль желудка, жгущая всѣ внут-
ренности лихорадка не менѣе тяжкія страданія, *какъ и тѣ,*
которыя причиняетъ сила могущественнаго челоука, но они
дѣйствуютъ скрыто, у нихъ нѣтъ ничего страшнаго, чѣмъ бы

*) Esculeus или equuleus — переведенное нами на русскій языкъ словомъ „пыт-
ки“ — собственно значить „жеребенокъ“. Въ данномъ случаѣ подъ этимъ сло-
вомъ должно разумѣть сдѣланную на подобіе лошади дыбу, къ которой привязи-
вали приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію.

**) Крюкъ, къ которому прикрѣпляли приговореннаго къ смерти преступника
или уже казненнаго, чтобы тащить его къ Тибру по scala gemonia, т. е. по
лѣстницѣ, возбуждающей стоны или вздохи. какъ называли ту кругую лѣстницу,
по которой спускали этихъ преступниковъ.

***) Такая туника или рубашка употреблялась во времена римскихъ императо-
ровъ для приговоренныхъ къ истязанію и казни посредствомъ огня. Она приго-
товлялась, обыкновенно, изъ льна и пропатывалась смолою. Исидоръ описываетъ
эту тунику и, называя её culleum, говоритъ: tunicam fuisse ex sparto, in po-
dum scuminae factam, et solitam liniri pice et bitumine. Въ эту тунику одѣва-
ли несчастныхъ и зажимали. Въ народѣ ее называли „molesta tunica“.

****) Этимъ перечнемъ орудій пытки и казни, которыя, по мнѣнію Сенеки, дол-
жны возбуждать опасенія въ каждомъ, философъ характеризуетъ свое время,
когда господствовалъ интрига и полный произволъ людей сильныхъ и когда, по-
этому, не былъ безопасенъ никто. Самъ философъ, какъ извѣстно, сдѣлался жерт-
вою интриги и произвола того времени.

они могли угрожать намъ, чтобы выставить предъ собою на показъ; между тѣмъ какъ эти послѣднія, какъ великое войско, побѣждаютъ насъ однимъ видомъ и вооруженіемъ. И такъ, постараемся воздержаться отъ нанесенія обидъ. Иногда мы должны бояться народа; иногда—влиятельныхъ людей, если государство такъ устроено, что большая часть дѣлъ проходитъ чрезъ сенатъ; иногда—отдѣльныхъ личностей, которымъ дана власть надъ народомъ. Нужно стараться, чтобы всѣ эти были друзьями; достаточно (даже) не имѣть враговъ. Мудрецъ поэтому никогда не вызоветъ гнѣва сильнаго, даже будетъ избѣгать его, какъ бури во время плаванія по морю. Отправляясь въ Сицилію, ты долженъ переѣхать проливъ. Безразсудный кормчій не обращаетъ вниманія на грозный южный вѣтеръ, который сильно дуетъ въ сицилійскомъ морѣ и образуетъ водоворотъ. Не направляетъ онъ корабль свой въ лѣвому берегу, а къ тому, вблизи котораго бушуетъ Харибда *). Напротивъ осторожный кормчій спрашиваетъ людей, знающихъ мѣстность, каково бываетъ (въ этомъ проливѣ) волненіе, что предвѣщаютъ облака, и держитъ свой курсъ далеко отъ той стороны, которая прославилась своимъ водоворотомъ. Такъ поступаетъ и мудрецъ: онъ избѣгаетъ могущей повредить ему силы, стараясь при этомъ *дѣйствовать такъ*, чтобы было незамѣтно, что онъ избѣгаетъ. Часть безопасности заключается уже въ томъ, чтобы неоткрыто стремиться къ ней, потому что (явно) охудается то, чего избѣгаютъ. И такъ, нужно намъ обдумать то, какъ обезопасить себя со стороны толпы. Во-первыхъ не будемъ желать ничего изъ того, чего желаетъ толпа, потому что между соискателями бываетъ вражда. Затѣмъ не будемъ имѣть ничего такого, чтобы можно было отнять у насъ съ большею выгодною для грабителя. Пусть на нашемъ тѣлѣ будетъ какъ можно менѣе такихъ предметовъ, которыя можно бы было снять какъ добычу. Никто или очень немногіе проливаютъ человѣческую кровь ради ея самой; руководятся болѣе разсчетами, нежели дѣйствуютъ изъ ненависти. Разбой-

*) У праваго берега сицилійскаго пролива образуется сильный и опасный водоворотъ, который древніе называли Харибдоу. Понадавшій въ Харибду корабль, обыкновенно, подвергался крушенію и разбивался въ дребезги.

никъ пропускаетъ мимо человѣка одѣтаго дурно (нагаго); бѣднѣе покоенъ даже на пути, на которомъ устроена засада.

Далѣе, по древнему правилу, нужно имѣть въ виду три предмета, которыхъ нужно избѣгать: ненависть, зависть, презрѣніе. Какъ это сдѣлать, укажетъ одна мудрость. Трудно сохранить средину; нужно опасаться, чтобы изъ страха впасть въ зависть не впасть въ презрѣніе, чтобы, при нежеланіи попирать ногами (другихъ), не показаться такими, которыхъ могутъ попирать (другіе). Многимъ возможность быть предметомъ опасности (для другихъ) была источникомъ опасности для нихъ самихъ. Удалимся отъ этого: не менѣе вредно быть презираемымъ, какъ и быть предметомъ вниманія. Итакъ, нужно искать убѣждаща въ философіи: эта наука, не говорю у добрыхъ, — у не совсѣмъ дурныхъ людей служила вмѣсто повязки. *) Судебное краснорѣчіе и все, что дѣйствуетъ на народъ, имѣетъ своихъ противниковъ, философія-же, спокойная и занимающаяся только своимъ дѣломъ, не можетъ быть презираема, ее даже самые дурные люди предпочитаютъ всѣмъ прочимъ наукамъ. Никогда порокъ до того не усиливался, никогда не возставалъ такъ противъ добродѣтели, чтобы имя философіи не оставалось почтеннымъ и священнымъ. Впрочемъ философіей должно заниматься спокойно и быть сдержаннымъ. Ты скажешь: „что-же? кажется-ли тебѣ, что Маркъ Катонъ **), подавившій своимъ сужденіемъ междоусобную войну, сохранившій нейтралитетъ во время борьбы ожесточившихся представителей партій и, въ то время какъ одни вооружались противъ Цезаря, другіе противъ Помпея, вооружившій противъ себя обоихъ вмѣстѣ, мудрствовалъ сдержанно? Можно (глядя на него), поставить вопросъ, не долженъ-ли въ такое время мудрецъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ?“

*) Здѣсь разумѣется *головная повязка*, которую носили жрецы и которую также надѣвали на себя лица, ищущія защиты. Она служила знакомъ ихъ неприкосновенности.

**) Маркъ Порцій Катонъ Утическій, который своимъ открытымъ и честнымъ образомъ дѣйствій возбудилъ противъ себя ненависть не только со стороны Цезаря, но и Помпея. Онъ однако, въ борьбѣ этихъ честолюбцевъ изъ-за власти, присталъ къ партіи послѣдняго.

Чего ты хочешь, Маркъ Катонъ? *) Борьба идетъ не за свободу; она давно подавлена. Вопросъ идетъ о томъ, кто овладѣетъ государствомъ, Цезарь или Помпей; что тебѣ въ этомъ спорѣ? Тутъ нѣтъ твоей партіи. Избирается глава (государства): что тебѣ за дѣло, кто побѣдитъ? Можетъ быть, побѣдитъ лучший; не можетъ, не быть дурнымъ, кто побѣдитъ. **) Я коснулся дѣятельности Катона послѣдняго времени. Но и прежніе годы были не изъ таковыхъ, чтобы допускали мудреца во всѣмъ извѣстному грабежу государства ***). Развѣ не напрасно возвышалъ свой голосъ Катонъ, когда его то оплеваннаго народъ на рукахъ стащилъ съ фोरума, то изъ сената отвели въ темницу? Но мы послѣ увидимъ, должны-ли для мудреца погибнуть его усилія, а теперь я призываю тебя къ тѣмъ стоикамъ, которые, устранившись отъ государственныхъ дѣлъ, уединились съ цѣлю облагородить жизнь и, безъ всякаго столкновения съ сильнымъ создать законы для человѣческаго рода. Мудрецъ не будетъ нарушать господствующихъ общественныхъ обычаевъ и не обратитъ на себя вниманія народа новизною образа жизни. Такъ что-же? дѣйствительно-ли будетъ совершенно безопасенъ тотъ, кто послѣдуетъ этому рѣшенію? Могу обѣщать тебѣ это не болѣе, какъ воздержному, человѣку хорошее здоровье; вѣдь все-таки воздержаніе укрѣпляетъ здоровье. Иной корабль гибнетъ въ гавани; но ты вѣришь, что случается это (чаще) въ срединѣ моря? Опасность стоитъ гораздо ближе въ тому, кто много дѣлаетъ, много беретъ на себя; для него даже покой не безопасенъ. Погибаютъ иногда невинные, — кто это отрицаетъ! — но чаще виновные. Ловкость не измѣняетъ тому, у кого вооруженіе пробито. Наконецъ, мудрецъ имѣетъ въ виду во всѣхъ вещахъ цѣль, а не послѣдствія. Начало въ нашей власти, а исходъ дѣло фортуны, на которую я не имѣю вліянія.

Теперь ты протягиваешь руку за обычною данью. Я дамъ

*) Т. е. въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно предложить вопросъ Катону.

**) Такъ какъ побѣдитель сдѣлается работителемъ государства.

***) Мудрецъ долженъ удаляться отъ занятія государственными дѣлами, когда государство сдѣлается предметомъ добычи для нѣкоторыхъ лицъ, какъ это было въ Римѣ въ послѣднее время существованія республики.

тебѣ золотую монету, и, такъ какъ я упомянулъ о деньгахъ, узнай какъ можно лучше употребить ихъ. „Тотъ болѣе всего наслаждается богатствомъ, кто менѣе всего въ немъ нуждается“. Ты скажешь: укажи мнѣ автора (этого изреченія). Чтобы ты видѣлъ, какъ я благосклоненъ, я рѣшилъ хвалить чужое. Это (изреченіе) Эпикура, или Метрадора, или кого-либо изъ той школы. Да что за важность, кто сказалъ; онъ сказалъ это для всѣхъ. Кто нуждается въ богатствѣ, тотъ боится за него, а никто не наслаждается тѣмъ благомъ, которое служитъ источникомъ безпокойства; онъ старается что-нибудь прибавить къ нему, а думая объ увеличеніи, онъ забываетъ о пользованіи имъ; получаетъ счеты, безпрестанно находится на форумѣ *), перелистываетъ долговую книгу и изъ господина дѣлается управляющимъ.

ПИСЬМО X *).

ЖИЗНЬ ДОЛЖНО ИЗМѢРЯТЬ НЕ КОЛИЧЕСТВОМЪ ЛѢТЪ, А КОЛИЧЕСТВОМЪ ДОБРЫХЪ ДѢЛЪ.

Въ письмѣ, въ которомъ ты высказываешь сожалѣніе о смерти философа Метронакса **), какъ будто-бы онъ могъ и долженъ былъ жить дальше, я не вижу того спокойствія, которое присуще тебѣ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и въ каждомъ дѣлѣ; нѣтъ его у тебя только при одномъ обстоятельстве, при которомъ не бываетъ его у всѣхъ. Я знаю многихъ, которые справедливы въ отношеніи къ людямъ, и не знаю справедливаго въ отношеніи къ богамъ. Каждый день мы ропщемъ на судьбу: „почему такой-то умеръ въ цвѣтѣ жизни? отчего не умираетъ такой-то? Зачѣмъ длится его старость, тяжелая и для него, и для другихъ?“ Считаешь ли ты, скажи пожалуйста, болѣе справедливымъ, чтобы природа повиновалась тебѣ, или ты при-

*) На форумѣ похѣщались конторы банкировъ и совершались всякія денежныя сдѣлки.

*) Ер. ХСШ.

**) Объ этомъ философѣ, упоминаемомъ Сенекою не разъ, извѣстно только, что онъ жилъ и училъ въ Неаполѣ и, какъ видно изъ письма, похищенъ былъ раннею смертью.

родѣ? И что за важность, когда ты умрешь, когда во всякомъ случаѣ нужно умирать? Нужно заботиться не о томъ, чтобы прожить долго, а довольно. Чтобы жить долго, зависитъ отъ судьбы, а прожить довольно—отъ твоего рѣшенія. Жизнь продолжительна, если она полна, а полна она бываетъ, когда душа сама себѣ доставляетъ благо и сама надъ собою господствуетъ. Что пользы въ осьмидесяти лѣтахъ, проведенныхъ въ бездѣятельности? Такой человѣкъ не жилъ, а медлилъ въ жизни, не поздно умеръ, а долго умиралъ. Жилъ восемьдесятъ лѣтъ. Интересно, съ какого дня считаешь ты его смерть? А такой-то умеръ въ цвѣтушемъ возрастѣ,—но онъ исполнилъ обязанности хорошаго гражданина, добраго друга и добраго сына; онъ неустанно работалъ въ каждой области. Хотя возрастъ его и юнъ, но жизнь совершенна. Такой-то жилъ восемьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ, онъ существовалъ восемьдесятъ лѣтъ, и можно сказать о немъ въ томъ смыслѣ „онъ жилъ“, какъ говорятъ о деревьяхъ, что они живутъ. Заклинаю тебя, мой Луцилій, будемъ стараться о томъ, чтобы жизнь наша, подобно драгоценностямъ, занимала небольшое пространство, но имѣла-бы большой вѣсъ. Будемъ взвѣрять ее дѣлами, а не временемъ. Ты хочешь знать разницу между тѣмъ бодрымъ человѣкомъ, который презираетъ фортуна, исполнилъ всѣ требованія человѣческой жизни и достигъ въ ней до высшаго блага, и тѣмъ, у котораго незамѣтно исчезло много лѣтъ? Первый и послѣ смерти существуетъ, второй до смерти погибъ. И такъ будемъ хвалить и считать въ числѣ счастливицевъ того, у кого во благо употреблено время, сколь бы мало его на его долю не пришлось. Онъ видѣлъ истинный свѣтъ; онъ не былъ однимъ изъ толпы; онъ жилъ и дѣйствовалъ. Иногда бывала для него ясная погода, а иногда, какъ обыкновенно бываетъ, свѣтило солнце изъ-за тучъ. Зачѣмъ спрашивать, какъ долго онъ жилъ? Жилъ, перешелъ въ потомство и оставилъ по себѣ память. Я не откажусь отъ того, чтобы прибавилось мнѣ больше лѣтъ; но все-таки скажу, что ничего не убавится отъ счастливой жизни, если продолжительность ея сократится. Я приготовилъ себя не только къ тому дню, который слабая надежда обѣщала мнѣ какъ послѣдній, но на каждый смотрѣлъ, какъ на послѣдній. Зачѣмъ ты меня спраши-

ваешь, когда я родился, или считаюсь-ли я доселѣ между юношами? Я свое имѣю. Какъ въ маломъ тѣлѣ можетъ быть совершенный человекъ, такъ въ малое количество времени можетъ быть совершенная жизнь. Возрастъ относится къ внѣшнимъ принадлежностямъ. Сколь долго мнѣ жить, зависитъ отъ чужой власти, а сколь долго я буду человекомъ, зависитъ отъ меня. Этого требуй отъ меня, чтобы я не провелъ свой вѣкъ безславно, какъ во мракѣ, а чтобы я (дѣйствительно) жилъ, а не ѣхалъ мимо жизни. Ты спросишь: а какая самая большая продолжительность жизни? Жить до мудрости. Кто дошелъ до нея, тотъ достигъ не самой отдаленной, а самой высшей цѣли. И онъ смѣло пусть славится и пусть благодарить боговъ и, находясь между ними, и себя, и пусть вмѣнить въ заслугу природѣ то, что онъ жилъ. И это справедливо будетъ, потому что онъ возвратилъ природѣ лучшую жизнь, чѣмъ взялъ: онъ оставилъ образецъ прекраснаго человека; онъ показалъ, какой онъ и светъ великъ; и если-бы что прибавилось въ нему, это было-бы добно уже бывшему. И все-таки, пока живемъ, мы наслаждаемся познаніемъ вещей, мы знаемъ, откуда беретъ свое начало природа, какъ она упорядочиваетъ міръ, какія перемѣны бываютъ въ году, какъ она объединяетъ все, что доселѣ существовало, и полагаетъ предѣлы самой себѣ. Мы знаемъ, что звѣзды движутся своею собственною силою, что кромѣ земли все движется *) съ неизмѣнною быстротою. Мы знаемъ, какъ луна проходитъ мимо солнца, почему она, двигаясь медленнѣе солнца, оставляетъ его позади себя, какъ она заимствуетъ отъ него свѣтъ и затемняется, отчего бываетъ ночь и день. Но туда нужно идти, гдѣ поближе размотришь все это. „Но съ этой надеждою, скажетъ мудрецъ, я спокойнѣе умру, потому что я вѣрую, что мнѣ открытъ путь къ моимъ богамъ. Я даже заслужилъ, чтобы быть къ нимъ допущеннымъ, былъ уже между ними, посылалъ къ нимъ свой духъ и они присылали ко мнѣ свой“. Однако подумай, что я умираю, и послѣ смерти отъ человека ничего не останется: все-таки я равно мужественъ, хотя умираю безъ надежды на возвратъ. „Онъ (Мет-

*) Господствовавшее у древнихъ ошибочное мнѣніе, что земля стоитъ неподвижно, а всѣ небесныя тѣла движутся.

ронакъ) жилъ, скажешь ты, не столь долго, сколько могъ-бы". И книга бываетъ въ нѣсколько страницъ, а однако заслуживаетъ похвалы и полезна; а лѣтопись Танузія, знаешь, какъ была тяжеловѣсна и какъ называлась? *) Такъ и продолжительная жизнь нѣкоторыхъ бываетъ подобна лѣтописямъ Танузія. Неужели ты считаешь счастливѣе того *гладіатора*, который убитъ въ самомъ концѣ дня *гладіаторскаго сраженія*, чѣмъ того, который убитъ въ срединѣ? Неужели ты думаешь, что найдется кто-либо *изъ гладіаторовъ* столь глупо привязанный къ жизни, что пожелаетъ скорѣе умереть въ *помѣщеніи*, *гдѣ раздѣвали убитыхъ и добывали тяжело раненыхъ*, чѣмъ на аренѣ. Небольшое разстояніе отдѣляетъ насъ другъ отъ друга. Смерть никого не обойдетъ: кто убилъ, идетъ вслѣдъ за убитымъ. Ничтожно то, о чемъ съ такимъ опасеніемъ заботятся. Не все ли равно, сколь долго избѣгаешь ты того, чего избѣгнуть не можешь?

*) Большое историческое сочиненіе Танузія Гемина заслужило себѣ имя испачканной бумаги (*charta sacata*).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Февраля № 3. 1884 года,

Содержаніе: Опреѣленія св. Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, забранныхъ для монастырей Харьковской епархіи и для церквей 1-го Волчанскаго округа въ Харьковскомъ епархіальномъ заводѣ за 1883 г.—Извѣстія и замѣтки.

Опреѣленія Святѣйшаго Синода.

I. О просьбахъ объ обратномъ приѣмѣ въ духовныя семинаріи и училища уволенныхъ изъ сихъ заведеній воспитанниковъ.

Усматривая изъ производящихся въ св. Синодѣ дѣлъ, что нѣкоторые воспитанники духовныхъ семинарій и училищъ, по увольненіи изъ означенныхъ учебныхъ заведеній за малоуспѣшность и неблагоповеденіе, или сами, или же чрезъ своихъ отцовъ и родственниковъ, обращаются непосредственно въ центральное управленіе духовнаго вѣдомства съ просьбами объ обратномъ приѣмѣ ихъ въ упомянутыя заведенія, или объ оставленіи ихъ на повторительныя курсы, и принимая во вниманіе, что разрѣшеніе подобнаго рода просьбъ, на основаніи дѣйствующихъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній и разъяснительныхъ къ нимъ постановленій св. Синода, должно зависѣть отъ ближайшаго усмотрѣнія духовно-училищныхъ начальствъ, съ утвержденія мѣстнаго епархіальнаго архіерея, св. Синодъ, въ видахъ прекращенія на будущее время возникновенія въ центральныхъ управленіяхъ духовнаго вѣдомства не подлежащихъ разсмотрѣнію св. Синода дѣлъ, 16-го декабря 1883 года — 12 января 1884 года за № 2636, постановилъ: объявить во всеобщее извѣстіе, чрезъ припечатаніе въ „Церковномъ“ и „Правительственномъ Вѣстникахъ“, что всякія просьбы по вышеозначеннымъ предметамъ, въ случаѣ поступ-

ленія ихъ непосредственно въ центральныя управленія духовнаго вѣдомства, будутъ оставляемы безъ разсмотрѣнія.

IV. Отъ 14-го—24-го декабря 1883 года за № 2560 о книгѣ И. Барсунова „Инокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, отъ 8-го декабря 1883 года за № 668, журналъ Учебнаго Комитета, № 416, съ заключеніемъ Комитета, по прошенію титулярнаго совѣтника Ивана Барсукова объ одобреніи для приобрѣтенія въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній составленной имъ книги, подъ названіемъ: „Инокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“ (Москва. 1883 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ означенную книгу Барсукова одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о книгѣ Барсукова, подъ названіемъ: „Инокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“ (Москва. 1883 г.), правленіямъ духовныхъ семинарій сообщить, съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

— Къ Благовѣщенской церкви села Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ священникомъ, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Алексѣй *Поновъ*.

— Псаломщикъ Вознесенской церкви слоб. Радьковскихъ Песокъ, Купянскаго уѣзда, діаконъ Димитрій *Панкратьевъ* опредѣленъ на настоятельское мѣсто къ Іоанно-Предтеченской церкви слоб. Ивановки, Изюмскаго уѣзда.

— Діакону Рождество-Богородичной церкви слоб. Юнаковей, Сумскаго уѣзда, Гавріилу *Литкевичу* предоставлено священническое-настоятельское мѣсто при Христорождественской церкви слоб. Пятницкой, Волчанскаго уѣзда.

— Священникъ Харьковской кладбищенской Усѣкновенской церкви Тимошей *Буткевичъ* утвержденъ въ должности законоучителя при Харьковской Маріинской женской гимназіи.

— Священникъ Іоанно-Богословской церкви при Харьковской духовной семинаріи Андрей *Чиркинъ* утвержденъ въ должности законоучителя при 2-й элементарной школѣ въ г. Харьковѣ.

— Священникъ Села Ясеноваго, Лебединскаго уѣзда, Антоній *Щепанскій* утвержденъ законоучителемъ Ясеновскаго народнаго училища.

— При Старо-Покровскомъ сельскомъ училищѣ, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ законоучителемъ священникъ села Старо-Покровскаго Михайлъ *Краснокутскій*.

— Законоучитель Львовскаго сельскаго училища, Зміевскаго уѣзда, Платонъ *Стаховскій* уволенъ отъ этой должности, а священникъ села Львовки Александръ *Стаховскій* утвержденъ законоучителемъ въ упомянутое училище.

— Псаломщикъ Успенской церкви слоб. Коробочвы, Зміевскаго уѣзда, діаконъ Евлампій *Соколовскій* перемѣщенъ на псаломщичье мѣсто къ Харьковской кладбищенской Успенской церкви.

— Определены и. д. псаломщика: къ Воскресенской церкви села Харалова, Харьковскаго уѣзда потомственный почетный гражданинъ Давидъ *Акселемковъ*; къ Вознесенской церкви слоб. Радьковскихъ Цесовъ, Бупянскаго уѣзда Иванъ *Шиваровъ* и къ Троицкой церкви села Пришиба, Зміевскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ Иванъ *Троцкий*.

— Настоятель Христорождественской церкви слоб. Пятницкой, Волчанскаго уѣзда, священникъ Димитрій *Оружинскій* отрѣшенъ отъ мѣста съ запрещеніемъ священнослуженія и низведеніемъ на причетническую должность.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Сумской купецъ Герасимъ *Косиковъ* къ Тихоновской церкви села Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда; крестьянинъ Федотъ *Шириня* къ Благовѣщенской церкви села Шаровки, Богодуховскаго уѣзда; крестьяне: Иванъ *Дубенко* къ Воскресенской церкви села Булацеловки, Василій *Медвѣдь* къ Іоанно-Богословской села Гемольши, Зміевскаго уѣзда; Порфирій Федоровъ *Цынька* къ Преображенской церкви слоб. Балбасовки, Виссаріонъ *Свиридовъ* къ Георгіевской церкви слоб. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда; Симеонъ *Зубовъ* къ Троицкой церкви слоб. Большечеришевки, Стефанъ *Чекеракинъ* къ Николаевской слоб. Райгородки и Стефанъ *Гречишкинъ* къ Успенскому молитвенному дому селенія Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда.

— Старобѣльскаго уѣзда бывшіе церковные старосты крестьяне: Покровской церкви слободы Трехизбянска крестьянинъ Стефанъ *Ильиновъ*, Троицкой церкви слободы Бахмутовки крестьянинъ Сергѣй *Сычевъ* и нынѣ состоящій въ сей должности при Николаевской церкви слободы Волкодавовой Симеонъ *Вакуленко* за долговременную и усердную службу храму Божию награждены *похвальными мѣстами*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Псаломщицкія: въ слободахъ Юнаковѣ, Сумскаго уѣзда, Бѣло-церковкѣ, Купянскаго уѣзда, Ивановкѣ, Изюмскаго уѣзда, Среднемъ Бурлучкѣ, Волчанскаго уѣзда и Коробочкиной, Зміевскаго уѣзда.

Вѣдомость о количествѣ купленныхъ свѣчей въ Епархіальномъ заводѣ для церквей 1-го Волчанскаго округа и монастырей Харьковской епархіи въ 1883 году.

Соборная Троицкая церковь г. Волчанска 17 п. 31 ф. 444 р. 37 к., Успенская пригородней слободы Заводъ 4 п. 20 ф. 114 р. 50 к., Рождество-Богородичная слободы Волховки 5 п. 19 ф. 137 р. 13 к., Казанско-Богородичная слоб. Волчанскихъ хуторовъ 2 п. 28 ф. 106 р. 4 к., Рождество-Богородичная слоб. Бочковой 2 п. 24 ф. 69 р. 77 к., Сошествіевская слоб. Малой-Болчи 4 п. 37 ф. 123 р. 63 к., Вознесенская слоб. Евфремовки 4 п. 24 ф. 108 р. 75 к., Вознесенская слоб. Старо-Салтова 17 п. 21 ф. 298 р. 87 к., Богоявленская слоб. Молодовой 2 п. 35 р. 62 к., Иверско-Богородичная слоб. Бѣлаго Колодезя 8 п. 2 ф. 204 р. 75 к., Петропавловская слоб. Петропавловки 6 п. 25 ф. 165 р. 62 к., Николаевская слоб. Котовой 3 п. 38 ф. 99 р. 20 к., Андреевская села Графскаго 5 п. 9 ф. 130 р. 62¹/₂ к., Покровская слоб. Верхней Писаревки 5 п. 3 ф. 128 р. 37 к., Христорождественская слоб. Верхняго Салтова 5 п. 125 р. 40 к., Успенская слоб. Рубежной 26 п. 19 ф. 663 р. 87 к., Покровская слоб. Пассековки 5 пуд. 2⁵/₈ ф. 126 р. 64 к., Косьмо-Даміановской слоб. Терновой 4 п. 18³/₈ ф. 112 р. 35 к. Итого 134 п. 1 ф. 3195 р. 50¹/₂ к. Ахтырскимъ Свято-Троицкимъ монастыремъ 49 п. ¹/₂ ф., Старо-Харьковскимъ Преображенскимъ Куряжскимъ монастыремъ 56 п. 38¹/₄ ф., Ряснянскимъ Свято-Дмитріевскимъ монастыремъ 17 п. 10 ф., Хорошевскимъ Вознесенскимъ монастыремъ 5 п. 10 ф., Верхо-Харьковскимъ Николаевскимъ монастыремъ 3 п. 20 ф. Итого 131 п. 38³/₄ ф.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Назначеніе на епископскую кафедру.—Постриженія въ монашество двухъ студентовъ С.-Петербургской академіи.—Изъ отчета православнаго палестинскаго общества.—Дѣятельность одного приходскаго попечительства.—С.-Петербургское земство о приходскихъ попечительствахъ.—Отношеніе крестьянъ къ труженникамъ на пользу народнаго образованія.—О церковномъ пѣніи.—Обращеніе штундистовъ въ православіе.—По поводу запечатанія въ Харьковѣ раскольничей моленной.—Кіевскій епархіальный съѣздъ духовенства.—Освященіе временной часовни на Конюшенной площади.—Примѣръ безавѣтнаго служенія пастыря церкви на пользу народа.—Рѣдкое доброе дѣло.—Извѣстіе о дневникѣ митрополита Филарета.—Протопресвитеръ Успенскаго собора о. М. И. Богословскій (некрологъ).—Неурядицы и тяжбы между монашествующимъ населеніемъ Афона.—Вселенскій патріархъ и Порты.—Присоединеніе къ русскому подданству Мерва.—Нормальное положеніе о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ.—Личный налогъ.—Эввамены для вольноопредѣляющихся.—Усиленіе ветеринарнаго персонала въ Харьковской губерніи.—Вопросъ объ искусственномъ поднятїи плодородности русскихъ земель.

— Государь Императоръ, 7-й день января 1884 года, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ св. Синода о бытїи начальнику алтайской духовной миссіи архимандриту Маварію епископомъ Бійскимъ, викаріемъ Томской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ Томскѣ.

— 14-го января, въ церкви С.-Петербургской духовной академіи за всенощной совершался обрядъ постриженія въ монашество. Принимавшіе иноческій чинъ—два студента академіи: 2-го курса овдовѣвшій діаконъ Петръ Грузовъ и студентъ послѣдняго курса Михаилъ Грибановскій. Въ церкви академіи около 20 лѣтъ уже не совершалось постриженій. Постриженіе совершено на всенощномъ бдѣніи послѣ великаго славословія самимъ о. ректоромъ академіи преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ ладожскимъ. При пѣніи покаянной пѣсни „*Объявляя Отца отверсти мы потщися*“ постригаемыхъ, низко приклонившихся долу въ однѣхъ сорочкахъ, ввела въ церковь монашествующая братія, прикрывая ихъ своими мантиями и держа въ рукахъ возженные свѣчи. Послѣ молитвъ и обѣтовъ, преосвященный каждому изъ нихъ троекратно говорилъ: „*возьми ножницы и подаждь ми*“. Послѣ третьей подачи ножницъ, взятыхъ съ Евангелія, лежащаго на аналоѣ, преосвященный постригъ головы ихъ крестообразно съ молитвою, и затѣмъ при постоянномъ пѣніи „*Господи помилуй*“, сопровождавшемъ возгласы архіерея, на постригаемыхъ возложили на рамена „*параманъ*“—четырехъ-угольный платъ со шнурами и крестъ на грудь, одѣли ихъ въ подрясники, надѣли рясу, мантию и клобукъ, обули въ

туфли, дали въ руки чотви и затѣмъ каждому дали по кресту съ распятіемъ и свѣчей, держа которыя они стояли все остальное время всеобщей предъ иконами Спасителя и Божіей Матери. По окончаніи обряда, преосвященный обратился къ принявшимъ постриженіе съ рѣчью.

Послѣ всеобщей еще разъ отворились царскія врата и преосвященный благословилъ новыхъ иноковъ и поручилъ ихъ духовнымъ отцамъ, преподавъ установленное наставленіе.

— Въ общемъ собраніи членовъ православнаго Палестинскаго общества, бывшемъ 30 декабря минувшаго года, секретаремъ М. П. Степановымъ представленъ былъ отчетъ, изъ котораго заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія. Число членовъ общества достигло цифры 507. Денежныя средства увеличились съ 26 апрѣля на 61,000 р., всего въ приходѣ со времени образованія общества 129,043 р. 75 к., изъ коихъ 80,944 р. 90 к. на лицо. Изъ числа этихъ поступленій пожертвовано Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ 5,000 р., специально на предпринимаемое обществомъ изданіе путешествія по востоку Григорьевича-Барскаго, совершеннаго въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Сочиненіе это, выдержавшее въ свое время шесть изданій, было издаваемо постоянно съ выпусками и измѣненіями, соответствовавшими, по мнѣнію издателей, тогдашнему вкусу образованной публики; теперь оно стало библиографическою рѣдкостью. Новое полное изданіе въ первоначальномъ его видѣ, безъ выпусковъ и съ рисунками, сдѣланными по рисункамъ самого автора, предполагаетъ теперь сдѣлать Палестинское общество. Въ теченіе осени общество издало 3-й и 4-й выпуски своего сборника, заключающіе въ себѣ часть хожденія Даніила игумена, по списку 1496 г. съ рисунками по Хлудовскому списку XV—XVI в., и современное (1881 г.) путешествіе доктора А. В. Елисѣева на Синай. Предпринятая обществомъ, на средства своего предсѣдателя, Великаго Князя Сергѣя Александровича раскопка принадлежащаго Россіи мѣста въ Іерусалимѣ, рядомъ съ храмомъ Гроба Господня, увѣнчалась открытіемъ слѣдовъ Константиновой базилики и остатковъ стѣнъ древне-еврейской владки, съ порогомъ дверей или воротъ, ведшихъ изъ города на Голгоѳу. Это единственные открытые доселѣ остатки еврейской архитектуры внутри Іерусалима.—Заботы о русскихъ поклонникахъ выразились въ устройствѣ удешевленнаго сообщенія съ билетами III класса отъ Москвы, Кіева и Воронежа до Яффы и обратно. Благодаря содѣйствию обществъ желѣзныхъ дорогъ уда-

лось понизить проѣздную плату приблизительно на 22 р. на билетъ. Въ Іерусалимѣ, при русскихъ постройкахъ, устроенъ обществомъ складъ книгъ духовнаго содержанія, которыя продаются тамъ по московскимъ и петербургскимъ цѣнамъ. Въ видахъ достиженія главной цѣли общества—поддержанія православія въ Св. землѣ открыты обществомъ три начальныя школы въ Сѣверной Палестинѣ и возобновляются двѣ церкви. Для болѣе успѣшнаго развитія дѣятельности общества въ Палестинѣ, туда командированъ уполномоченный общества изъ православныхъ уроженцевъ Сиріи, бывшій воспитанникъ Московской духовной академіи. Продолжительная остановка въ Константинополѣ новаго патріарха іерусалимскаго удержала долѣе, чѣмъ предполагалось, уполномоченнаго въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ пребываетъ и до настоящаго времени, чтобы испросить благословеніе блаженнаго Никодима на свою дальнѣйшую дѣятельность.

Заявленія о желаніи получить уставъ общества и вступить въ члены общества, а также и пожертвованія какъ въ пользу самого общества, такъ и для бесплатнаго доставленія въ Св. землю по назначенію жертвователей, принимаются въ конторѣ Великихъ Князей, Дворцовая набережная, 32.

— Изъ Новоладожскаго уѣзда въ „Ц. О. В.“ пишутъ: „Въ нашемъ уѣздѣ приходскія попечительства учреждаются для оказанія сильной матеріальной помощи бѣднѣйшимъ поселянамъ. Помощь бываетъ какъ деньгами, такъ и жизненными продуктами. Вотъ для примѣра приходское попечительство въ С—мъ приходѣ. Предсѣдателемъ въ немъ состоитъ священникъ о. А. Д—въ, а членами—мѣстные богатые крестьяне. Это попечительство оказываетъ помощь больше хлѣбомъ, зерновымъ и молотымъ. Каждый членъ вноситъ въ попечительство извѣстную долю хлѣба, нерѣдко больше положеннаго уставомъ, и такимъ образомъ при большемъ числѣ членовъ хлѣба собирается довольно порядочное количество. Изъ этихъ членскихъ взносовъ и выдается нуждающимся потребное количество зерна или муки за деньги (по уменьшенной цѣнѣ противъ рыночной), въ долгъ или даромъ, смотря по обстоятельствамъ. Кроме того, хлѣбъ попечительскій, сравнительно съ рыночнымъ, отличается лучшимъ качествомъ и вѣрнымъ вѣсомъ (мѣшки или кули въ вѣсъ не входятъ); не малымъ облегченіемъ для крестьянъ служитъ и то, что не приходится ѣздить закупать хлѣбъ за 20, за 40 верстъ. Въ 1881 г., когда хлѣбъ на рынкахъ вздорожалъ чуть не вдвое, С—кое попечительство оказалось истинно благодѣ-

тельными учрежденіемъ чрезъ продажу хлѣба почти по своей цѣнѣ. Окрестные кулаки-купцы въ ту пору сильно были недовольны, потому что ихъ непомерныя цѣны на хлѣбъ не могли держаться и по недостатку покупателей волей-неволей падали. Священникъ и нѣкоторые изъ попечителей, на случай неурожаевъ или высокихъ цѣнъ, нарочно арендуютъ нѣсколько десятинъ лишней земли и засѣваютъ хлѣбомъ, такъ что если случится въ попечительствѣ нехватка, то ссужаютъ нуждающихся своимъ собственнымъ хлѣбомъ на одинаковыхъ условіяхъ съ ссудами изъ попечительства; если же остается излишекъ, не продаютъ, а берегутъ до слѣдующаго года. Оттого С — скій приходъ, по мѣстоположенію мало плодородный, не терпитъ недостатка въ хлѣбѣ, благодаря неуспяной заботливости и усердію своего священника и доброй помощи своихъ богатыхъ земляковъ. Такою-же почти дѣятельностью отличаются и другія приходскія попечительства; разница въ средствахъ и количествахъ пособій.

— Въ засѣданіи с.-петербургскаго уѣзднаго земства 19-го января, между прочимъ, разсматривался вопросъ о приходскихъ попечительствахъ. По отчету „Новостей“, по вопросу этому губернскимъ гласнымъ А. И. Васильевымъ была составлена и внесена въ губернское собраніе XVI очереднаго созыва записка о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ, которая и была передана въ особую комиссію. Губернское собраніе послѣдней сессіи поручило управѣ передать ее на обсужденіе уѣздныхъ земствъ съ просьбой дать ихъ заключенія по тѣмъ пунктамъ, которые касаются приходскихъ попечительствъ, какъ благотворительныхъ учреждений, и прихода, какъ церковной единицы. По разсмотрѣніи въ этомъ отношеніи записки Васильева и положенія о приходскихъ попечительствахъ, управа находила, что, не смотря на все несовершенство положенія, оно, тѣмъ не менѣе, доставляетъ попечительству возможность приносить пользу приходу, коль скоро въ средѣ самихъ прихожанъ есть лица, могущія удѣлять изъ своихъ средствъ посильныя пожертвованія для цѣлей попечительства. Приходскія попечительства обязаны заботиться о содержаніи и удовлетвореніи нуждъ приходской церкви, о томъ, чтобы приходское духовенство пользовалось всѣми предоставленными ему средствами содержанія, объ устройствѣ домовъ для церковнаго причта, объ изысканіи средствъ для учрежденія въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни пріюта и другихъ благотворительныхъ заведеній и, вообще, объ оказаніи бѣднымъ людямъ прихода возможныхъ пособій, равно какъ и о погре-

беніи неимущихъ умершихъ. Ближайшимъ источникомъ денежныхъ и, вообще, матеріальныхъ средствъ полагаются добровольныя пожертвованія отъ прихожанъ и постороннихъ. Если-бы таковыхъ пожертвованій оказалось недостаточно, то попечительство, по совѣщаніи съ почетнѣйшими прихожанами, составляетъ предположеніе о назначеніи опредѣленнаго сбора съ прихожанъ, одновременнаго или постояннаго, деньгами или натурою. Такое предположеніе предлагается на обсужденіе общаго собранія прихожанъ и, по принятіи его и составленіи о томъ приговора, дѣлается обязательнымъ для изъявившихъ по оному согласіе. По послѣднему вопросу управа полагала, что было-бы полезно, согласно предложенію Васильева, чтобы постановленіе прихожанъ о назначеніи опредѣленнаго сбора, одновременнаго или постояннаго, деньгами или натурою, и должно быть, по составленіи о томъ приговора, обязательно не только для изъявившихъ по оному согласіе, но и для всего прихода. Мнѣніе это вызвало разнородныя замѣчанія въ собраніи, причемъ гласный В. А. Евреиновъ полагалъ, что разъ дѣло касается попечительства, какъ благотворительнаго учрежденія, — вопроса объ обязательности быть не должно, существованіе же его навѣрно можетъ повлечь только раздоръ. Гласный Янковъ полагалъ, что для введенія обязательности постановленій попечительства такое, само по себѣ, представляетъ черезчуръ мало гарантіи за точность и правильность веденія его внутренняго устройства, лишеннаго необходимыхъ органовъ завѣдыванія и отправленій. Гласный Е. А. Шакѣевъ, разъяснивъ собранію основную идею Васильева о предоставленіи попечительству, кромѣ духа обособленной церковной единицы, нѣкоторыхъ правъ какъ и административной единицы, тѣмъ не менѣе, находилъ невозможнымъ и вполнѣ неудобнымъ ввести обязательность при постановленіи, что имѣло бы видъ и даже было-бы въ дѣйствительности предоставленіе приходу права учрежденія новыхъ налоговъ. Одинъ только гласный Н. А. Варгунинъ поддерживалъ предложеніе управы, ссылаясь на то обстоятельство, что обязательность эта можетъ служить чуть-ли не единственной гарантіей, что предпринятая попечительствомъ благотворительныя учрежденія не будутъ поставлены въ необходимость прекратить свою полезную дѣятельность. Поставленное на голоса мнѣніе управы объ обязательности было отклонено. Ссылаясь на ту-же записку Васильева, Е. И. Шакѣевъ внесъ на обсужденіе собранія идею Васильева о ходатайствѣ черезъ разрѣшеніе законодательнымъ порядкомъ вопроса о выборѣ священника его собственнымъ прихо-

домъ. По мнѣнію Шахѣва, ходатайство это при его исполненіи нисколько не противорѣчило-бы каноническимъ правиламъ. Собраніе единогласно приняло это предложеніе.

— О дѣятельности отдѣльныхъ лицъ на пользу народнаго образованія въ духѣ православной Церкви свидѣтельствуютъ многочисленные приговоры сельскихъ обществъ объ изъявленіи благодарности мѣстнымъ священникамъ, а иногда и учителямъ. Такъ Елганскій волостной сходъ (Вятской г.) выразилъ въ адресѣ мѣстному, священнику благодарность за то, что о. А. А. Двиняниновъ, принявъ на себя отопленіе и освѣщеніе казеннаго церковнаго дома, въ которомъ должна помѣщаться школа, склонилъ чрезъ то земскую управу къ открытію вновь закрытой было школы, и что онъ о. Д—въ съ полною заботливостію обучаетъ дѣтей (болѣе 50) закону Божію. Крестьяне-же села Введенскаго (Шуйскаго уѣзда, Влад. губ.) постановили приговоромъ изъявить благодарность учителю Н. Д. Бѣляеву за его труды по обученію ихъ дѣтей церковному чтенію и пѣнію. „Мы, замѣчаютъ крестьяне, съ любовію слушаемъ вотъ уже болѣе года, какъ дѣти наши, дѣвочки и мальчики, подъ руководствомъ вашимъ, стройно славословятъ Господа Бога въ нашемъ родномъ храмѣ; радостію радуемся, когда дитя читаетъ на клиросѣ“.

— Извѣстно, что церковно-приходскія школы привлекаютъ къ себѣ симпатіи крестьянскаго населенія тѣмъ, что обученіе въ нихъ имѣетъ характеръ церковности. Опытъ показываетъ, что и начальныя народныя училища всего болѣе могутъ зарекомендовать себя въ глазахъ крестьянъ усвоеніемъ этой-же особенности. Въ виду важнаго значенія церковнаго пѣнія для народной школы получаютъ особенный интересъ мѣры, предпринимаемыя съ цѣлію улучшенія преподаванія пѣнія. „Правит. Вѣстникъ“ сообщаетъ, что 8-го января, въ засѣданіи кievскаго общества грамотности, обсуждалось, между прочимъ, предложеніе Д. И. Цихно объ устройствѣ конкурса кievскихъ церковныхъ хоровъ и лѣтнихъ курсовъ церковнаго пѣнія для народныхъ учителей. Совѣтъ общества вполне одобрилъ эту мысль и призналъ необходимымъ для разработки плана конкурса и курсовъ образовать специальную комиссію, въ составъ которой пригласить образованныхъ музыкантовъ и знатоковъ церковнаго пѣнія, а для выясненія потребностей народной школы—представителя отъ учебнаго вѣдомства.

— Изъ отчета о состояніи Кievской епархіи за 1883 годъ видно, что въ прошломъ году было много случаевъ обращенія сектантовъ-штундистовъ въ православіе. Воздѣйствіе на обратившихся,

въ большинствѣ случаевъ, имѣло религіозно-патріотическое торжество коронаванія Государя Императора. Высокопатріотическое одушевленіе народа во время этого торжества было столь велико, что побороло религіозную рознь, и во многихъ мѣстахъ на церковныхъ молебствіяхъ православнаго населенія епархіи принимали участіе и штундисты, а нѣкоторые изъ нихъ вслѣдъ затѣмъ-же воссоединились съ Церковью, „чтобы быть, какъ выражались они, одной вѣры съ Царемъ и со всѣмъ народомъ“. Такъ, въ с. Веселый-Куть, Таращанскаго уѣзда, послѣ коронаціоннаго торжества обратилось въ православіе сразу 34 души. Когда штундисты явились тамъ на царскій молебенъ въ церковь, то священникъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой приглашалъ и штундистовъ принять участіе въ общемъ торжествѣ. На другой день послѣ коронаціонныхъ торжествъ явилось въ домъ къ священнику нѣсколько самыхъ закоренѣлыхъ штундистовъ съ просьбою принять ихъ въ православіе и некрещенныхъ изъ ихъ семействъ — окрестить.

— Въ Харьковѣ 25 декабря минувшаго года, по распоряженію мѣстной власти, запечатана раскольническая моленная и конфискованы найденныя въ ней принадлежности богослуженія. Въ этомъ фактѣ газеты усматривали прямое противорѣчіе съ извѣстнымъ закономъ 3-го мая, даровавшимъ раскольникамъ нѣкоторыя льготы. „Новости“ взялись разрѣшить это противорѣчіе и вотъ какъ объяснили его, повидимому, ознакомясь съ мотивами принятаго властью рѣшенія:

„Дѣло объясняется такъ. Законъ 3-го мая 1883 года дѣйствительно предоставляетъ раскольникамъ право творить общественныя богомолия въ жилыхъ зданіяхъ, но на открытіе раскольнической моленной каждый разъ требуется особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Харьковская-же моленная, устроенная раскольническимъ епископомъ Геннадіемъ самовольно, безъ надлежащаго разрѣшенія со стороны правительства, несомнѣнно должна была подлежать закрытію, съ конфискаціею всѣхъ ея принадлежностей.

„Законъ 3-го мая намѣренно игнорируетъ существованіе у раскольниковъ поповщинскаго толка особыхъ церковныхъ чиновъ іерархіи, какъ, на примѣръ, епископовъ, священниковъ, и т. д. Говоря о „духовныхъ наставникахъ и уставщикахъ“, совершающихъ духовныя требы у раскольниковъ, этотъ законъ положительно воспрещаетъ такимъ наставникамъ и уставщикамъ именоваться духовнымъ саномъ. Между тѣмъ, Геннадій, открыто именуя себя епископомъ, вообразилъ, что законъ 3-го мая уже самъ по себѣ дастъ

ему право на устройство моленной и на открытіе въ ней богомоленія со всѣми тѣми особенностями богослуженія, которыя присвоены въ православной Церкви епископу.

„Такова юридическая сторона дѣла. Законъ 3-го мая обставилъ дарованіе раскольникамъ установленныхъ льготъ такими условіями, которыя даютъ правительству возможность въ однихъ случаяхъ разрѣшать имъ эти льготы, а въ другихъ—не разрѣшать. Новый законъ о раскольникахъ изданъ съ такою осмотрительностью, что даже полномочія губернаторовъ въ дѣлахъ о расколѣ крайне ограничены, и разрѣшеніе этихъ дѣлъ предоставлено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непосредственно высшей власти, а именно: самому министру внутреннихъ дѣлъ“.

— Кіевскій епархіальный съѣздъ духовенства, созванный экстренно въ январѣ текущаго года, между прочимъ, рассуждалъ объ открытіи при мѣстной духовной семинаріи медицинскаго класса, съ цѣлью дать возможность будущимъ пастырямъ оказывать первую медицинскую помощь больнымъ прихожанамъ и преимущественно простыми средствами. Съѣздъ ассигновалъ выдать единовременно 300 р. на обзаведеніе медицинскаго кабинета и 300 руб. ежегодно на жалованіе врачу-преподавателю.

— 17 января состоялось освященіе временной часовни, передвинутой, 9 августа прошлаго года, съ мѣста мученической кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра Второго, на Конюшенную площадь. Она, какъ извѣстно, была настолько тѣсна и узка, что даже священнику, при отправленіи панихидъ, приходилось по необходимости стоять предъ открытой дверью. О молящихся нечего и говорить—они всѣ съ непокрытыми головами стояли подъ вѣтромъ или подъ дождемъ, или на морозѣ. Между тѣмъ, эта чтимая всѣми часовня посѣщалась и посѣщается массой молящихся, особенно въ тотъ часъ, когда совершается здѣсь ежедневная панихида священникомъ Николаемъ Гр. Смирягинымъ. О количествѣ этихъ посѣтителей можно судить по спросу отъ часовеннаго старосты стихотворенія „Вѣнокъ на могилу покойнаго Государя“, которое разошлось въ числѣ 45,000 экземпляровъ. Поэтому давно чувствовалась крайняя нужда въ закрытыхъ и теплыхъ при часовнѣ пристройкахъ для молящихся. Къ январю эти деревянные пристройки для 100 посѣтителей и помѣщеніе для двухъ сторожей кончились, какъ снаружи, такъ и внутри. Настоящимъ видомъ часовня, стоя на востокъ, напоминаетъ старинную сельскую одностолпную церковь. Предъ входомъ надъ папертью повѣшены четы-

ре мѣдныя колокола. Они повѣшены здѣсь по желанію жертвователя, священника Ярославской губ. Аристарха Израилева. Отливши на свои средства (вѣсь 7 пуд.), онъ настроилъ ихъ въ минорный аккордъ. Звонъ пріятный. Колокола эти, представляя новое изобрѣтеніе, имѣющее современемъ повліять на устройство звона въ православной Церкви, обращаютъ на себя вниманіе исключительн о всѣхъ посѣтителей. Внутри по стѣнамъ пристройки размѣщены пожертвованныя для сооружаемаго храма Воскресенія Спасителя иконы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои заслуживающія вниманія особенности или по художественной отдѣлкѣ, или по богатому окладу, или ризѣ. Особенно замѣчательна икона Божіей Матери изъ Тихвинскаго монастыря. Самая часовня старая уцѣлѣла и теперь представляетъ какъ-бы алтарь съ открытыми царскими вратами. Въ ней всѣ предметы размѣщены въ прежнемъ порядкѣ. Освященіе, въ присутствіи членовъ особой по устройству храма Воскресенія Христа, въ память катастрофы 1 марта, комиссіи, было совершено архимандритомъ Сергіевской пустыни Игнатіемъ.

— Въ „Петерб. Вѣдом.“ указанъ примѣръ беззавѣтнаго служенія пастыря церкви на пользу прихода. Въ Попехонскомъ уѣздѣ, въ с. Погорѣлкѣ, не отличающемся развитостью сельскаго населенія, которая служила бы гарантіей противъ вліянія кабака, рѣшено было крестьянами дать одному купцу приговоръ на открытіе питейнаго заведенія. Священникъ Кегитомскаго прихода, въ составъ котораго входитъ и Погорѣлка, обнаживъ голову и опустившись передъ „міромъ“ на колѣна, началъ чуть не со слезами упрашивать мірянъ, чтобы они не давали приговора на открытіе въ Погорѣлкѣ кабака и не губили сами себя. „Образумьтесь, вѣдь вы явно погибаете, — говорилъ пастырь своему стаду, униженно стоя передъ нимъ на колѣняхъ, — вы съ каждымъ днемъ глубже утопаете въ пучинѣ грѣха; кабакъ сдѣлался для васъ лучше церкви Божіей мѣстомъ, въ которое вы охотнѣе всего собираетесь для пьянства, буйства и сквернословія. Неужели не видите, какъ вы годъ отъ году раззоряетесь, пьянствуя, губя душу и тѣло? А дѣти ваши? Смотрите, они тоже слѣдуютъ вашему примѣру и погибаютъ. Образумьтесь, пока еще не поздно, бросьте пагубную привычку; повѣрьте, я, какъ пастырь, говорю, что пьяницы царствія Божія не наследуютъ. Вотъ, смотрите, я на колѣняхъ прошу васъ объ этомъ!“ Крестьяне, распившіе уже могоарычъ, не устояли и подписали приговоръ, чтобы въ нынѣшнемъ году кабака въ Погорѣлкѣ не открывать. При сопоставленіи съ такими фактами тѣмъ непріятнѣе по-

ражаетъ корреспонденція „Совр. Изв.“ изъ Гуслицъ, гдѣ, между прочимъ, сказано: въ торговыхъ селахъ гуслицкаго района, Ильинскомъ и Руднѣ, кабаки расположены на земляхъ, принадлежащихъ мѣстному причту, отъ котораго собственно и зависитъ разрѣшеніе кабацкой торговли.

— „Сельскій Вѣстн.“ сообщаетъ объ одномъ добромъ дѣлѣ, которое показываетъ, какъ много можетъ и одинъ человекъ, если онъ настойчиво и энергично стремится къ своей цѣли. Въ октябрѣ прошлаго года въ с. Обуховѣ, Клинскаго у., Московской губ., происходило скромное торжество открытія богадѣльни, устроенной отставнымъ писаремъ военнаго вѣдомства А. С. Шустровымъ на средства, собранныя отъ доброхотныхъ дателей. Будучи самъ человекомъ бѣднымъ, Шустровъ, руководимый мыслью, что всякому доброму дѣлу Богъ вспомоществуетъ, изо дня въ день ходилъ и просилъ всѣхъ, оказывавшихъ ему участіе, помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Богъ благословилъ его начинаніе, и пожертвованія вскорѣ мало-по-малу стали или присылаться, или отдаваться прямо въ руки строителю. Жертвовали преимущественно москвичи, хорошо знающіе Шустрова. Основаніе богадѣльни положено было на пустырь въ 30 саженьяхъ отъ храма Божія, близъ села Обухова, съ тѣмъ, чтобы прирѣваемые, неизлечимо-больные, слѣпые, калѣки и вообще престарѣлыя лица могли безъ всякаго затрудненія присутствовать при единственномъ утѣшеніи ихъ въ этой жизни—богослуженіяхъ. Въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ зданіе богадѣльни было отстроено на столько, что во второмъ этажѣ его можно было дать пріютъ нуждающимся, которыхъ на первый же разъ явилось около двадцати человекъ обоого пола. На постройку богадѣльни употреблено до 400 тысячъ кирпичей. Зданіе ея трехъ-этажное и на столько помѣстительно, что въ открытомъ для пріема нуждающихся второмъ этажѣ удобно могутъ помѣститься пятьдесятъ кроватей. Устройство богадѣльни обошлось по приблизительному расчету до 30.000 р. 24 октября освященіе ея совершено послѣ Божественной литургіи, при множествѣ народа. Богадѣльня открыта при самыхъ скудныхъ средствахъ. У строителя къ этому дню, какъ онъ самъ говорилъ, имѣлось два мѣшка крупъ, одинъ мѣшокъ муки пудъ коноплянаго масла и около полутора пуда снятковъ. Но это не остановило его открыть пріютъ: онъ и въ этомъ случаѣ также надѣется на помощь Божію и на добрыхъ людей, какъ надѣялся и въ то время, когда, тоже почти безъ средствъ, онъ приступилъ къ постройкѣ открытаго имъ теперь богадѣльнаго дома.

— „Новое Время“ слышало, что изъ массы неизданныхъ еще рукописей Филарета въ настоящее время, какъ слышно, готовится къ печати его собственноручный дневникъ. Онъ представляетъ небольшую тетрадь въ восьмушку обыкновенной писчей бумаги и писанъ знаменитымъ митрополитомъ то перомъ, то карандашемъ. Интересенъ онъ особенно потому, что въ немъ набросаны замѣтки о разныхъ примѣчательныхъ явленіяхъ личной духовной жизни владыки, которая до сихъ поръ представляется для всѣхъ темною. Митрополитъ записывалъ въ своемъ дневникѣ даже знаменательные сны и въ числѣ ихъ передалъ и то видѣніе, которымъ онъ былъ приготовленъ къ своей кончинѣ. Говорятъ, будто извѣстные слова—„помни 19-е число“—сказаны были ему передъ смертью (19-го ноября 1867 года) не отцомъ, какъ передавали прежде, а покойной матерью, которую онъ увидалъ съ восковою свѣчею въ рукѣ“.

— 16 января скончался въ Москвѣ престарѣлый протопресвитеръ Успенскаго собора о. Михаилъ Измаиловичъ *Богословскій*, многимъ въ Россіи извѣстный и многими уважаемый. Извѣстенъ онъ болѣе всего тѣмъ, что съ 1835 года, т. е. съ самаго основанія училища, до 50-хъ годовъ былъ законоучителемъ и профессоромъ въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ и заявилъ свой умъ, твердость, характеръ и крѣпость нравственнаго начала, и имѣлъ большое вліяніе на религіозное и нравственное развитіе первыхъ выпусковъ училища. Многие изъ бывшихъ и нынѣшнихъ государственныхъ людей ему обязаны своимъ религіознымъ образованіемъ и черезъ посредство его воспитали въ себѣ любовь къ Церкви. Какъ ученый, онъ заявилъ себя замѣчательнымъ трудомъ: „Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта“, стоившимъ въ свое время большой ученой работы, такъ какъ при изданіи этой книги не было еще русскаго перевода Библии съ греческаго и еврейскаго подлинника. Сочиненіе это и до нынѣ остается единственною въ своемъ родѣ руководственною классическою книгою. По оставленіи училища, о. Богословскій былъ назначенъ на должность главнаго священника арміи и флотовъ, а въ 1868 году переведенъ въ Москву, къ Успенскому собору. Въ Москвѣ пользовался онъ всеобщимъ уваженіемъ и въ средѣ духовенства, и въ обществѣ, но въ послѣдніе годы жизни совсѣмъ лишился силъ отъ тяжелой болѣзни.

— На Святой горѣ, какъ называютъ Аеонъ, продолжаютъ неурядицы и тяжбы между монашествующимъ населеніемъ Аеона. Газета „Кавказъ“ сообщаетъ, что грузинскіе аеонскіе монахи, вы-

тѣсенные греками изъ Иверскаго монастыря, обратились въ наше министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбою помочь имъ окончить постройку отдѣльной церкви. Государь Императоръ, по докладу статсъ-секретаря Гирса, разрѣшилъ выдать грузинскимъ инокамъ 15,000 р., съ тѣмъ, чтобы наблюденіе за правильнымъ расходоуаніемъ денегъ этихъ было поручено нашему генеральному консулу въ Македоніи, г. Якобсону. Вниманіе нашего правительства къ грузинскимъ инокамъ и состоявшееся повелѣніе о приостановкѣ передачи аѳонскихъ имѣній довѣренному аѳонскихъ монаховъ, архимандриту Герасиму, побудило греческихъ монаховъ предложить грузинамъ отыскивать свои права на Иверскій монастырь въ турецкомъ судѣ; но грузины, чрезъ своего представителя схимонаха Венедикта, подали заявленіе нашему генеральному консулу въ Солуни о разсмотрѣніи дѣла не въ турецкомъ судѣ, а въ російской судебной палатѣ, такъ какъ имѣніи Аѳонской грузинской обители находятся въ предѣлахъ Россіи. Они ходатайствуютъ о возвратѣ этихъ имѣній въ виду послѣдовавшаго въ 1881 году Высочайше утвержденнаго распоряженія министерства о передачѣ изъ вѣдѣнія казеннаго управленія имѣній въ Россійской Имперіи, принадлежащихъ Иверскому монастырю, собственникамъ этихъ имѣній.

— По послѣднимъ извѣстіямъ, султанъ не намѣренъ принять отставку вселенскаго патріарха, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаетъ и дѣлать уступокъ въ пользу вселенской Церкви. Вслѣдствіе этого въ борьбѣ православнаго патріарха съ Портою приняли участіе такіа лица, участія которыхъ никто не ожидалъ. Такъ, американскій посолъ Валласъ имѣлъ аудіенцію у султана, въ которой высказался въ пользу примирительной политики по отношенію къ вселенскому патріарху. Но агитація пошла и по греческимъ провинціямъ. Губернаторъ острова Крита, Фотіадесъ-бей, въ свою очередь, передалъ султану прошеніи критскаго населенія и критскихъ депутацій, ходатайствующихъ о сохраненіи правъ и привилегій вселенскаго патріарха и вселенской Церкви.

Между тѣмъ Порта намѣрена отпривать державамъ меморандумъ, въ которомъ объяснить причины, заставляющія ее дѣйствовать въ этомъ духѣ.

„Спб. Вѣд.“ сообщаютъ, что русскій посолъ, г. Нелидовъ, взялъ на себя неофициальное пока посредничество между Портою и вселенскимъ патріархомъ и обратился къ греческому синоду съ предложеніемъ принять измѣненную форму султанской грамоты для патріарховъ, въ виду того, что турецкое правительство дало по-

ложительное обѣщаніе принять въ уваженіе требованія грековъ относительно сохраненія за патріархомъ рѣшающаго голоса въ брачныхъ, бракоразводныхъ и другихъ дѣлахъ, входившихъ до сихъ поръ въ кругъ его вѣдѣнія. Синодъ не соглашается однако на такого рода сдѣлку. Съ другой стороны сообщаютъ, что русскій посоль имѣлъ продолжительную бесѣду съ патріархомъ, въ продолженіи которой неоднократно предлагалъ его святѣйшеству войти въ соглашеніе съ Портою относительно патріаршихъ привилегій. Г. Нелидовъ принимаетъ въ основу выработаннаго имъ проекта соглашенія слѣдующія два положенія: патріарху прежде всѣхъ другихъ властей должны быть поставляемы въ извѣстность проступки архіепископовъ и епископовъ, подлежащіе затѣмъ разбира- тельству турецкихъ судовъ; слѣдствія-же по проступкамъ священнослужителей и дальнѣйшее по нимъ производство должны подле- жать вѣдѣнію оттоманскихъ судебныхъ установленій. Синодъ и состоящій при патріархѣ свѣтскій совѣтъ рѣшили отвергнуть эту сдѣлку и потребовать возстановленія прежней формы султанскихъ грамотъ. Русскій посоль, по увѣренію константинопольскихъ телег- раммъ, употребляетъ теперь всѣ старанія, чтобы добиться согласія между Портою и патріархомъ, но въ то-же время настаиваетъ на томъ, чтобы данный султаномъ фирманъ на имя болгарскаго эк- зарха, которымъ предоставляется его блаженству право назначенія болгарскихъ епископовъ въ Македоніи, Эпирѣ, Фессаліи и Фракіи, сохранился въ полной силѣ.

Въ лондонской газетѣ „Таймсъ“ помѣщена слѣдующая статья по поводу столкновенія между Портою и константинопольскимъ вселенскимъ патріархомъ: „Тѣмъ, кому памятно еще, какимъ об- разомъ недоразумѣнія религіознаго характера, возникшія въ Іеру- лимѣ, послужили поводомъ къ Крымской войнѣ, нынѣшнія серьез- ныя разногласія между Блистательной Портою и константинополь- скимъ вселенскимъ патріархомъ могутъ показаться зловѣщимъ пред- знаменованіемъ. Религіозные вопросы въ Константинополѣ легко могутъ рано или поздно пріобрѣсти политическій характеръ. Ат- мосфера на берегахъ Босфора такъ сильно наэлектризована вза- имодѣйствіемъ различныхъ соперничающихъ интересовъ, что трудно разсчитывать на спокойное и безпристрастное обсужденіе такихъ вопросовъ по ихъ существу. Вселенскій патріархъ является не только представителемъ значительной и вліятельной части на- селенія Оттоманской имперіи, но пользуется также сочувствіемъ и поддержкой многихъ европейскихъ державъ. Среди нихъ первое

мѣсто принадлежитъ единовѣрной съ нимъ имперіи, традиціонную политику которой во всякомъ случаѣ нельзя признать особенно дружественною къ Портѣ. Разрывъ между Блистательной Портой и патріархомъ не можетъ поэтому считаться простой мѣстной ссорой, не представляющей никакого интереса для Западной Европы. Онъ возбуждаетъ вопросы, имѣющіе жизненный интересъ съ точки зрѣнія устойчивости и прочности царства Османовъ, возжигаетъ раздоры и недовольства въ значительной части турецкаго населенія и задѣваетъ самымъ чувствительнымъ образомъ нѣкоторыя изъ иностранныхъ державъ, оскорбляя ихъ религіозное чувство. Надо было ожидать, что турецкіе государственные дѣятели, въ виду приведенныхъ нами соображеній, найдутъ умѣстнымъ уважать существующій *modus vivendi* съ представителемъ православной греческой Церкви. Съ самаго основанія царства Османовъ между этой Церковью и турецкимъ правительствомъ существуетъ нѣчто въ родѣ конкордата. Султанъ пользуется безспорнымъ правомъ назначать патріарха и удалять его на покой, но, ваамѣнъ того, патріархъ, съ своей стороны, всегда пользовался извѣстными правами и привилегіями, ограждавшими духовный его авторитетъ надъ послѣдователями его православной, греческой Церкви. За послѣднее время, вслѣдствіе внесенія проекта судебной реформы, которая, какъ увѣряетъ Порта, должна быть примѣнена повсемѣстно въ турецкой имперіи, этимъ правамъ и привилегіямъ угрожаетъ серьезная опасность. Патріархъ, очевидно, слишкомъ хорошо знаетъ дѣйствительную цѣну, столь блестящихъ на бумагѣ, турецкихъ реформъ, чтобы промѣнять за нихъ весьма серьезныя фактическія привилегіи, которыми пользовались до сихъ поръ православные греко-восточные христіане. Во всякомъ случаѣ, онъ энергически протестовалъ противъ предложенныхъ Портою измѣненій, нарушающихъ самыя основы соглашенія между греко-восточною Церковью и турецкимъ правительствомъ. Видя, что его представленія и протесты не привели къ ожидаемому результату, патріархъ послалъ султану формальное извѣщеніе о томъ, что слагаетъ съ себя патріаршій санъ. Султанъ не принялъ отставки патріарха и дѣло на этомъ пока остановилось. Попытка заключить компромиссъ оказалась безуспѣшной, такъ какъ патріархъ не счелъ возможнымъ согласиться на предложенныя ему условія и остался при рѣшеніи сложить съ себя патріаршій санъ; Порта же, съ своей стороны, не соглашается принять его отставку. Нынешній константинопольскій патріархъ, Іоакимъ III, человѣкъ несомнѣнно очень талантливый и обладаю-

щій большою силою характера. Онъ вполне сознаетъ преимущества, обеспечиваемыя нынѣшнимъ его положеніемъ, какъ представителя и защитника христіанскаго населенія турецкой имперіи. Сколько можно судить, онъ твердо рѣшился ни подъ какимъ видомъ не поступаться этими преимуществами. Мы должны сознаться, что считаемъ, въ данномъ случаѣ, право по существу дѣла на его сторонѣ“.

— Отъ 2-го февраля опубликована слѣдующая телеграмма на Высочайшее Имя начальника Закаспійской области изъ Асхабада отъ 31 января: „Сегодня въ Асхабадѣ ханы четырехъ племенъ мервскихъ туркменъ и двадцать четыре уполномоченныхъ, избранныхъ по одному отъ каждаго двухъ тысячъ кибитокъ, приняли безусловно подданство Вашему Величеству, подтвердивъ сіе торжественной присягой за себя и весь народъ мервинскій. Къ этому рѣшенію, по заявленію хановъ и уполномоченныхъ, пришли вслѣдствіе того признанія, что сами собой они управляться не могутъ и что только сильное правительство Вашего Величества можетъ водворить и упрочить въ Мервѣ порядокъ и благоденствіе“.

Почти всѣ столичныя газеты говорили объ этомъ важнѣйшемъ политическомъ событіи послѣднихъ дней—присоединеніи къ русскому подданству Мерва. Оставляя въ сторонѣ всѣ „взгляды“, высказываемыя при семъ удобномъ случаѣ газетами, пропуская всѣ, по преимуществу, неопредѣленно гадательныя сужденія о томъ, какое значеніе *будетъ* имѣть это „присоединеніе“, мы считаемъ не лишнимъ взять изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ слѣдующій краткій историческій очеркъ мирно-пріобрѣтаемой Россіей новой провинціи:

„Судьба Мерва рѣшена. 31 января, въ Асхабадѣ, ханы Мерва, съ уполномоченными отъ всего населенія, „безусловно“ приняли русское подданство, подтвердивъ это „торжественною присягой за себя и весь народъ мервинскій“. Таковъ блестящій эпилогъ Текинской экспедиціи 1880—1881 годовъ.

Текинцы не аборигены Мервинскаго оазиса; они живутъ тамъ всего только полстолѣтіе. Сто лѣтъ назадъ этотъ оазисъ былъ одною изъ цвѣтущихъ персидскихъ провинцій. Въ 1784 году эмиръ Бухарскій Маасумъ, замышляя разграбить Хоросанъ, вступилъ въ Мервъ и послѣ трехъ лѣтъ упорной борьбы занялъ весь оазисъ. Опустошилъ его и большую часть жителей вывелъ въ Бухару. Страна опустѣла. Бухарцы, однако, были почти только номинальными владѣльцами оазиса, который въ 1794 году заняло туркменское племя Сарыкъ, владѣвшее имъ сорокъ лѣтъ. Въ 1834 году Сарыки были вытѣснены текинскими родами, вышедшими изъ Аха-

ла, съ которыми мертвинскіе Текинцы не прекращали сношеній до самаго послѣдняго времени. Родовъ этихъ было и осталось четыре: Бахши, Сышда, Бекъ и Вакиъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ своего хана, власть и вліяніе котораго на родичей весьма незначительны, вслѣдствіе чего между родами шла непрестанная борьба, сопровождавшаяся грабежами и разбоями. Бухара и Хива, еще въ недавнее время торговавшія съ Мервомъ, вынуждены были прекратить торговля сношенія именно вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ между Мервинцами. Не помогло Бухарцамъ и то, что они держали мервинскихъ заложниковъ, жизнь которыхъ должна была служить обезпеченіемъ цѣлости каравановъ. Эти же внутреннія усобицы привели Мервинцевъ и къ русскому подданству. Они сознали, что „сами собою управляться не могутъ и что только сильное Русское правительство можетъ водворить и упрочить въ Мервѣ порядокъ и благоденствіе“, которыми уже четвертый годъ пользуются ихъ родичи—Текинцы Ахала. Такимъ образомъ, Россія приобрѣла 48,000 кибитокъ (до 200.000 человѣкъ) еще такъ недавно крайне враждебнаго ей населенія, и богато одаренный природою край, орошаемый рѣкою Мургабъ, берущою начало на сѣверныхъ склонахъ Парапамиза, въ Афганистанѣ“.

По поводу того же событія не можемъ не привести слѣдующихъ строкъ изъ статьи „Новаго Времени“:

„Присоединеніе Мерва, мирное, безкровное по добровольному предложенію и ходатайству самихъ жителей этого оазиса, составитъ видную страницу въ исторіи возрастанія нашего владычества въ Средней Азіи. Мервъ, обитаемый хищными кочевниками, долгое время считавшимися грозой сосѣдей, отдался намъ самъ собою. Если торжественное событіе, принесенное въ облакахъ пороховаго дыма, среди грохота орудій, стоившее многихъ тысячъ человѣческихъ жизней и потоковъ крови, заносится народами въ лѣтописи ихъ славныхъ дѣяній, то, казалось бы, мы имѣемъ болѣе права гордиться нашимъ новымъ приобретеніемъ, доставшимся намъ единственно въ силу нравственнаго вліянія, какое русское имя оказываетъ на умы восточныхъ народовъ.“

Мервъ упалъ къ ногамъ Русскаго Царя, какъ созрѣвшее яблоко падаетъ съ своей вѣтки. Военные подвиги русскихъ солдатъ, умирающихъ героями въ силу священнаго долга, не предшествовали прямо и непосредственно этому событію, но ихъ подвигами, только въ нѣкоторой долѣ, оно было подготовлено. Изъ-за могилы своей скончавшійся такъ безвременно Скобелевъ преподнесъ Россіи этотъ даръ“.

— Надняхъ обнародовано нормальное положеніе о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, главныя основанія котораго заключаются въ слѣдующемъ. Низшія сельско-хозяйственныя школы могутъ быть: а) общія, предназначаемыя для обученія сельскому хозяйству вообще, и б) спеціальныя, открываемыя для распространенія знаній, относящихся до отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства (какъ напр. по садоводству, огородничеству, пчеловодству, винодѣлію и т. п.). Тѣ и другія учебныя заведенія раздѣляются, соотвѣтственно объему учебнаго ихъ курса, на школы перваго и втораго разряда. Сельско-хозяйственныя школы состоятъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, по департаменту земледѣлія и сельской промышленности, и могутъ быть учреждаемы земствомъ, обществами и частными лицами, и при томъ съ пособіемъ или безъ пособія отъ правительства. Курсъ ученія въ нихъ продолжается три года и распредѣляется на три класса. Практическія занятія въ общихъ школахъ состоятъ въ производствѣ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ работъ. Число часовъ, посвящаемыхъ тѣмъ и другимъ работамъ ежедневно, опредѣляется уставомъ каждой школы. Въ спеціальныхъ школахъ, учреждаемыхъ для отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, предметы и объемъ преподаванія устанавливаются министромъ государственныхъ имуществъ, сообразно съ тою цѣлью, для которой школы эти предназначаются, но во всякомъ случаѣ, приближался къ учебному курсу общихъ заведеній этого рода. Отъ поступающихъ въ школу перваго разряда требуется знаніе общеобразовательныхъ предметовъ въ объемѣ курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а отъ поступающихъ въ школу втораго разряда — знаніе тѣхъ-же предметовъ въ объемѣ курса начальныхъ народныхъ училищъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ народныхъ училищъ, при сельско-хозяйственныхъ школахъ можетъ быть открываемъ приготовительный классъ, преподаваніе въ которомъ должно соотвѣтствовать: при школахъ перваго разряда — курсу двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а при школахъ втораго разряда — курсу начальныхъ училищъ, того же вѣдомства. Ученики, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ въ школѣ перваго разряда, пользуются по отбыванію воинской повинности льготою третьаго разряда, а прошедшіе съ успѣхомъ два первые класса той-же школы, равно какъ окончившіе курсъ въ школѣ втораго разряда, пользуются такою-же льготою четвертаго разряда. Постоянное наблюденіе за ходомъ преподаванія и обученія въ сель-

ско-хозяйственныхъ школахъ, а также періодическій ихъ осмотръ возлагаются министромъ государственныхъ имуществъ на подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ. Для попеченія о благосостояніи школы и ея нуждахъ, при ней состоитъ особое лицо, съ званіемъ попечителя. Непосредственное-же завѣдываніе школою какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, возлагается на управляющаго ею. Для обсужденія и разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе въ педагогическомъ или хозяйственномъ отношеніи, при каждой школѣ полагается совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ попечителя, изъ управляющаго, законоучителя и преподавателей. Въ случаѣ отсутствія попечителя, въ совѣтъ предсѣдательствуетъ управляющій школою, который назначается по соглашенію попечителя съ ея учредителемъ и владѣльцемъ имѣнія, въ которомъ она существуетъ, преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшемъ или среднемъ сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи, и притомъ основательно знакомыхъ на практикѣ съ веденіемъ сельскаго хозяйства. Каждая школа имѣетъ подробный уставъ, составленный въ развитіе настоящаго положенія и утвержденный министромъ государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія.

— Въ виду предстоящаго разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ вопроса о способахъ и порядкѣ замѣны въ текущемъ году подушной подати другими налогами, въ правительственныхъ сферахъ снова возбужденъ вопросъ объ установленіи личнаго налога. Въ государственномъ совѣтѣ, одновременно съ разсмотрѣніемъ законопроекта, выработаннаго министерствомъ финансовъ о замѣнѣ подушной подати увеличеніемъ государственнаго поземельнаго сбора, будетъ обсуждаться и выработанный уже нѣсколько времени назадъ проектъ установленія личнаго налога. Принимая во вниманіе, что съ перенесеніемъ подушной подати исключительно на землю и землевладѣльцевъ, сельское хозяйство будетъ слишкомъ обременено налогами, проектируется часть подушной подати замѣнить увеличеніемъ государственнаго поземельнаго сбора, а другую часть—установленіемъ меньшаго личнаго налога. Согласно проекту, положенія о личномъ налогѣ въ главныхъ основаніяхъ слѣдующія: 1) Вновь предлагаемый налогъ будетъ взиматься въ размѣрѣ пятидесяти копѣекъ въ годъ. 2) Этому налогу будутъ подлежать всѣ русскіе подданные мужскаго пола, по достиженіи ими 18-лѣтняго и до 55-лѣтняго возраста включительно; тому же налогу будутъ подлежать и всѣ иностранцы, находящіеся на постоянномъ жительствѣ

или остающіеся болѣе года въ предѣлахъ имперіи. 3) Для уплаты налога проектируется установить повсемѣстно одинъ срокъ, то-есть одинъ мѣсяцъ и день. 4) Уплата налога будетъ производиться или наличными деньгами, или-же особыми податными марками, заготовленными экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ, причемъ мѣстомъ платежа будутъ служить уѣздныя казначейства; сельскія-же общества будутъ вносить платежи сборщикамъ, выбраннымъ волостными правленіями. Для этой цѣли волостныя правленія обязаны будутъ ежегодно составлять платежные списки всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ волости. 5) Всѣмъ подлежащимъ упомянутому сбору не будутъ выдаваться виды на жительство иначе, какъ по уплатѣ налога; для чего, на каждомъ паспортѣ и свидѣтельствѣ на жительство будетъ установленъ особый штемпель объ уплатѣ налога. Отъ платежа личнаго налога будутъ освобождены: а) лица, состоящія на дѣйствительной службѣ въ рядахъ арміи; б) лица, получившія раны и увѣчья во время службы ихъ въ войскахъ и отнесенныя къ одному изъ трехъ разрядовъ раненыхъ; в) лица, по увѣчью или хроническимъ болѣзнямъ признанныя неспособными къ личному труду; г) лица, призрѣваемые въ богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ; д) священно-и церковно-служители и лица монашествующаго православнаго духовенства, а равно и духовенство всѣхъ признанныхъ закономъ христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій; е) учащіеся во время прохожденія ими курсовъ учебныхъ заведеній и ж) дипломатическіе агенты, а равно и консулы иностранныхъ державъ, если они не состоятъ въ русскомъ подданствѣ.

— Экзамены для лицъ, желающихъ поступить на службу вольноопредѣляющихся 3-го разряда, будутъ производиться въ Чугуевскомъ конверскомъ училищѣ 28, 29, 30 и 31 марта. Экзаменующіеся должны вмѣстѣ съ прошеніемъ и свидѣтельствомъ о припискѣ къ призывному участку представить двѣ фотографическихъ карточки, изъ которыхъ одна остается при дѣлахъ училища, другая прилагается къ свидѣтельству.

— Г. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе ходатайства г. начальника Харьковской губерніи объ усиленіи ветеринарнаго персонала, разрѣшилъ во-первыхъ назначить въ Харьковскую губернію временно, впредь до минованія надобности, съ цѣлью тщательнаго надзора за прогоняемыми гуртами скота, мѣстами для выкорма его, за скотскими ярмарками, а также для принятія мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію повально-заразительныхъ болѣз-

ней на скотѣ (какъ гуртовомъ, такъ и мѣстномъ) — *восемь сверхъ-штатныхъ ветеринаровъ* съ производствомъ имъ содержанія въ размѣрѣ 700 рублей каждому на счетъ кредита, открываемаго по расходнымъ смѣтамъ министерства внутреннихъ дѣлъ вообще на потребности по ветеринарной части; во-вторыхъ поручить назначаемымъ ветеринарамъ взимать процентный сборъ съ гуртоваго скота, съ тѣмъ, чтобы они выполняли эту обязанность по возможности какъ въ пунктахъ постоянного ихъ пребыванія, такъ и во время поѣздокъ по скотопрогоннымъ трактамъ и ярмаркамъ, находящимся въ тѣхъ районахъ, которые будутъ назначены имъ для служебныхъ разъѣздовъ и чтобы они ни въ какомъ случаѣ не признавали взиманіе процентнаго сбора со скота исключительною своею задачею, но заботились-бы, главнымъ образомъ, о принятіи мѣръ къ предупрежденію и прекращенію эпизоотическихъ болѣзней.

— „Рус. Кур.“ сообщаютъ изъ Петербурга, что въ обществѣ сельскихъ хозяевъ возбужденъ въ настоящее время вопросъ объ искусственномъ поднятіи, научнымъ способомъ, плодородности русскихъ земель и поддержаніи нашего чернозема въ настоящей силѣ его производительности. Исторически извѣстно, что русскій черноземъ средней и южной полосы Россіи былъ кормилицею всей Европы еще въ древнія времена. Но въ настоящее время стало замѣтно истощеніе русской почвы, которая часто подвергается хроническому выгоранію. Профессоръ Даломановъ (химикъ С.-Петербургскаго университета) полагаетъ, что было-бы не лишне для хозяевъ прибѣгнуть къ оплодотворенію почвы путемъ орошенія ея растворомъ квасцовъ. Онъ уже производилъ подобные опыты и убѣдился, что этотъ способъ пока наилучшій. Между тѣмъ продуктъ этотъ (квасцы) очень дешевъ и стоитъ на Боровическихъ заводахъ только 1 руб. за пудъ.

ПОПРАВКА. Въ № 2-мъ журнала „Вѣра и Разумъ“, въ философ. отдѣлѣ, на стран. 108, строка 5, напечатано: „матеріальнаго“, — нужно читать: „математическаго“, на стран. 113, строка 6—7, напечатано: „странномъ“, — нужно читать: „страшномъ“.

О Т Ъ С О В Ъ Т А

П Р А В О С Л А В Н А Г О М И С С І О Н Е Р С К А Г О О Б Щ Е С Т В А .

Православное Миссіонерское Общество, состоящее подъ Всемилоствѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, имѣеть цѣлю содѣйствовать Православнымъ миссіямъ къ дѣлѣ обращенія въ Православную вѣру обитающихъ въ предѣлахъ Русской Имперіи нехристіанъ и утвержденія обращенныхъ какъ въ истинахъ св. вѣры, такъ и въ правилахъ христіанской жизни.

Содѣйствіе Общества, первоначально обращенное къ миссіямъ въ предѣлахъ восточной Россіи, постепенно расширяется и въ настоящее время простирается уже и на другія части Имперіи, какъ-то: на Кавказъ и Туркестанскій край, и даже на сопредѣльную намъ съ востока Японію.

Совѣтъ Общества, обращая вниманіе христіолюбивыхъ жертвователей на Православную миссіонерскую дѣятельность, все болѣе и болѣе развивающуюся сообразно потребностямъ Церкви и Отечества, усерднѣйше проситъ ихъ не оставлять своимъ содѣйствіемъ и посильными жертвами святое дѣло распространенія Православія между язычниками.

При семъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что кромѣ кружковъ, учрежденныхъ на этотъ предметъ Святѣйшимъ Синодомъ по всѣмъ церквамъ Имперіи, ежегодно раздаются отъ Комитетовъ Общества уполномоченнымъ лицамъ, преимущественно изъ духовенства, подписные листы или книжки для сбора членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій, которыя и доставляются въ мѣста, пазначенныя Комитетами. По Московской епархіи уполномочены Совѣтомъ принимать пожертвованія настоятели церквей и монастырей и начальники Духовно-учебныхъ заведеній, которые имѣютъ для сего подписные листы за печатью Совѣта. Собранныя по нимъ суммы отъ настоятелей приходскихъ церквей препровождаются *черезъ отцовъ благочинныхъ*, а начальниками монастырей и духовно-учебныхъ заведеній непосредственно отъ себя на имя Совѣта къ *казначееу* онаго, Коммерціи Совѣтнику Василю Димитріевичу Аксенову (Москва, Космодамианскій переулочекъ, Носовское подворье, амбаръ братьевъ Аксеновыхъ). Приемъ пожертвованій ежедневенъ отъ 1 до 4 часовъ по полудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Ему же доставляются и *личныя денежныя* пожертвованія на Православное Миссіонерское Общество, а также и члену Совѣта, за вѣдующему письменною частію, священнику Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви Гиктору Тимоѣевичу Покровскому, который принимаетъ въ канцеляріи Совѣта (д. означенной церкви, Якиманской части, 2 участка), въ присутственные дни, отъ 9 до 12 часовъ утра, *личныя* пожертвованія *какъ деньгами, такъ и вещами* (какъ-то: иконы, богослужебные сосуды и облаченія, книги и другіе предметы, жертвуемые для миссіонерскихъ церквей).

ЯНВАРЬСКАЯ КНИЖКА „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“.

Содержаніе: I. Слово въ день Нового года Прот. П. А. Смирнова.—II. О романѣ Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“ по отношенію къ дѣлу мысли и науки въ Россіи. А. М. Бухарева.—III. Притча о богатомъ и Лазарѣ и спиритизмъ. 1) Е. А. Тихомирова. 2) Слово. Прот. М. Дренслера.—IV. Современное отношеніе папства къ итальянскому правительству. Свящ. М. М. Воздвиженскаго.—V. Религіозныя основы жизни. Вступленіе. Вл. С. Соловьева.—VI. Годось мірянина по поводу постановленія московскаго губернскаго земскаго собранія объ избраніи священниковъ приходами. И. У. Палимсестова.—VII. Нѣсколько словъ по поводу миноваго года. М. А. Куплетскаго.—VIII. Второе викариатство въ Иркутской епархіи. Прот. П. Виноградова.—IX. Извѣстія и замѣтки: Распоряженіе Св. Синода относительно проповѣдей, произносимыхъ по случаю общественныхъ событій.—Статистическія свѣдѣнія, извлеченныя изъ отчета г. оберъ-прокурора Св. Синода за 1881 г.—Къ характеристикѣ высокопреосвященнаго Дмитрія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.—О закрытіи раскольничьей молельни въ Харьковѣ.—Пролаганда-ли это?—Изъ Кальваріи.—Отношеніе русской церкви къ иновѣрнымъ церквамъ Востока.—Некрологи: протоіерей Ф. А. Сергіевскій.—Протопресвятеръ М. И. Богословскій.—Объявленія.

Православное Обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современными невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библиографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и иностранныхъ, выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ

Цѣна съ пересылкою 7 р. Подписка принимается въ Москвѣ у редактора журнала протоіерей при церкви Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

СЪ ВЫХОДОМЪ ПОСЛѢДНЕЙ 12-й КНИГИ

ОКОНЧЕНО ИЗДАНИЕ

„ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННАГО БОГОСЛОВІЯ“

въ трехъ выпускахъ, по четыре книги въ каждомъ, безъ предварител. цензуры

1) „Современное Общество“, 2) Религія и Современное знаніе“ и 3) „Естественная религія и откровеніе“.

Цѣна за всѣ 12 книгъ (изданія „годъ третій“) — 4 руб. съ пересылкою — 5 руб. въ книжной продажѣ — 6 руб.

Полное изданіе за всѣ годы — 20 книгъ (болѣе 4000 печатныхъ страницъ) — 11 руб., съ пересылкою 14 руб.; деньги и адреса высылаются въ С.-Петербургъ, въ контору типографіи „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39. Въ Харьковѣ, у книгопродавца *Ив. Ив. Куколескаго* (Екатеринослав. д. Гинзбурга).

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ,

составленный Членомъ Археографической Коммисіи Министер-
ства Народнаго Просвѣщенія

Петромъ Гильтебрандтомъ.

ШЕСТЬ КНИГЪ.

14 Августа 1882 года ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Всемиловѣйше соизволилъ на посвященіе „Словаря“ Священной Памяти Державныхъ ЕГО Родителей.

18 Октября 1882 года ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА Всемиловѣйше повелѣли включить Свои Августѣйшія Имена въ число подписчиковъ на „Словарь“. ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ, Государь Великій Князь ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, Государыня Великая Княгиня ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА также изволили подписаться на это изданіе.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СУНОДЪ оказалъ помощь изданію „Словаря“ подпискою и рекомендаціею „Словаря“ вниманію Епархіальныхъ Архіереевъ. Епархія Тамбовская, Астраханская и Владимірская первыми отозвались и подписались на значительное количество экземпляровъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1881 года Общество Любителей Древней Письменности, издавшее пробный выпускъ „Словаря“ П. А. Гильтебрандта, признало этотъ „Словарь“ „необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія Церковно-Славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго Христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи Новозавѣтной части Библии“

Первыя четыре книги „Словаря“ высылаются подписчикамъ; въ нихъ заключается самая большая, уже законченная, часть (1424 печатныхъ страницы или 2848 столбцовъ) Словаря, вплоть до буквы П. Пятая книга печатается, и выйдетъ въ Апрѣлѣ, шестая (и послѣдняя) въ Августѣ 1884 г.

Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 150-ти печатныхъ листовъ большаго формата, такъ-что во всемъ „Словарѣ“ будетъ не менѣе 2400 страницъ, или 4800 столбцовъ. Подписная цѣна на „Словарь“: на обыкновенной бумагѣ—двѣнадцать (12) рублей; на веленовой—семнадцать (17) рублей. Подписка принимается исключительно у издателя Петра Андреевича Гильтебрандта, Петербургъ, Надеждинская, 36.

Продолженіе списка подписчиковъ будетъ приложено къ пятой книгѣ „Словаря“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1884 ГОДЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисаряѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлопольѣ, Бирючѣ, Бобрювѣ, Валкахъ, Верхнеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геничевѣ, Глуховѣ, Грозномѣ, Городиѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Королевицѣ, Кулипскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжливѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умань, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдницкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Феодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	<i>На годъ.</i>	<i>На 6 мѣс.</i>	<i>На 3 мѣс.</i>	<i>На 1 мѣс.</i>
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногор. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета, № 7.

Редакторъ-издатель А. А. Јозефовичъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою листокъ для Харьковской Епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской духовной семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по-полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.